

ISSN 2410-2415

РОССИЯ И МИР
ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

1 (15)

2018

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 1 декабря 2015 г.). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель журнала — публикация материалов по специальности: «исторические науки и археология», «экономические науки», «политология».

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в «Объединенном каталоге. Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2018 г. – 94182.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. — главный редактор, д.п.н.
Аникин В.И. — д.э.н.
Гаврилова С.М. — к.и.н.
Годованюк К.А. — к.п.н.
Иванов О.П. — д.п.н.
Каширина Т.В. — д.и.н.
Кукарцева М.А. — д.ф.н.
Липкин М.А. — д.и.н.
Маслакова-Клауберг Н.И. — к.п.н.
Мастепанов А.М. — д.э.н.
Мозель Т.Н. — д.п.н.
Неймарк М.А. — д.и.н.
Ногмова А.Ш. — к.п.н.
Развин П.А. — к.э.н.
Рудов Г.А. — д.п.н.
Сидорова Н.П. — к.п.н.
Чудодеев А.Ю. — к.и.н.
Юнгблюд В.Т. — д.и.н.

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2,
стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель:

Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2,
стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

© Дипломатическая академия МИД
России, 2018

© Оформление. ООО «ИТК «Дашков и К°»,
2018

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Токаев К.К.</i> Евразия XXI века	6
<i>Логинов Б.Б.</i> Роль искусственного интеллекта в мировом развитии (финансовый аспект)	13
<i>Борисов А.В.</i> Гуманитарная помощь в практике внешнеполитической деятельности	21

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Мозель Т.Н.</i> Европейский союз: назревшие перемены	30
<i>Колосова И.В.</i> Новые ценностные ориентиры европейской цивилизации	44
<i>Кулябина Л.Н.</i> Правые радикалы в странах Северной Европы: от мигрантофобии к евроскептицизму и нордической солидарности	54
<i>Зверева Т.В.</i> Проект Эмманюэля Макрона по реформированию Европейского союза	67
<i>Звягина Д.А.</i> Политика Польши в Восточной Европе: возрождение концепции междуморья?	78
<i>Гаврилова С.М.</i> Европейское измерение каталонского кризиса	87
<i>Надеждин А.Е.</i> Интеграционные механизмы как элемент обеспечения национальной безопасности Германии	98
<i>Мустафабейли А.М.</i> Общественные протесты в Иране. Основные причины и возможные последствия	109
<i>Ермаков И.О.</i> Дипломатический кризис вокруг Катара и перспективы его урегулирования	117

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Филитов А.М.</i> Мюнхенская конференция, 1938 год: эволюция исторических оценок	126
<i>Юнгблуд В.Т., Збоев А.В.</i> Деятельность Национального фонда в поддержку демократии в постсоветской Центральной Азии в 1994–2004 гг.	145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Шутов А.Д.</i> Теория и практика современной мировой политики	153
<i>Адамкулова Ч.У.</i> Европейская система ECTS: практика, проблемы, перспективы в киргизской высшей школе	160
<i>Писарев Д.А.</i> Российско-германские отношения в свете современных политологических исследований	168
К сведению авторов	180

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue — 4 times per year.

Academic periodic journal «The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World» is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on December 1, 2015. The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The mission of the journal is to publish materials on the specialties: «historic sciences and archeology», «economic sciences», «political science», as well as to hold «round tables».

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal «The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia» may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in «The Consolidated Catalogue. Press of Russia. Newspapers and Journals» for the 2nd half of 2018 r. – 94182.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov — Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vladimir Anikin, DSc (Economics)
Svetlana Gavrilova, PhD (History)
Kira Godovanyk, PhD (Political Science)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Marina Kukartseva, DSc (Philosophy)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Natalya Maslakova-Klauberg, DSc (Political Science)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Tatiana Mozel, DSc (Political Science)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Petr Razvin, PhD (Economics)
Georgy Rudov, DSc (Political Science)
Nadezhda Sidorova, PhD (History)
Alexander Chudodeev, PhD (History)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher:

Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg.No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. The position of the editorial staff does not necessarily coincide with the authors' opinion. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2018

© Page make-up: Publishing and trading Corporation «Dashkov & Co.», 2018

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Kassym-Jomart Tokayev.</i> Eurasia in the 21st century	6
<i>Boris Loguinov.</i> The role of artificial intelligence in global development (financial aspect)	13
<i>Alexey Borisov.</i> Humanitarian assistance in foreign policy practice	21

REGIONAL PROBLEMS

<i>Tatiana Mozel.</i> European Union: Overdue changes	30
<i>Irina Kolosova.</i> Value Orientation of the European Civilization	44
<i>Lidiia Kuliabina.</i> Right-wing radicals in the Nordic countries: from migrantophobia to euroscepticism and to nordic solidarity	54
<i>Tatiana Zvereva.</i> Emmanuel Macron's program of reforming the European Union	67
<i>Daria Zvyagina.</i> Polish foreign policy in eastern Europe: rebirth of the «Intermarium» conception?	78
<i>Svetlana Gavrilova.</i> The European dimension of the Catalan crisis	87
<i>Alexander Nadezhdin.</i> Mechanisms of integration in Germany — an element of national security	98
<i>Ali Mustafabelli.</i> Social disturbances in Iran. Motives and probable consequences	109
<i>Igor Ermakov.</i> Diplomatic crisis over Qatar and prospects of its settlement	117

HISTORY AND RELIGION

<i>Alexey Filitov.</i> Munich conference, 1938: the evolution of historical assessments	126
<i>Valery Yungblud, Artyom Zboyev.</i> Activities of the National Endowment for Democracy in Post-Soviet Central Asia in 1994–2004	145

ACADEMIC LIFE

<i>Anatoly Shutov.</i> Theory and practice of contemporary world politics	153
<i>Chinara Adamkulova.</i> The European Credite Transfer System: practice, problems, prospects in kyrgyz higher education	160
<i>Dmitry Pisarev.</i> Russian-German relations in the light of modern political studies	168
Notice to the authors	180

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Евразия XXI века

Eurasia in the 21st century

К.К. Токаев

Токаев Касым-Жомарт Кемелевич, доктор политических наук, Председатель Сената Парламента Республики Казахстан.

Аннотация: статья посвящена геополитическим процессам, которые происходят на евразийском пространстве в последние годы. Исследуется роль Евразийского экономического союза в развитии евразийского пространства, а также инициатива Китая «Один пояс — один путь», который привлек внимание многих стран мира. Анализируется роль Казахстана в процессах евразийской интеграции, которая набирает силу в последнее десятилетие.

Ключевые слова: Евразия, Республика Казахстан, «Один пояс — один путь», Новый Шелковый путь, интеграция.

Abstract: the article is devoted to geopolitical processes in Eurasia in recent years. The role of the Eurasian Economic Union in the development of the Eurasian space, as well as China's «One Belt and One Road» initiative, which drew the attention of many countries of the world are explored. The role of Kazakhstan in the processes of Eurasian integration, which is gaining momentum in the last decade, is analyzed.

Key words: Eurasia, Republic of Kazakhstan, «One Belt and One Road» initiative, Silk Road, integration.

Современные международные отношения находятся в состоянии эволюции. Мир становится более зрелым в технологическом плане, но го-

раздо более хрупким и уязвимым, нежели в период холодной войны. На смену идеологическому противостоянию пришли конфликты межэтнического, межрелигиозного характера. Международное измерение приобрел национализм. Ситуация вокруг Северной Кореи настолько обострилась, что заставляет международное сообщество опасаться ядерного конфликта глобального масштаба.

Как подчеркнул в своем выступлении 13 ноября 2017 г. на третьем заседании «Астана Клуба» президент Н. Назарбаев, «выстраивание новой архитектуры глобального развития происходит в условиях углубления геополитического, геоэкономического и геоидеологического разлома по линии Восток — Запад». Вышесказанное позволяет сделать вывод об отсутствии долгосрочных факторов стабильности на евразийском пространстве. Между тем на государства Евразии приходится почти 56% мирового валового продукта и более половины всего объема мировой торговли. Эта доля будет расти прежде всего за счет ее азиатской части. Азия стала, по сути, «локомотивом» глобальной экономики, где все большую роль играет Китай, стремящийся перевести свою экономику на цифровые рельсы.

Усиление экономической мощи Азии имеет ряд последствий. В первую очередь можно говорить о существенном увеличении потенциала торговли между Европой и Азией. Первостепенное значение здесь имеет развитие транспортно-логистической инфраструктуры [1].

В Азии сформировался «торговый квартет» — Китай, Япония, АСЕАН и Индия, на которые приходится основная доля экспортно-импортных операций. В результате ранее доминировавшие на рынке Азии американские и европейские товары и услуги уступают свои позиции азиатским компаниям. Более того, ведущие страны Азии сами начали успешную экспансию на рынки других континентов.

Привлечение инвестиций и технологический трансферт позволили ведущим азиатским государствам выйти на передовые позиции в производстве наукоемкой продукции. Азия становится все более самодостаточной в плане организации современных производств и самообеспечения товарами и услугами. В то же время азиатские экономики остаются открытыми, растет их интеграция в мировую экономику.

Значение Азии для мировой экономики усиливается также присутствием здесь крупнейших в мире запасов сырья и людских ресурсов. В процессе обсуждения находится вопрос о создании Азиатского валютного фонда, служащего интересам финансовой стабилизации и устойчивого экономического развития стран континента. С учетом этой реальности абсолютно рациональной является разработка интеграционных проектов в Евразии.

В настоящее время в нашем макрорегионе сформировались четыре важных региональных сообщества. Это — Европейский союз, Евразий-

ский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и АСЕАН. По мнению президента Н. Назарбаева, именно эти организации должны стать основой будущей Большой Евразии.

Следует отметить, что первые успешные шаги в этом направлении уже делаются. Речь идет о масштабном проекте Китая «Один пояс — один путь». Перед нами цельная, хорошо скоординированная и энергично воплощаемая в жизнь стратегия. С учетом турбулентности мировой экономики и консолидации китайского общества вокруг идеи превращения Китая в первую державу мира, обновленный проект Великого Шелкового пути можно рассматривать как далеко идущую мегапрограмму.

Данная стратегия начала реализовываться на фоне отказа США от Транстихоокеанского партнерства, провала переговоров ЕС и США о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве, затухания инициативы о зоне свободной торговли АТЭС. По оценке Китая, постепенная реализация интеграционного проекта «Один пояс — один путь» позволит в течение десятилетия довести ежегодный торговый оборот в зоне его действия до 2,5 триллионов долларов. Участниками указанной стратегии уже стали 68 стран мира, в которых проживает почти 4,5 миллиарда человек.

Для Казахстана, самого крупного государства в мире, не имеющего выхода к открытому морю, но занимающего выгодное геостратегическое положение в центре евразийского материка, этот проект имеет особое значение. Он отвечает укреплению стратегических позиций нашей страны как транзитной территории, соединяющей Запад и Восток, Север и Юг евразийского континента [2].

В рамках национальной инфраструктурной программы «Нурлы жол» Казахстан строит автомобильные и железные дороги, модернизирует воздушные и морские порты, создает международные центры пограничного сотрудничества. Время доставки товаров по маршруту Китай — Европа сократится более чем вдвое, до 10–15 суток. В 2018 г. начнется строительство евразийской высокоскоростной железнодорожной магистрали, предусматривающее сокращение времени транспортного сообщения между Европой и Китаем всего до двух дней. Окончание работ по данному проекту, в котором участвуют Казахстан, Китай, Россия и Белоруссия, предусмотрено через 8 лет. Объем транзитных перевозок через Казахстан увеличится к 2020 г. в два раза (по сравнению с 2016 г.) и достигнет 36 миллионов тонн.

На специальном форуме по Новому Шелковому пути, прошедшем в мае 2017 г. в Пекине, Председатель КНР Си Цзиньпин назвал Казахстан «чемпионом» по объему международного транзита.

Важное значение для расширения торгово-экономических связей Европы, Кавказа и Центральной Азии имеет также европейский транспорт-

ный проект «ТРАСЕКА», в котором участвуют 13 государств; маршруты «ТРАСЕКА» имеют выходы еще на 20 стран континента. Сопряжение этого проекта с транспортными артериями проекта «Один пояс — один путь» позволит сформировать единую трансконтинентальную дорожную сеть в Евразии.

В этом плане крупным событием стало открытие нового железнодорожного маршрута «Баку — Тбилиси — Карс» (БТК). Этот коридор придаст новый импульс трансконтинентальным торгово-экономическим связям по оси Восток — Запад. Для Казахстана БТК означает дальнейшее усиление транзитного потенциала и рост экспортных возможностей [3].

Формирование евразийского экономического пространства невозможно без участия Евразийского экономического союза, в состав которого входят Казахстан, Россия, Белоруссия, Армения и Кыргызстан. Этот интеграционный проект, по сути, был создан по инициативе Президента Н. Назарбаева. Интерес к сотрудничеству с ЕАЭС, обладающим совокупным ВВП 2,2 триллиона долларов и населением в 183 миллиона человек, проявили свыше 40 государств мира. Ввиду своего центрального положения на материке ЕАЭС выступает ключевым транспортным звеном, связующим экономические центры Евразии. Важное значение имеют также запасы сырьевых ресурсов государств — участников ЕАЭС — одни из крупнейших на планете.

Успешному сотрудничеству с ЕАЭС мешает санкционное противостояние. Поэтому нормализация отношений Запада с Россией могла бы значительно усилить общий торговый потенциал Большой Евразии и оздоровить всю мировую экономическую систему.

Об усилении интеграционных тенденций в Евразии свидетельствует расширение состава Шанхайской организации сотрудничества. ШОС — универсальная организация с разнообразной повесткой дня, включая борьбу против религиозного экстремизма, международного терроризма и сепаратизма. Вступление в ШОС на июньском саммите 2017 г. в Астане таких крупных азиатских государств, как Индия и Пакистан, безусловно, прибавит дополнительный экономический и политический вес этой организации. ШОС объединяет около 45% населения планеты, 60% территории Евразии, треть мировой экономики с общим ВВП оценивается более чем в 15 триллионов долларов, за что организацию уже называют «краеугольным камнем многополярного мира». С учетом этого ШОС — весьма перспективная организация, которая усилит потенциал единого экономического пространства Евразии.

Важные позиции в системе экономических связей Евразии будут сохранять государства Персидского залива, обладающие 45% всех мировых запасов нефти и 15% газа. Являясь ведущими поставщиками топлив-

ных ресурсов на рынки Европы и Азии, они играют заметную роль в обеспечении энергетической стабильности экономик евразийского материка. Рост значения стран Персидского залива определяется также их мощным финансово-инвестиционным потенциалом (ориентировочно свыше 1 триллиона долларов), накопленным за счет торговли нефтью и газом. Расширение сотрудничества с этими государствами, проявляющими активный интерес к развитию международных торгово-финансовых операций и исламского банкинга, инвестированию в различные проекты на континенте, выступает фактором укрепления интеграционных начал в Евразии.

Страны Персидского залива принимают активное участие в глобальных и региональных финансовых институтах, обоснованно претендуя на роль одного из мировых финансовых центров. Казахстан, имеющий доверительные отношения с монархиями Персидского залива, должен уделить особое внимание этому направлению, чтобы получить их поддержку в реализации своих проектов модернизации и успешном функционировании создаваемого Международного финансового центра Астаны.

По оценке международных рейтинговых агентств, к середине века в тройку лидеров мирового экономического развития войдет Индия, уступая только Китаю и США. Принимая во внимание стратегические интересы Индии, подчеркнутые ее вступлением в ШОС и заявками на сотрудничество с ЕАЭС, логично предположить, что в геоэкономических планах этой страны важное место займет северное направление. С ростом экономической мощи Индии следует ожидать от нее выдвижения собственных интеграционных инициатив, направленных на укрепление связей со странами Центральной Азии, а через них — с Россией и Европой. Прокладка нового торгового моста по линии Север — Юг с выходом на страны Индоокеанского бассейна и Юго-Восточной Азии означала бы серьезный шаг на пути укрепления единого экономического пространства Евразии.

Таким образом, формирующиеся тенденции экономического развития Евразийского континента всецело подтверждают актуальность предложенной президентом Казахстана новой геоэкономической парадигмы «стабильность через совместное развитие».

Экономическая повестка идеи Большой Евразии может быть дополнена политическим эквивалентом, суть которого отражена в Астанинской декларации ОБСЕ, провозгласившей принцип «неделимости евроатлантической и евразийской безопасности».

Осязаемый вклад в укрепление региональной стабильности и безопасности вносит Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, инициированное 25 лет назад президентом Н. Назарбаевым. Глава Казахстана выступил с этой инициативой на 47-й сессии Генеральной Ассам-

блеи ООН (Нью-Йорк, 5 октября 1992 г.) [4: 10]. К своему четвертьвековому юбилею СВМДА превратилось в авторитетный форум, в работе которого принимают участие 26 стран-членов, 9 государств-наблюдателей и 5 международных организаций. СВМДА получило статус наблюдателя в ООН, активно сотрудничает с рядом других международных организаций. Ареал участников СВМДА охватывает более 90% территории и населения азиатского континента, что делает данный форум уникальной диалоговой платформой для решения ключевых проблем безопасности и укрепления сотрудничества во всей Азии.

Формат СВМДА позволяет вывести на новый уровень взаимодействие по решению таких актуальных вопросов, как противодействие международному терроризму и экстремизму, ядерное нераспространение, продовольственная безопасность, борьба со стихийными бедствиями. Именно эти вопросы должны лечь в ближайшую повестку работы форума. Крайне важно, чтобы их обсуждение было скоординировано с усилиями ООН, ОБСЕ и ШОС по выработке общей платформы противодействия этим угрозам.

Все большего внимания требуют также проблемы незаконной миграции, наркотрафика, охраны окружающей среды, борьбы с социальным неравенством и бедностью, для решения которых необходимы многостороннее и межрегиональное взаимодействие, координация усилий глобальных и региональных организаций.

Отдельного разговора заслуживает тема урегулирования конфликтов, число которых в Евразии не уменьшается. Высокие риски безопасности и стабильности наблюдаются на Ближнем и Среднем Востоке, где набирают силу межэтнические и межрелигиозные противоречия, грозящие распадом государств и трансформацией существующих границ. Острая ситуация, чреватая непредсказуемыми последствиями, сложилась на Корейском полуострове; не спадает напряженность из-за территориальных споров в районе Южно-Китайского моря, индо-пакистанской границы. Не находят решения «замороженные» конфликты в Европе, на Кавказе, продолжается украинский кризис. По сути, забвение принципов Устава ООН о нерушимости границ и невмешательстве во внутренние дела других государств в угоду геополитическим играм и односторонним интересам дестабилизировало всю систему международных отношений.

Эти тенденции свидетельствуют о снижении эффективности мировых и региональных систем безопасности, вызванного эрозией международного права, кризисом доверия и уменьшением степени готовности к совместным действиям крупных держав. Следовательно, политическому и научному сообществам следует задуматься над поиском путей, ведущих к «перезагрузке» этих систем для повышения их миротворческого и стабилизационного потенциала. Пример Астанинского процесса по Сирии

показывает, что нетривиальные подходы, лежащие за пределами привычных политических механизмов (в данном случае — переговоры в Женеве), также могут способствовать решению этой задачи.

Архитектура единой евразийской безопасности не будет целостной и устойчивой без преодоления арабо-израильского, сирийского и афганского конфликтов. Мировому сообществу и прежде всего его евразийской части необходимо активизировать усилия по их урегулированию на основе международного права, гарантий безопасности и суверенного развития этих государств, с оказанием им всей требующейся международной помощи.

Серьезным препятствием к объединению государств для решения самых насущных проблем человечества выступают проявления протекционизма, центробежных устремлений, национализма и популизма. Очевидно, что без политической воли глав государств и правительств преломить эти негативные тенденции и нарастить сотрудничество в Евразии невозможно.

В обустройстве мирной, стабильной и процветающей Евразии XXI века важно участие всех стран континента. Видное место в ее будущей геополитической и геоэкономической конфигурации международные эксперты отводят Казахстану — стране, которую считают примером государства новой формации для нового времени. По их мнению, Казахстан следует рассматривать как очень важный элемент нового миропорядка, который сейчас только начинает складываться [5].

Казахстан, заслуживший доверие международного сообщества как государство, вносящее серьезный вклад в оздоровление ситуации на Евразийском континенте, будет продолжать осуществлять эту ответственную миссию.

Источники и литература

1. Экономика Казахстана в условиях модернизации и интеграции / Под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. 240 с.
2. Назарбаев Н.А. Эра независимости — Астана. 2017. 508 с.
3. Транспортные коридоры Евразии: новые пути сотрудничества: Материалы II международной конференции (Астана, 14 марта 2016 г.) / Отв. ред. Е.Т. Карин. Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2016. 140 с.
4. Казахстанский путь — 2050 // Последовательная и предсказуемая внешняя политика: Коллективная монография / Под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2014. Книга 3. С. 10.
5. Центральная Азия в условиях глобальной трансформации: Материалы XV ежегодной конференции КИСИ при Президенте РК по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017. 168 с.

Роль искусственного интеллекта в мировом развитии (финансовый аспект)

The role of artificial intelligence in global development (financial aspect)

Б.Б. Логинов

Логинов Борис Борисович, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России, доцент, к.э.н.

Аннотация: финансовые операции во всем мире все чаще осуществляют системы искусственного разума. Роботизация биржевой торговли привела к появлению феномена «алгоритмической торговли» — принятию торговых решений и заключению сделок без участия человека. К чему приведут подобные изменения в других областях мировой экономики — пока сложно сказать однозначно. Одним из проявлений активного внедрения подобных технологий стал рост волатильности цен на товарных и финансовых рынках.

Ключевые слова: высокочастотная торговля, алгоритмическая торговля, большие данные, робот-советник, финтех.

Abstract: in increasing frequency, financial operations throughout the world are being conducted by the systems of artificial intelligence. Robotization of the exchange trade has brought up to the appearance of «algorithmic trading» phenomenon, i.e. making trade decisions and closing deals without a man. Now it is difficult to say reliably what consequences in other spheres of global economy can be arisen from such changes. Rise of price volatility in commodity and financial markets have become one of the development of energetic introducing such technologies.

Keywords: high-frequency trading, algorithmic trading, big data, robo-adviser, fintech.

Мировой бизнес, особенно в сфере финансов, стремительно идет к новой парадигме своего развития, переходя от автоматизации к роботизации операций и взаимодействия финансовых институтов друг с другом и со своими клиентами. Средства, помогающие финансовым операторам в принятии и реализации финансовых решений, превращаются в

автономные программно-аппаратные комплексы, формирующие и реализующие свои стратегии на финансовом рынке независимо от человека. Такой трансформации способствуют изменения в наборе современных электронных технологий, как специализированных, то есть применяемых исключительно в финансовых системах, так и тех, на основе которых функционирует глобальная сеть Интернет.

В 2005 г. появился термин Web 2.0, отражающий важную веху в развитии интернет-контента и означающий появление нового формата интернет-ресурсов. Он объединил различные информационные источники, разбросанные по интернет-пространству, в единый инструмент и осуществлял постоянное обновление информации по заказу пользователя без перезагрузки сайтов (Really Simple Syndication, RSS), а также социализацию Интернета с помощью многочисленных и разнообразных блогов (интернет-дневников) [2: 391]. Началась активная социализация Интернета и превращение его из средства простой «транспортировки» информации в мощный инструмент работы с контентом. На тот момент эта работа осуществлялась человеком, но с автоматизацией отдельных функций и операций. Web 3.0 (термин 2007 г.) подразумевал профессиональный подход к созданию интернет-сервисов на основе социальных сетей, взаимодействие не пользователей друг с другом, а «интернета с физическим миром». Web 4.0 — последнее (по времени) поколение Интернета, превращение его в искусственный разум, который самостоятельно выполняет большой спектр задач, обрабатывает специализированную информацию, исследует сайты с помощью программ-роботов (ботов).

Современная версия Интернета, с одной стороны, более адаптирована под задачи пользователей и учитывает их предпочтения и интересы, экстраполируя сделанные ранее запросы и операции на их текущие действия. С другой стороны, роботизация интернета, оснащение его программами, самостоятельно взаимодействующими с пользователями и принимающими решения о том, какую информацию предоставить и в каких объемах и форме это сделать, создает новые угрозы для человечества. Одна из них — возможность управлять интересами человека и направлять их в нужное русло. Разработчики программного обеспечения и те, на кого они работают, получают огромную власть, сопоставимую с той, которую имеют средства массовой информации. Собственно, Интернет постепенно трансформирует их, а, возможно, и заменит в обозримом будущем. Воспользоваться этой новой властью могут политики для достижения своих корыстных целей, а также бизнес-структуры, включая финансовые организации, для монополизации рынка в конкурентной борьбе.

Современную деятельность финансовых институтов невозможно представить себе без использования электронных технологий. Существенно расширяется присутствие и развиваются формы освоения банками интернет-пространства. Многие банки имеют web-представительства и наряду с традиционным обслуживанием клиента через физические офисы предоставляют услуги в глобальной сети — занимаются интернет-банкингом [1: 25]. Уже появились банковские системы кредитования, которые не только осуществляют скоринг (оценку) кредитоспособности заемщика, используя big data — систему больших данных о поведении отдельных лиц, — но и самостоятельно принимают решения о выдаче кредита. С середины 1990-х гг. в банковском бизнесе впервые в США (Security First Network Bank был первым, Netb@nk — вторым), а затем и в других странах появляются полностью виртуальные банки, в которые клиент может попасть только через компьютер, имеющий выход в Интернет. В России ряд банков реализуют такую стратегию и нацелены на дистанционное обслуживание клиентов — физических лиц.

С 2016 г. в российских банках начали работать роботы-юристы, оформляющие судебные иски по операциям на рынке банковской розницы. Это может привести к сокращению юристов, которые должны будут проходить переквалификацию [5]. Подобные изменения — серьезный вызов для рынка труда, в частности для тех специалистов, которые не обладают более глубокими навыками и умениями в финансовой индустрии. Это вызов и для клиентов банка, вступающих с ним в переписку.

Не только розничный, но и оптовый рынок банковских услуг подвергается глубокой и неоднозначной трансформации. Банки как главные участники валютного рынка активно используют алгоритмы курсообразования и оценки котировок ценных бумаг. Около половины суммарных объемов торговли на ведущих биржах мира уже осуществляют роботы в виде программных продуктов, установленных на торговые терминалы участников (рис. 1). Эта доля непостоянна. Например, в 2009 г. высокочастотная торговля (High-frequency trading, HFT) составляла 60–73% от всего объема сделок на рынках США, а в 2012 г. эта доля упала примерно до 50%. С 2016 г. доля HFT роботов вновь начала повышаться [7]. США изначально были первыми во внедрении подобных систем. В 1998 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) дала разрешение на их использование трейдерами, и в последние годы они приносят финансовым компаниям миллиарды долларов. В самом начале высокочастотные сделки проводились в пределах нескольких секунд, но к 2010 г. это время уменьшилось до миллисекунд, а иногда сотен и десятков микросекунд. К наиболее крупным и известным специализированным высокочастотным трей-

дерам США относятся: Chicago Trading, Virtu Financial, Timber Hill, ATD, GETCO, Tradebot, Citadel LLC.

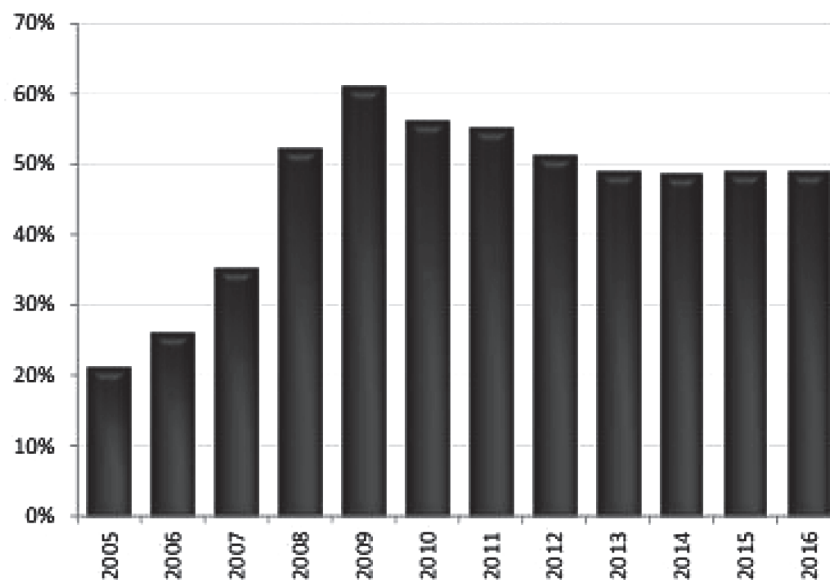

Рис. 1. Доля высокочастотной торговли на рынке акций США, %

Источник: TABB Group на сайте: <https://www.marketwatch.com> [8]

Приобретение и установка на торговые терминалы систем HFT стоит недорого. Дорого обходится и обслуживание подобных систем уже после их установки — несколько миллионов долларов ежемесячно. Особое значение имеет местонахождение сервера с установленным роботом-трейдером. Территориально он должен находиться максимально близко к самим торгам, лучше всего — на наиболее производительных серверах самой биржи, а это значит необходимо платить за их аренду. Требование территориальной близости к месту торгов объясняется тем, что даже задержка в 50 миллисекунд длится в 100 раз дольше, чем время обработки заявок. Соответственно, участники, разместившие свои программы на сервере биржи, совершат операций в 100 раз быстрее и больше. Вместе с тем, использовать подобные системы в центрах обработки данных биржи могут себе позволить только крупные игроки: банки и ведущие инвестиционные компании.

На Московской бирже сделки, которые заключают программы-трейдеры, достигли 70%-ной доли, что составляет более 10 тыс. заявок в день или около 15 млрд долл. в стоимостном эквиваленте валютных операций. Эта доля с 2014 г., когда режим валютного курса рубля изменился с ва-

лютного коридора на свободное плавание, к настоящему времени ощути-мо выросла [3, 4]. Средний размер же выставляемых заявок значительно уменьшился с 300 тыс. до 70 тыс. долл. Заявки на покупку или продажу крупных сумм в миллионах долларов стали редкими, поскольку роботы зарабатывают на количестве и скорости совершаемых операций, и в этих программах установлены небольшие лимиты на потери. Владельцы кибер-трейдеров делают это для снижения рисков. Чтобы повысить ликвидность рынка, Московская биржа вынуждена была даже увеличить шаг цены и, чтобы повысить надежность своих компьютерных систем, увеличить их мощность. Действительно, участвовавшие сбои в торговле на бирже, вплоть до приостановки торгов, явились следствием огромных перегрузок биржевых серверов из-за высокочастотных запросов и операций непреклонных машин.

В программах, принимающих решения на основе оценки рыночной стоимости акций и облигаций для осуществления покупки или продажи, наряду с алгоритмами технического анализа с недавнего времени стали использоваться алгоритмы фундаментального анализа. Для машин применение математических методов прогнозирования динамики цен финансовых инструментов является абсолютно естественным. Они гораздо точнее и быстрее любого человека построит уравнения и графики регрессии, найдут отклонения цен от их средних значений разными эконометрическими методами путем обработки огромного количества данных о результатах курсовой динамики в прошлом и настоящем. Переход к фундаментальному анализу можно назвать революцией в развитии систем машинного анализа и торговли. Эти системы, «заходя» на информационные ленты новостей, самостоятельно выбирают те из них, которые содержат сведения, оказывающие или способные оказать влияние на рыночную конъюнктуру. Вычлняют ключевые слова, логически их обрабатывают и делают вывод о возможном изменении спроса и предложения, объемах производства и запасах, изменении финансовых показателей компаний и макроэкономических показателей и, как следствие, цен на финансовые инструменты.

Еще одним направлением интеллектуализации финансового бизнеса стало развитие роботов-советников, бросающих вызов огромной индустрии традиционных финансовых консультантов. Этот термин в последнее время стал одним из самых популярных на Западе [9]. Финансовые роботы-советники в значительной степени подрывают основы коллективного инвестирования через розничные фонды, банки, брокерские конторы. Бизнес последних во многом строился на том, что индивидуальные инвесторы в большинстве своем не обладают всей полнотой информации и знаний о финансовом рынке и не могут на равных с крупными финансовыми организациями принимать взвешенные решения, выстраи-

вать сложные инвестиционные стратегии, эффективно наполнять и управлять своим инвестиционным портфелем. Роботы берут на себя все этапы финансового консультирования: 1) начальный инвестиционный скрининг, который означает фильтрацию широкого набора инвестиционных решений в текущей рыночной ситуации в целях выбора тех, которые отвечают заданным параметрам (размеру дивидендов, рыночной капитализации, соотношению P/E¹ и др.); 2) реализацию инвестиционных стратегий; 3) мониторинг реализации выбранных стратегий и внесение в них требуемых корректив на постоянной основе. Все это электронные помощники делают через дружественный интерфейс приложений для компьютеров, смартфонов и веб-сайтов. Индивидуализация финансовых инвестиций под задачи и предпочтения отдельно взятого частного инвестора — конкурентное преимущество роботов-советников. Такая персонализация инвестиций практически невозможна для частных лиц в инвестфондах и банках, особенно с небольшими сбережениями. Там набор инвестстратегий ограничен и типологизирован.

Банки во многих странах мира уже ведут острую конкурентную борьбу с компаниями финтех-индустрии² и с каждым годом борьба эта только ужесточается. Дело в том, что финтех-компании осуществляют отдельные банковские операции, и на них не распространяются нормативы, которые обязаны исполнять полноценные банковские институты с лицензией от ЦБ. Адекватного банковскому регулированию деятельности данных компаний пока нет. Финтех-бизнес и финтех-компании, изначально обслуживавшие финансовую индустрию и традиционные финансовые институты, начинают их оттеснять и становиться самостоятельным игроком. Этот бизнес включает широкий набор услуг и технологий, таких как искусственный интеллект, работа с биометрическими данными (например, для авторизации пользователей), шифрование, облачные вычисления (арендованные мощности на облачных серверах позволяют даже заниматься майнингом³ криптовалют), осуществление платежей и обработка информации по распределенным реестрам (блокчейн-технологии).

Высокими темпами растут инвестиции в саму финтех-индустрию. Если в 2010 г. их объем составлял 9 млрд долл., то в 2016 г. эта величина превысила 25 млрд долл., а их рыночная стоимость за десять лет выросла в 4 раза [6]. В страновом разрезе лидирующие позиции в венчурных инве-

¹ Price-to-Earnings Ratio, P/E — англ. финансовый показатель, равный отношению рыночной стоимости акции к годовой прибыли, которую она приносит.

² Финтех — сокращ. от финансовой технологии.

³ Майнинг — от англ. mining — добыча, разработка месторождений в горном деле; эмиссия цифровых валют.

стициях в эту индустрию делят между собой Китай (7158 млн долл.) и США (5437 млн долл.), намного превосходя по таким расходам Великобританию (1793 млн долл.), Германию (668 млн долл.) и Японию (493 млн долл.).

Несколько отстает от других финансовых организаций в развитии самодостаточных и самоуправляемых электронных систем страховая отрасль, хотя и здесь широкое распространение получили электронные помощники на веб-сайтах страховщиков, которые подберут клиенту страховой полис по заданным параметрам размера страховой премии, стоимости страхуемого имущества, срока страхования и т.д. Наиболее консервативной формой оказалось страхование жизни, возможно, по причине плохо стандартизируемых условий каждого клиента или сложности страхового продукта. Несмотря на то, что 70% клиентов, предъявляющих спрос на такой продукт, начинают сбор информации с помощью онлайн-инструментов, менее трети из них доходит до последних стадий заключения контракта виртуально без посещения офисов. У страховых компаний, так же как и у банков, есть виртуальные помощники в сборе и обработке информации о клиентах. Такие финтех-компании, как Pega Systems и ClickFox, просто незаменимы для страховщиков в сборе информации о клиентах из множества источников: социальных сетей, сайтов для интернет-покупок, поисковиков, информации о получении жилищно-коммунальных услуг (уже и в России широко практикуется сбор и передача информации со счетчиков воды и электропотребления на порталах муниципалитетов в сети Интернет, иногда в автоматическом режиме). Пока еще страховщики инвестируют недостаточно средств в искусственный разум и отстают от банков. Одна из крупнейших компаний страховой индустрии — немецкий Allianz, — чья клиентская база составляет 85 млн чел., инвестирует 650 млн евро в год в развитие цифровых услуг, что в 5–10 раз меньше крупнейших банков. К примеру, крупнейший банк Франции в 2016 г. потратил 3 млрд евро. Даже российский ВТБ тратит около 1 млрд долл. в год на IT-технологии. Некоторые страховщики под давлением быстрых цифровых изменений, сталкиваясь с инерционностью своего главного бизнеса, открывают электронные площадки в смежных областях. Например, ведущая финансовая компания Китая PingAn создала многофункциональную электронную площадку, где страхование жизни ушло на второй план, а на первый вышли управление активами (wealth management), автокредитование и страхование, потребительское кредитование и страхование здоровья. Кроме того, она стала крупнейшей краудфандинговой площадкой Китая передовых стартапов, порталом кооперацией врачей (50 тыс. докторов) и площадкой P2P-кредитов¹, где физические лица кредитуют друг друга.

¹ Peer-to-peer (P2P) — равный с равным (англ.).

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что мировая финансовая индустрия находится в лидерах цифровых изменений и электронного бизнеса, внедряя лучшие практики электронного обслуживания клиентов и саморазвития. Искусственный интеллект до неузнаваемости изменил механизмы биржевой торговли, банковского дела. В складывающейся ценовой конъюнктуре на мировых финансовых и товарных площадках уже сложно сказать, кто вносит более весомый вклад: человек или искусственный разум.

Источники и литература

1. *Логинов Б.Б.* Международный банковский бизнес. М.: Юрайт, 2017.
2. *Международные экономические отношения / Под ред. В.Е. Рыбалкина, В.Б. Мантусова.* 10-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
3. Курс рубля оказался во власти роботов после ухода ЦБ. — Режим доступа: <http://www.finanz.ru/novosti/valyuty/kurs-rublya-okazalsya-vo-vlasti-robotov-posle-ukhoda-cb-1001251791> — Дата обращения: 01.12.2017.
4. Официальный сайт Московской биржи. — Режим доступа: <http://www.moex.com/> — Дата обращения: 01.12.2017.
5. Робот-юрист заменит 3000 сотрудников Сбербанка. 12 января 2017 г. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2017/01/12/672785-robot-yurist-ostavit-bez-raboti> — Дата обращения: 06.01.2018.
6. *Griffoli, T.M.* Banking On Change // Finance & Development, IMF, September, 2017. — Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2017/09/index.htm> — Дата обращения: 01.12.2017.
7. HFT роботы в трейдинге (trading). — Режим доступа: <http://tradinghub.ru> — Дата обращения: 01.12.2017.
8. High-frequency trading has reshaped Wall Street in its image. — Режим доступа: <https://www.marketwatch.com/story/high-frequency-trading-has-reshaped-wall-street-in-its-image-2017-03-15> — Дата обращения: 01.12.2017.
9. Robo-advice — a true innovation in asset management // Deutsche Bank Research, August 10, 2017. — Режим доступа: https://www.dbresearch.com/PROD/RPS_EN-PROD/PROD0000000000449125/Robo-advice_-_a_true_innovation_in_asset_management.PDF — Дата обращения: 01.12.2017.

Гуманитарная помощь в практике внешнеполитической деятельности

Humanitarian assistance in foreign policy practice

А.В. Борисов

Борисов Алексей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: проводится анализ гуманитарной помощи как средства для продвижения политических, экономических интересов либо интересов в сфере безопасности. Рассматривается специфика отечественного подхода к определению гуманитарной помощи и ее использованию во внешнеполитической практике.

Ключевые слова: внешняя политика; гуманитарная деятельность, помощь, система; гуманитарное сообщество; международная, глобальная и национальная безопасность; международные неправительственные гуманитарные организации.

Abstract: the analysis of humanitarian assistance as a means for promoting political, economic interests and interests in the sphere of security is being conducted. The specifics of the Russian approach to the definition of humanitarian assistance and its use in foreign policy practice is carried out in the article.

Key words: foreign policy, humanitarian activity, assistance, system; humanitarian community; international, global and national security; international non-governmental organizations.

Всемирный гуманитарный саммит, состоявшийся в мае 2016 г. в Стамбуле, констатировал несостоятельность сложившейся глобальной системы гуманитарной помощи. Даже гуманитарные организации, входящие в «Большую пятерку»¹ по объемам финансирования и привлекаемых ресурсов, такие как Oxfam international, заявляют о необходи-

¹ В «Большую пятерку», определяемую объемами привлекаемого финансирования, входят такие международные неправительственные гуманитарные организации, как Médecins Sans Frontières, Save the Children, Oxfam, World Vision, International Rescue Committee (IRC). Именно они поглощают около 36% (около 3,4 млрд долл. в 2016 г.) прямого финансирования всех неправительственных гуманитарных организаций, составляя менее 0,1% от их числа. Подробнее см.: [22: 73]; [27: 41].

мости перевернуть с головы на ноги сложившуюся систему гуманитарной помощи, а *Mercy Corps* прямо указывает на несостоятельность сложившейся системы координации гуманитарных усилий мирового сообщества [13: 96–98]. Понимание, что сложившаяся практика гуманитарной помощи ориентирована не на удовлетворение гуманитарных потребностей людей, а лишь на процесс оказания гуманитарной помощи, не на удовлетворение базовых потребностей тех, кто находится в состоянии нужды и опасности, а на попытки определения и нормативного описания процедур, нашло отражение в докладе Генерального секретаря ООН [4]. Поиск путей реформирования системы с неизбежностью отсылает нас к вопросу о принципиальной необходимости и назначении глобальной системы гуманитарной помощи, возглавляемой ООН.

Глобальная система в том виде, в котором ее продвигают, имеет относительно короткую историю, а само использование термина «система» иногда ставится под вопрос в силу целого ряда причин, не имеющих отношения к вопросу о ее существовании [27: 18]. Более того, само определение гуманитарной системы «как сети международных гуманитарных структур, функционально связанных рамочной системой координации, которая создана Генеральной ассамблеей в ее резолюции 46/182 и ее последующих резолюциях и включает Координатора чрезвычайной помощи, Межучрежденческий постоянный комитет и механизмы планирования и финансирования, и руководствующихся приверженностью руководящим принципам, принципам гуманности и нормам международного права» [16], было дано Генеральным секретарем ООН лишь в 2013 г. Это определение примечательно в силу целого ряда причин. Но главным образом указанием на точку отсчета — 9 декабря 1991 г.

В случае принятия данного определения неизбежен вопрос — каким образом из разрозненных усилий государств, организаций и частных лиц, движимых в иных случаях национальными (имперскими) интересами, а в иных — человеколюбием, основанным на религиозной традиции, была сформирована та система гуманитарной помощи, которая сегодня подвергается критике как «...излишне централизованная и иерархически организованная структура, чрезмерно ориентированная на ООН» [26]. И почему за точку отсчета принят именно 1991 г. Попытка создания такой системы была предпринята в 1971 г., когда в связи с серией крупных стихийных бедствий было создано Бюро Координатора Организации Объединенных Наций по оказанию помощи в случае стихийных бедствий (UNDRO) и учрежден пост Координатора по оказанию помощи в случае стихийных бедствий [9]. Очевидно, что эта попытка оказалась неудачной, но тогда возникает иной вопрос: что помешало создать глобальную гуманитарную систему в 1971 г. и что способствовало ее формированию в 1991 г.

Проблема заключается в том, что гуманитарная система, построенная на принципах, закрепленных в резолюциях Генеральной ассамблеи ООН 46/182 и 58/114¹, которые оспариваются крайне редко, невозможна в условиях стабильного мира и устойчивых государств. Актуализация гуманитарной помощи, сопровождающаяся ростом гуманитарных организаций, происходит в периоды глобальных трансформаций, сопровождающихся распадом сложившегося миропорядка, ослаблением, а зачастую и разрушением государств. Гуманитарная помощь — порождение войны. Предоставление помощи должно способствовать выходу из ситуации, когда государство, гарантировавшее в той или иной степени минимальные стандарты выживания человека, оказывается неспособным к исполнению гарантий или же само представляет угрозу. Но предоставление помощи обуславливается не только и не столько слабостью государства-реципиента, а прежде всего заинтересованностью в сохранении, усилении и стабилизации последнего со стороны донора, предоставляющего ресурсы.

Чем дольше длится вооруженное противостояние, тем более актуальна гуманитарная деятельность: «...во время затяжных конфликтов гуманитарная помощь может поддерживать на базовом уровне необходимую для развития инфраструктуру и оказание услуг и даже выступать в роли «сетки безопасности» [19]. Однако гуманитарная помощь не только «сетка безопасности» для государства. Это и один из способов достижения внешнеполитических целей и целей в области национальной безопасности. В основе гуманитаризма лежит сомнение в суверенности государства. В Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета, принятой в декабре 1965 г., в разгар антиколониальных и гражданских войн на Африканском континенте, сопровождавших становление государств, содержится, пусть и неявное, указание на помощь как форму вмешательства: «...осуждаются не только вооруженное вмешательство, но и все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов» [3].

В это же время происходит взрывной рост гуманитарных организаций и объемов, привлекаемых ими ресурсов — в 1960 г. ежегодный бюджет упоминаемой ранее международной неправительственной гуманитарной организации Oxfam international впервые превысил отметку в 1 млн

¹ В резолюции Генеральной ассамблеи ООН A/RES/46/182 содержится указание на принципы гуманности, беспристрастности, нейтральности; в резолюции A/RES/58/114 — на принцип независимости.

фунтов стерлингов, а всего к концу 1960-х гг. были созданы 289 крупных НПО [24: 201]. Однако вновь возникшие НПО были тесно связаны с политикой государств своих стран, а их деятельность отражала приоритеты, навязанные «холодной войной». Именно тогда приходит понимание эффективности гуманитарной помощи и содействия как элемента внешней политики, а гуманитарных организаций — как ее эффективных инструментов [25: 2–27]. Гуманитарные организации позволяли государствам — лидерам противостоящих блоков воздействовать на ситуацию на африканском континенте, избегая последствий, о которых предупреждал Государственный департамент США в 1960 г., настаивая на предоставлении помощи Конго исключительно по каналам ООН: «Если США окажут прямую помощь, то Советский Союз и другие коммунистические страны сделают то же самое. Восстановление Конго превратится в противостояние в духе холодной войны, что не пойдет на пользу ни Конго, ни Африке, ни всему свободному миру» [6: 57].

Схожая ситуация сложилась в начале 1990-х гг. Бутрос Б. Гали в ходе заседания Совета Безопасности ООН на высшем уровне указывал на взрывной рост государств как на основную угрозу национальной безопасности: «Болезнь национализма приведет к возрастанию до бесконечности числа сообществ, претендующих на суверенитет» [11]. Мировое сообщество вновь столкнулось с ситуацией, характерной для послевоенных лет: слабые государства, испытывающие избыточное давление граждан, чьи требования невозможно удовлетворить, вновь представляли угрозу. Предоставление в распоряжение новых государств достаточного количества ресурсов, чтобы обеспечить их стабилизацию — задача, от решения которой зависели международный мир и безопасность. Гуманитарная помощь не вдохновлялась гуманизмом, она выступала инструментом глобального управления, иллюзия возможности которого возникает сразу же по окончании холодной войны [27: 3].

Задачу координации ООН возложила на себя, а в резолюции Генеральной ассамблеи 46/182 говорится, что «Организация Объединенных Наций призвана играть главную и уникальную роль в обеспечении руководства усилиями международного сообщества по поддержке пострадавших стран и координации этих усилий» [12]. Это не означает беспристрастный характер координатора и бескорыстность помощи. Примеры использования гуманитарной деятельности как инструмента влияния приводятся в заявлении организации «Врачи без границ»: «... в Сьерра Леоне в 1997 г. ООН отозвала свой персонал и прекратила чрезвычайную помощь, выполняя поставленную политическую задачу по ослаблению AFRC/RUF (Революционного совета вооруженных сил/ Объединенного революционного фронта), и в результате население намеренно обрекли на страдания и

голод, которых иначе можно было избежать. ... В апреле 2006 г. Всемирная продовольственная программа (ВПП) объявила о сокращении вдвое рационов беженцам Дафура из-за недостаточного финансирования. Это произошло из-за того, что страны-доноры решили поставить вопрос помощи населению в зависимости от подписания мирного соглашения» [8].

Происходит инструментализация гуманитарной деятельности, то есть гуманитарная помощь все чаще используется для продвижения политических, экономических интересов либо интересов в сфере безопасности. Гуманитарное сообщество в этом случае представляет собой не более чем каналы, по которым доноры, 90% которых составляют государства [28: 41], поставляют ресурсы. Американский журналист Филипп Гуревич приводит слова сотрудника Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев: «Гуманитарная психологическая установка — не думать, просто делать... мы, подобно роботам, запрограммированы спасти некоторые жизни. Но когда контракты закончатся или когда станет слишком опасно, мы уйдем, и, возможно, людей, которых мы спасли, в конце концов все же убьют» [2: 404]. Примечателен комментарий Гуревича: «“Гуманитарии” не любят, когда их называют наемниками, но “не думать, просто делать”» — это психологическая установка наемников» [2: 404].

Нейтралитет, беспристрастность, гуманность и независимость — удачное сочетание для определения позиции «наемника», который в условиях гражданской войны либо, как в случае Руанды, геноцида не склоняется к позиции ни одной из сторон, а исполняет волю донора [21]. Интересно замечание, сделанное относительно взаимоотношений государств-доноров и Департамента по гуманитарной помощи и гражданской защите ЕС — ЕСНО: «помощь технически направляется через межправительственные организации, которые, по-видимому, имеют свободу действий по поводу того, как расходуются деньги, хотя было бы наивно думать, что ... ЕСНО будет глух в отношении мнения основных европейских государств» [22: 30–31]. Доноры диктуют свою волю, предоставляя либо отказывая в предоставлении помощи, которую перераспределяют гуманитарные организации. Но взрывной рост количества организаций, занимающихся гуманитарной деятельностью, а таковых уже в 2015 г. насчитывалось более 4,5 тысяч [28: 38], приводит к росту конкуренции за ограниченные ресурсы, предоставляемые донорами. Растущая конкуренция за ресурсы — залог лояльности гуманитарных организаций по отношению к донорам. Последние же преследуют собственные интересы.

В Концепции внешней политики Российской Федерации содержится указание на важность инструментов «мягкой силы» в мировой политике: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач ин-

струментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [17]. Но специфика в определении гуманитарной деятельности в России заключается в том, что под гуманитарными методами и технологиями подразумевается то, что в западной традиции обозначается термином *humanities* — науки и академические дисциплины, изучающие человека, общество и культуру. Упоминая о гуманитарной деятельности, обычно имеют в виду деятельность в области культуры, образования и науки, сохранения исторического наследия, связей с диаспорами. Именно так трактуется означенная деятельность в документах стратегического планирования России.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации слово «гуманитарный» употребляется лишь при перечислении стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры [16]. В Концепции внешней политики Российской Федерации содержится утверждение, что в области Международного гуманитарного сотрудничества Россия видит свои задачи в том, чтобы: «добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем конструктивного, равноправного международного диалога с учетом национальных, культурных и исторических особенностей и ценностей каждого государства, осуществлять мониторинг ситуации с соблюдением прав человека в мире, способствовать привлечению к решению задач в данной сфере российских институтов гражданского общества...» [17]. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека «создание такого мира, в котором люди... будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей» [1]. Это значит, что сложившееся отечественное понимание гуманитарной деятельности нуждается в корректировке. Еще в 1855 г., наш соотечественник, писатель, географ и последний управляющий Фортом Росс, Александр Гаврилович Ротчев, описывая свое путешествие по британской Индии, заявил: «...к чему привели различные миссионерства, отправленные в Индию? Они только показали свое ничтожество. Сначала следовало бы приняться за улучшение физической стороны народонаселения и потом уже обратить внимание на нравственность: человек, страдающий от голода и стужи, прежде всего требует пищи и одежды» [13: 394].

Единственное нормативно закрепленное определение, содержащееся в Федеральном законе «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации...», где гуманитарная помощь определяется, как «вид безвозмездной помощи (содействия), предоставляемой для оказания медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально незащищенным, пострадавшим от стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций» [14].

чайных происшествий группам населения, для ликвидации последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий, расходы на транспортировку, сопровождение и хранение указанной помощи (содействия)» [20]. Это определение некоторым образом извращает суть гуманитаризма: не просто помощь людям, испытывающим страх и нужду, а помощь вне национальных границ, расовых, этнических и культурных различий. Название доклада Генерального секретаря ООН в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам — «Единое человечество: общая ответственность» [4]. Вот суть гуманитаризма.

Удивляет, что определение гуманитарной помощи, содержащееся в Федеральном законе, не совпадает с определением, приведенном на сайте МЧС России, где, помимо прочего, указывается, что «внутренняя и международная гуманитарная помощь базируется на трех основополагающих принципах: гуманности, беспристрастности, нейтралитете» [7]. Возможно, это лишь следствие того, что в отечественной традиции гуманитарная помощь исключена из перечня мероприятий, входящих в гуманитарную деятельность, и представляется скорее технической, несамостоятельной задачей, решение которой будет способствовать успеху при решении иных инструментальных задач. Анализ российского участия в гуманитарной помощи ООН позволяет предположить, что Россия пытается играть по правилам, которых не устанавливали, доставляя грузы и предоставляя транспорт и гуманитарный персонал [5].

Проблема заключается в том, что отечественная система координации гуманитарной помощи, выстроенная в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке оказания помощи иностранным государствам в ликвидации чрезвычайных ситуаций» [10], определяет лишь порядок реагирования на запросы пострадавших государств и не отвечает на вопрос, кто определяет политику государства в области гуманитарной деятельности, обозначая приоритеты, анализируя и оценивая гуманитарные потребности в странах, затронутых кризисом или находящимся в зоне риска, выстраивая систему доверенных организаций, определяя параметры взаимодействия, в том числе и с ООН. Не имея единого центра по выработке политике в области гуманитарной помощи, не определяя цели, которые могут быть достигнуты с ее помощью, невозможно измерить эффективность наших гуманитарных усилий. У России есть ресурсы, но у нет органа, ответственного за стратегическое планирование их применения, координирующего деятельность множества организаций в сфере гуманитарного реагирования, анализирующего ход и результаты гуманитарной деятельности. Более того, во многом вследствие того, что гуманитарная деятельность не воспринимается как действенный инструмент по реализации внешнеполитических интересов

и интересов в области национальной безопасности, отсутствует нормативная основа для выработки политики в этой области.

К сожалению, отечественная трактовка гуманитарной деятельности осталась на уровне середины XX века. В декабре 1960 г. состоялась встреча замминистра иностранных дел СССР Семенова и посла ОАР в СССР Мохаммеда эль-Куни. Речь шла о возможном создании совместного командования ВС африканских стран. Было высказано опасение, что создание этого командования без предоставления ему материальных средств приведет к тому, что командование станет «гуманитарным органом, фикцией» [6: 111]. В настоящее время недопустимо использовать определение «гуманитарный» для описания фикции.

Источники и литература

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml — Дата обращения: 14.01.2018.
2. Гуревич Ф. Мы вынуждены сообщить вам, что завтра нас и нашу семью убьют. Истории из Руанды. М.: Издательство «Э», 2018.
3. Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета: Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 2131 (XX).
4. Единое человечество: общая ответственность: Доклад Генерального секретаря в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам. А/70/709.
5. Итоги международной деятельности МЧС России. Официальный сайт МЧС России. — Режим доступа: http://www.mchs.gov.ru/activities/international/Itogi_mezhdunarodnoj_deyatelnosti — Дата обращения: 14.01.2018.
6. Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015.
7. Официальный сайт МЧС России. — Режим доступа: <http://www.mchs.gov.ru/dop/terms/item/86651/> — Дата обращения: 26.12.2017.
8. Организация Объединенных Наций: обманчивые реформы в гуманитарной сфере? «Врачи без границ» / Médecins Sans Frontières (MSF). Официальный сайт. — Режим доступа: <http://ru.msf.org/ru/organizaciya-obedinennyh-naciy-obmanchivye-reformy-v-gumanitarnoy-sfere> — Дата обращения: 13.01.2018.
9. Помощь в случае стихийных бедствий и других бедственных положений: Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 2816 (XXVI).
10. Постановление Правительства РФ от 31.08.2000 № 644 «О порядке оказания помощи иностранным государствам в ликвидации чрезвычайных ситуаций».
11. Предварительный стенографический отчет о три тысячи сорок шестом заседании, состоявшемся в центральных учреждениях [ООН], Нью-Йорк, пятница, 31 января 1992 г., в 10 ч. 30 м. S/PV.3046. — Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.3046&referer=http://research.un.org/en/docs/ — Дата обращения: 13.01.2018.

12. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/46/182.
13. *Ротчев А.Г.* Правда об Англии и сказания о расширении владений ее во всех частях света. 2-е изд. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1855.
14. Секретариат Всемирного саммита по гуманитарным вопросам. Восстановление гуманности: общие сведения о процессе консультаций в рамках подготовки к Всемирному саммиту по гуманитарным вопросам. Нью-Йорк, Организация Объединенных Наций, 2015.
15. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> — Дата обращения: 14.01.2018.
16. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 дек. — Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnostsite-dok.html> — Дата обращения: 14.01.2018.
17. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> — Дата обращения: 14.01.2018.
18. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря. A/68/84–E/2013/77.
19. Укрепление координации в области гуманитарной помощи и помощи в случае стихийных бедствий, предоставляемой Организацией Объединенных Наций, включая специальную экономическую помощь, [пункт повестки дня 69 (а)], Генеральная ассамблея ООН, 71-я сессия. Заявление МККК. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/ukreplenie-koordinacii-v-oblasti-gumanitarnoy-pomoshchi-oon-2016> — Дата обращения: 13.01.2018.
20. Федеральный закон от 04.05.1999 № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации». — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901732464> — Дата обращения: 06.01.2018.
21. *Бажанов Е.П.* Восточный экспресс с остановками на Западе. Записки очевидца. М., 2008. 614 с.
22. *Barnett, M., Weiss, T. G.* Humanitarianism Contested: Where Angels Fear to Tread, London: Routledge, 2011.
23. Global humanitarian assistance report 2017. Development Initiatives Ltd. 2017.
24. *Kent, R.C.* Anatomy of Disaster Relief: The International Network in Action. London: Pinter Publishers, 1987.
25. *Maillard, D.* 1968–2008: le Biafra ou le sens de l'humanitaire. Humanitaire. Vol. 18. 2008.
26. Mercy Corps. Cracking the Code: Enhancing Emergency Response & Resilience in Complex Crises. — Режим доступа: https://www.mercycorps.org/sites/default/files/Mercy_Corps_Cracking_the_code-Enhancing_emergency_response_resilience_in_complex_crises.pdf — Дата обращения: 25.01.2017.
27. The Golden Fleece: Manipulation and Independence in Humanitarian Action (ed. by A. Donini). Sterling: Kumarian Press, 2012.
28. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2015.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Европейский союз: назревшие перемены

European Union: Overdue changes

Т.Н. Мозель

Мозель Татьяна Николаевна, доктор политических наук, проректор по вопросам повышения квалификации и профессиональной переподготовки Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в юбилейном для Евросоюза 2017 году повышенную остроту приобрел вопрос о необходимости серьезных реформ, предопределенных многоплановым кризисом объединения. Путь, пройденный от создания отраслевого Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в составе шести европейских государств до масштабного и разновекторного сообщества двадцати восьми стран, был наполнен реформами, дополнениями, отступлениями, преобразованиями разного рода, в результате которых и сформировался современный Евросоюз. В настоящее время ввиду накопившихся проблем, переросших в кризис, ведется дискуссия о судьбе самого ЕС, которая предусматривает дальнейшее движение на разных скоростях в зависимости от готовности стран-членов участвовать в очередных стадиях интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз, интеграция, кризис, реформы, еврозона, европейский проект, Брекзит, миграционный кризис, популизм.

Abstract: in the anniversary for the EU 2017 acquired greater urgency the question of the necessity of serious reforms, a predefined multi-dimensional crisis of the community. The path from the creation of a sectoral European coal and steel Union (EOUS) consisting of six European States to a large-scale and multi-vector community of twenty-eight countries was filled with reforms, complementary inclusions, deviations, transformations of various

kinds, as a result of which a modern European Union was formed. Currently, in view of the accumulated problems, the crisis has turned into a debate on the fate of the EU itself, which provides for further movement at different speeds, depending on the willingness of member countries to participate in the next stages of integration.

Key words: European Union, integration, crisis, reforms, Eurozone, European project, Brexit, migration crisis, populism.

В юбилейном для Евросоюза 2017 году приобрел повышенную остроту вопрос о необходимости серьезных реформ, predetermined многоплановым кризисом объединения. Собственно, вся история этого крупнейшего интеграционного объединения наших дней — это последовательная череда изменений как в содержательной, так и в территориальной структуре нынешнего Европейского союза. Путь, пройденный от создания отраслевого Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в составе шести европейских государств до масштабного и разновекторного сообщества двадцати восьми стран, был наполнен реформами, дополнениями, отступлениями, преобразованиями разного рода, в результате которых и сформировался современный Евросоюз.

В создании ЕЭС в 1957 г. принципиальную роль наряду с глубокими историческими традициями «европейской идеи» и внутренними императивами играли внешние факторы: заинтересованность США в установлении контроля над Европой и противостояние СССР. Эти обстоятельства за шесть десятилетий заметно трансформировались. От начальной стадии глобализации мир перешел к ее зрелой фазе, когда наряду с позитивными результатами и широкими перспективами открытости и взаимозависимости стали очевидны глубокие противоречия этого исторического процесса, обнаружили его бенефициары и «лузеры». В выигрыше оказались наиболее развитые страны, прежде всего США, а также ранее периферийные государства, сумевшие воспользоваться плодами глобализации, Китай, Индия и некоторые другие азиатские, латиноамериканские и африканские страны.

Европейские страны, приступившие после Второй мировой войны к интеграции своих хозяйственных структур, через интеграцию плавно вовлеклись в глобализационный процесс. В дальнейшем он обеспечил этим странам не только внутренние экономические достижения, но и позволил стать весомыми международными акторами. Основатели проекта считали, что европейский политический союз предотвратит новую войну и делает прививку от коммунизма всему континенту. Они начали с программы экономического сотрудничества, по-марксистски убежденные в том,

что «за правильной экономикой последует правильная политика», как отмечает британский писатель и дипломат, почетный доктор и профессор Бирмингемского университета Родрик Брейтвейк [1].

Достижения создававшегося многие десятилетия европейского проекта не стоит недооценивать. За годы существования объединения был создан огромный единый рынок, в рамках которого установлена свобода передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. В масштабах ЕС удалось добиться принятия общей торговой, таможенной, сельскохозяйственной и экологической политик, развернуты программы в культурной и образовательной сферах. Европейское объединение постепенно обрело атрибутами государства, была разработана и задействована система внешнеполитического обеспечения, открылись делегации ЕС (по существу, посольства) во многих странах мира; ЕС имеет представительства при важнейших международных организациях (ООН, НАТО, ВТО и др.) [2].

По мере углубления интеграции в сообществе возникали все новые проблемы, связанные с экономическими и политическими преобразованиями внутри самого ЕС, а также с общемировыми и региональными сдвигами. Болезненно отразился на состоянии Союза мировой экономической кризис 2008–2009 гг., подтвердив тезис о том, что глобализация распространяется не только на успехи, но и на издержки взаимозависимости.

Введение с 1 января 2002 г. единой валюты в рамках еврозоны, объединившей к 2018 г. 19 стран, не сопровождалось координацией бюджетной и налоговой политик, что сказалось на финансовой устойчивости еврозоны. Ряду стран (Греции, Португалии, Испании и Ирландии) ЕС был вынужден оказывать солидную финансовую помощь, дабы избежать банкротства, а также решать проблему с кризисом суверенного долга. С обострением европейского долгового кризиса стала все более очевидной проблематичность существования еврозоны. Основной причиной постепенно накапливающихся проблем аналитики обычно называют утрату контроля над своей денежной политикой рядом крупных, но экономически неэффективно организованных стран-членов.

К 2015 г. экономика ЕС в целом стабилизировалась благодаря низким ценам на нефть, ослаблению евро и введению количественных смягчений со стороны ЕЦБ. Однако до сих пор в Евросоюзе нет единства относительно полного перехода в расчетах на евро. Ряд стран не только продолжает использовать в качестве основной денежной единицы свои национальные валюты, но и не планирует переход на евро. Великобритания и Дания в специальном протоколе сразу обозначили свое право не переходить к третьему этапу Экономического и валютного союза ЕС, который при подписании Договора о Европейском союзе предусматривал введение единой валюты. Швеция пока не планирует переход на об-

щеевропейскую валюту, сохраняют свои национальные валюты Польша и Чехия. Далеко не все страны ЕС имеют к настоящему моменту возможность войти в еврозону по причине своих экономических показателей, не соответствующих Маастрихтским критериям, хотя и стоят на очереди (Болгария, Румыния, Хорватия). Нет единства мнений и у общественности относительно отказа от национальных валют.

Причиной такой неравномерности развития стало включение в 2000-х гг. в состав Евросоюза в значительной степени по политическим мотивам большой группы стран Восточной Европы. Массированное расширение¹, вызвавшее очевидные диспропорции объединения в ЕС стран с разным уровнем социально-экономического, а также институционального развития, вскрыло такой весьма опасный для продолжения интеграции фактор, как дефицит солидарности. Одним из главных принципов Евросоюза была и остается «политика консолидации», или помощь сильным регионам слабым. На соответствующие программы поддержки новых членов в период с 1988 по 2004 г. ЕС выделил около 500 млрд евро, которые пошли в первую очередь на помощь странам Южной Европы. Начиная с масштабного расширения ЕС на восток в 2004 г., основную часть средств из фондов развития получают страны Восточной Европы [3]².

Действие нынешних «программ консолидации» для Восточной Европы заканчивается в 2020 г., после чего они должны быть пересмотрены в сторону значительного сокращения. Главная причина — не только ограниченность средств, но и недостаточное выполнение восточноевропейцами основных обязательств по отношению к ЕС. Соблюдение базисных принципов ЕС рассматривается Еврокомиссией как неперемutable условие оказания финансовой помощи. Министр иностранных дел Германии Зигмар Габриэль констатирует в связи с этим, что позиции Западной и Восточной Европы в данный момент принципиально расходятся. В этих условиях невозможно инвестировать новые средства в экономику «младоевропейцев».

¹ В период с 1995 по 2013 г. в объединение было принято 16 стран, что увеличило число членов более чем вдвое: с 12 до 28. Опыт показал, что процесс присоединения новых членов шел значительно быстрее, чем могли «переварить» действующие коммунитарные институты.

² По данным Брюсселя, Польша получает ежегодно от Евросоюза около 13,4 миллиардов евро, Чехия — 4,3 миллиарда евро, Словакия — 3,7 миллиарда евро, Венгрия — 5,6 миллиардов евро. Даже крошечные Литва и Латвия получают около одного миллиарда евро в год. Всего с 2014 по 2020 г. суммарная помощь Евросоюза странам Восточной Европы (структурные и региональные фонды, программы занятости молодежи и т.д.) должна достичь гигантских объемов: Польше — 77,6 миллиардов евро, Чехии и Венгрии — по 22 миллиарда евро, Словакии — 14 миллиардов евро.

Финансовые проблемы тесно переплетаются с политическими аспектами. Концентрированным выражением этого симбиоза стали предстоящий выход из состава ЕС Великобритании после референдума 23 июня 2016 г., а также миграционный кризис 2014–2015 гг. Брекзит (Brexit) нанес чувствительный удар по престижу и общему состоянию объединенной Европы и в первую очередь по самомнению ее наднациональных органов. Несмотря на особый статус, который Великобритания отстаивала на протяжении всего периода своего членства, в ЕС до последнего превалировало убеждение в прочности внутренних скреп и незыблемости Союза.

Отказ от дальнейшего участия в процессе интеграции предопределен целым рядом факторов от экономических, политических, социальных до проблемы идентичности. Намеченный и планомерно, хотя и не без сбоев, осуществляемый Евросоюзом план превращения объединения в федеративное государство оказался неприемлем для британцев. Не будучи континентальным государством, Великобритания сохраняет свою островную психологию, крепкие связи с Британским Содружеством и США и не готова пожертвовать этими основополагающими принципами во имя реализации европейского проекта. На протяжении многих лет у Великобритании и ЕС уже возникали противоречия по целому ряду направлений деятельности:

- нежелание Великобритании субсидировать более слабые экономики, содержать другие государства, целые народы;
- социальная политика ЕС по отношению к мигрантам и принцип свободы передвижения рабочей силы;
- экономические разногласия, принцип надгосударственного контроля над экономикой, финансами, законами;
- сельскохозяйственная политика ЕС;
- трудовое право, ориентированное на социальные льготы;
- растущая нестабильность в мире; недовольство населения решением вопросов безопасности;
- системный кризис Европейского союза: финансовый кризис, экономический упадок, духовный кризис, разрушение морально-нравственных ценностей, рост радикальных настроений в обществе [4].

Договор о Брекзите должен вступить в силу в марте 2019 г. Он будет содержать положение о коротком переходном периоде и включать политическое заявление, которое будет определять будущие отношения ЕС с Великобританией. На основе этого заявления предполагается строить торговые отношения Евросоюза и Великобритании. Переговоры обещают быть трудными, поскольку каждая из сторон намерена получить максимальные выгоды от предстоящего «раздела имущества». Весьма жестко оценивает позицию Великобритании доктор политических наук Наталья

Еремина, которая считает, что «Британия постарается нажиться на разводе с ЕС. Британцы считают только свои деньги и думают лишь о собственном положении» [5].

Евросоюз со своей стороны не намерен отпустить Британию без солидной компенсации ущерба, который понесет объединение. По некоторым утверждениям, максимальные финансовые требования европейцев к Великобритании при «разводе» оцениваются суммой от £65 до £88 млрд (100 млрд евро). После окончательного выхода Великобритании Евросоюз лишится ежегодного взноса в фонды в размере 11–12 млрд евро. Для пополнения средств Еврокомиссия выступает за увеличение странами ЕС взносов в общий долгосрочный бюджет на 2021–2027 гг., а также за сокращение расходов в существующих программах для покрытия дефицита и реализации новых приоритетных проектов [6].

В переговорах по Брекситу изначально наметился ряд ключевых проблемных тем, к числу которых относятся: размер финансовых обязательств Британии перед ЕС, статус границы Ирландской республики с входящей в Соединенное королевство Северной Ирландией, а также права граждан государств — членов ЕС (2,5 млн), постоянно проживающих в Великобритании и британцев в ЕС (1,4 млн) и их обеспечение. Британское руководство стремится сохранить выгодные для себя условия в отношениях с Евросоюзом. Так, в преддверии визита премьер-министра Франции Бернара Казнёва в Великобританию, премьер-министр Тереза Мэй подчеркнула: «В прошлом году британцы проголосовали за выход из Евросоюза, но они проголосовали не за выход из Европы и не за самоизоляцию от мира тем или иным образом... Референдум не означает отказ от ценностей, которые мы разделяем, или желание вредить Евросоюзу. Успех ЕС однозначно и неопровержимо остается важнейшим национальным интересом Великобритании, и мы продолжим быть надежными партнерами для Франции и всех наших европейских союзников» [7].

Таким образом, выход Великобритании из ЕС представляет собой сложный и противоречивый комплекс проблем, который будет иметь длительные экономические, военно-политические, финансовые и морально-этические последствия как для самой страны, так и для Евросоюза. Как отмечается в материале российского *Центра стратегических оценок и прогнозов*, для Евросоюза это «колоссальный вызов и шокирующий прецедент». Пример Британии и исход референдума могут стать своеобразным ориентиром для ряда других стран ЕС, которые задумаются если не о проведении референдума, то по крайней мере о том, чтобы выторговать для себя определенные специфические условия по примеру Великобритании» [8].

Необходимо иметь в виду, что перечисленные выше проблемы и противоречия в той или иной степени касаются и других государств Евросоюза. Одним из таких болезненных вопросов, общих для Британии и всего Евросоюза, стал миграционный кризис 2015–2016 гг. Составная часть процесса общеевропейской интеграции — выработка государствами — членами ЕС общей иммиграционной политики, которая предполагает согласование задач, целей, приоритетов и масштабов иммиграционной политики стран-участниц. При этом иммиграционная политика находится в компетенции национальных правительств и связана с безопасностью и национальным суверенитетом. Эта двойственность на практике в условиях огромного наплыва беженцев с Ближнего Востока и Африки создала критическую ситуацию, обнажила несовершенство законодательства Евросоюза в этой сфере. По мнению многих специалистов, миграционный кризис представляет собой кумулятивный эффект взаимодействия целого ряда факторов, таких как мировой экономический кризис; углубление социального неравенства во многих странах; последствия военных конфликтов и гражданских войн, дестабилизация этих стран и т.д. [9].

В этой ситуации вновь обострилась проблема национальной идентичности, которую больше всего боятся утратить восточноевропейцы. В ходе состоявшейся в Варшаве в июне 2017 г. специальной встречи лидеры стран Бенилюкса выступили с критикой поведения «Вышеградской четверки». В ответ премьер Венгрии Виктор Орбан заявил, что «единой политики ЕС в отношении беженцев не может быть. Мы не хотим участвовать в такой европейской миграционной политике, по итогам которой мы перестанем быть тем народом, каким являемся сейчас. Давайте мы останемся собой» [10].

С позиций Брюсселя, исповедующего непримиримый подход в отношении национализма, страны Восточной Европы являются злостными нарушителями. Однако в период активного расширения Евросоюза и НАТО западноевропейцы фактически попустительствовали формированию в Восточной Европе националистических по духу и по форме общественных идеологий [10], и теперь единая Европа пожинает плоды своей деятельности. Негативные примеры асоциального поведения беженцев, не говоря уже о терактах с участием иммигрантов в западных столицах, еще больше убеждают восточноевропейцев в правильности их позиций. По сути оказались несостоятельными как проекты ассимиляции выходцев из арабских и африканских стран, так и идеология мультикультурализма, сформулированная в 1990-е гг. и признанная неосуществимой. В условиях интенсивных технологических преобразований меняется социальная структура европейских обществ, растет уровень безработицы,

следствием которой стало возникновение «нового опасного класса, названного «прекариатом» (the precariat), в который вливается и часть молодежи [11].

Накопившиеся в Евросоюзе проблемы создали питательную среду для роста антиинтеграционных и антииммигрантских настроений. Противоречия характерны не только для взаимоотношений «старой» и «новой» Европы, но и для юга и севера континента. Даже в странах, стоявших у истоков европейской интеграции, заметно снизился уровень доверия граждан к ЕС и его институтам, одновременно произошел резкий рост активности антиглобалистских, националистических сил и движений. Национал-популисты, чаще всего крайне правого, а иногда и левого толка, в качестве одного из главных лозунгов выдвигают выход из Евросоюза или резкое расширение полномочий национальных правительств в ущерб полномочиям Брюсселя. Наиболее наглядно этот феномен проявился в достаточно широкой поддержке на выборах, полученной немецкой антииммигрантской партией «Альтернатива для Германии», которая в итоге прошла в парламент. Аналогичные настроения наблюдаются в Австрии, Нидерландах, Франции [12].

И хотя ни в одной из указанных стран в 2017 г. популистам не удалось прийти к власти, игнорировать настроения общественности руководство Евросоюза не могло и активно приступило к поискам путей решения назревших проблем. Сторонники либерализма, усиленно насаждаемого в объединенной Европе, немедленно выступили в защиту своих постулатов. Так, по мнению немецкого ученого, работающего в Принстоне, Яна-Вернера Мюллера, «популизм враждебен плюрализму. Его мишень — плюралистическая, либеральная демократия с ее жизненно важной системой сдержек и противовесов, которая не позволяет «тирании большинства» подавлять индивидуальные права человека, которая защищает меньшинства, гарантирует существование независимых судов, сильного гражданского общества, а также независимых и разнообразных средств массовой информации» [13].

Серьезным испытанием для евроатлантической солидарности стало избрание на пост президента США Дональда Трампа. В связи с заявленным Д. Трампом намерением строить отношения с европейскими странами на двусторонней основе, была, по сути, поставлена под сомнение судьба Трансатлантического соглашения о торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). Президент США дал ясно понять, что считает Германию торговым конкурентом Америки. Он выразил убеждение, что ФРГ не только поставила ЕС себе на службу в экономическом плане, но и «бездарно руководит им», втянув другие европейские государства в миграционную авантюру [14].

Однако по итогам встреч с лидерами ведущих европейских стран — Великобритании, Германии и Франции — президент США был вынужден скорректировать свою позицию и согласился реанимировать переговоры с Евросоюзом о ТТИП. Предложения США о переговорах с отдельными странами были категорически отвергнуты Германией. Ангела Меркель прямо заявила о недопустимости для ФРГ любого двустороннего сотрудничества по торговле за спиной ЕС.

Экономические отношения между США и Евросоюзом, являющихся крупнейшими торговыми партнерами, в большой степени определяли состояние и современные тенденции развития глобальной экономики¹ [15]. За 2015 г. Америка экспортировала в Евросоюз товаров и услуг на 461 млрд евро, а импортировала — на 596 млрд евро [16]. Мегасоглашение нового поколения, которое объединило бы два крупнейших в мире рынка, было призвано закрепить американское лидерство в установлении правил игры для мировой торговли и инвестиционной активности.

В вопросе военно-политической составляющей отношений ЕС и НАТО Дональд Трамп также был категоричен, предъявив Ангеле Меркель «счет» на 375 млрд долларов за поддержку обороноспособности ФРГ на протяжении последних лет. В сфере безопасности Трамп намеревался обязать европейских членов НАТО вносить положенные 2% в бюджет альянса, заявив, что НАТО — это устаревшая организация, потому что она, во-первых, была учреждена много, много лет назад. Во-вторых, «страны не платят столько, сколько им бы следовало», и НАТО «не ведет борьбу с терроризмом».

Американский президент неоднократно высказывал свое одобрение решению Великобритании покинуть ЕС и пообещал заключить с Великобританией торговую сделку, которая облегчит последствия Брекзита. В ЕС такие заявления вызвали раздражение. Как заявила глава дипломатии ЕС Федерика Могерини, пока Великобритания находится в Евросоюзе, она не может вести никакие переговоры о торговых соглашениях с третьей страной.

США были инициатором политики ограничений в отношении РФ после добровольного присоединения Крыма к России и начала военных действий на юго-востоке Украины. Участники ЕС, кто с готовностью, кто под давлением, также консолидировано выступили за введение санкций

¹ В 2013 г. на долю стран Евросоюза приходилось 21% американского товарного экспорта и 20% импорта. Доля США в европейском экспорте составляла менее 20%, в импорте — 11%; эти относительные показатели в 2000–2014 гг. имели тенденцию к снижению. Несмотря на это, американский вектор внешней торговли является для Европы ключевым; второе место в товарообороте ЕС прочно занимает Китай (8% экспорта, 17% импорта), третье — Россия.

против России, отмечает Ал. А. Громыко [17]. Свои действия США якобы согласовывали с Евросоюзом, однако, судя по словам бывшего вице-президент США Джо Байдена, «согласование» означало «нажим, давление» [18]. При этом США продолжают оказывать давление на Евросоюз в вопросе продления санкций, негативный эффект которых уже сказался на европейской экономике. Как заявил глава Восточного комитета немецкой экономики Вольфганг Бюхеле, убытки членов ЕС из-за введенных санкционных ограничений против РФ и российских ответных санкций с 2014 г. превысили 100 млрд евро; европейская экономика платит высокую цену за конфликт [19]. Таким образом, подтверждаются намерения Трампа скорее ослабить Евросоюз, нежели поддерживать с ним равноправные отношения.

Отношения с Россией занимают особое место в кризисной ситуации, переживаемой ЕС. В 2014 г. появился новый фактор, повлиявший на экономику и в еще большей степени на политику объединенной Европы. Упорное вовлечение стран постсоветского пространства (а Украина была одним из стратегических объектов этой политики) в сферу влияния Евросоюза в целях отрыва их от России стало одной из главных причин государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г. Воссоединение Крыма с Россией и действия РФ по защите своих соотечественников на востоке и юге Украины спровоцировали глубочайший кризис в отношениях между Россией и Западом, вскрыв все противоречия и недосказанности, зревшие с середины 1990-х гг. [20].

В своем выступлении на Мюнхенской конференции в феврале 2018 г. министр иностранных дел России С. Лавров отметил: «За минувшие десятилетия Евросоюз так и не смог найти «золотую середину» в отношениях с нашей страной. В 1990 гг. доминировало представление о России как о «подмастерье», которого надо методично, невзирая на возражения, обучать по западным стандартам. Ныне в ходу иррациональный миф о «всемогущей российской угрозе», следы которой пытаются найти повсюду, от Брежневского до каталонского референдума. Оба стереотипа глубоко ошибочны и свидетельствуют лишь о нехватке здравого смысла и понимания нашей страны» [21].

Спустя четыре года после начала кризиса на Украине и введения санкций против России все более отчетливо видно, что такое положение дел тяготит Европу. Во-первых, европейские компании несут прямые убытки в результате сворачивания своей масштабной деятельности в РФ; во-вторых, по всем законам рыночной экономики утрата позиций в определенных регионах и секторах грозит замещением этих «вакансий» другими игроками. Российский рынок компенсируется мерами по импортозамещению, все больше поворачивается на восток, к странам ЕАЭС, Китаю

и другим партнерам. В осуществлении этих планов России приходится сталкиваться с немалыми трудностями. Как отмечает политолог, специалист по проблемам постсоветского пространства С.С. Жильцов, Китай ищет различные пути для того, чтобы затормозить реализацию Евразийского экономического союза, продвигая проект создания зоны свободной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества. В свою очередь Евросоюз отрицательно относится к идее интеграционного объединения с лидирующими позициями России, рассматривая правовые и экономические соглашения РФ с центральноазиатскими странами в качестве препятствия в реализации долгосрочных интересов ЕС на постсоветском пространстве [22].

Однако Россию и Европу связывают исторические, геополитические, культурные основы, использование которых способно принести взаимную выгоду обеим сторонам. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. говорится, что «для России ЕС остается важным торгово-экономическим и внешнеполитическим партнером... Стратегической задачей в отношении с ЕС является формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции, что позволит не допустить появления разделительных линий на европейском континенте». Подчеркивается наличие фундаментальных взаимных интересов России и Евросоюза, важнейшие из которых — энергетика, противодействие терроризму, неконтролируемая и незаконная миграция, а также борьба с организованной преступностью, включая такие ее проявления, как торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и взрывчатых веществ, киберпреступность [23].

В Евросоюзе постепенно осознают необходимость реформирования собственных структур и постановки новых целей для успешного продвижения интеграционного проекта. Европейское руководство даже после провала референдума 2005 г. не оставляет идеи создания политического союза с присущими ему атрибутами: внешней политикой и полноценной дипломатической службой, военно-политической составляющей, обеспечением безопасности, политической системой с централизацией властных полномочий. Обсуждается вопрос об очередном расширении и предполагаемом вступлении пяти западнобалканских стран (Македонии, Черногории, Албании, Сербии и Косова), не говоря уже о Турции, которая является ассоциированным членом Европейского союза и его предшественников и стоит «на очереди» с 1964 г. Однако федералистский подход не находит всеобщей поддержки, ему противостоит противоположная тенденция: передача ряда полномочий национальным правительствам, освобождение от дикта-

та наднациональных структур, в первую очередь Европейской комиссии. Вокруг этих проблем уже велись и, судя по всему, продолжатся вестись в предстоящий период дискуссии в институциях Европейского союза.

* * *

Путь, пройденный европейским объединением за шесть десятилетий, демонстрирует сложности интеграционного процесса, одновременно подтверждая прагматизм его инициаторов, находивших на каждом очередном этапе развития способы преодоления критических ситуаций, отступая назад или переформатируя поставленные задачи. Возможно, будут пересмотрены принципы, методы и практики развития Евросоюза. Ведется дискуссия о судьбе ЕС, которая предусматривает дальнейшее движение на разных скоростях в зависимости от готовности стран-членов участвовать в очередных стадиях интеграции.

Преодоление создавшегося кризиса займет определенное время, однако при существующей степени взаимозависимости экономических и правовых систем и заинтересованности государств в совместном развитии преждевременно говорить о распаде Союза. Выход Великобритании может скорее стать не прецедентом, а, напротив, импульсом к консолидации стран-членов. Разрабатываются юридические и практические шаги по урегулированию миграционного кризиса, а в дальнейшем будут приняты и внедрены программы адаптации мигрантов и возвращения на родину беженцев. Предпринимаются некоторые шаги на пути нормализации отношений с Россией. Одновременно европейцы обеспокоены своими взаимоотношениями с США, кризисом мирового либерального порядка, ставится задача создания собственной европейской армии. Серьезную угрозу для Европы представляет нагнетание напряженности между Россией и Соединенными Штатами. Все эти проблемы европейцам предстоит решать в ближайшем будущем.

Источники и литература

1. *Родрик Брейтвейк*. В поисках выхода: как Великобритания и ЕС готовятся к настоящему Brexit. — Режим доступа: <http://mirperemen.net/2016/09/v-poiskakh-vyhoda-kak-velikobritaniya-i-es-gotovyatsya-k-nastoyashhemu-brexit/> — Дата обращения: 10.02.2018.
2. *Мозель К.Н., Мозель Т.Н.* Новая глобальная стратегия Европейского союза // Современная мировая политика / Под ред. Е.П. Бажанова. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2018. 450 с.
3. Евросоюз не хочет платить за «младоевропейцев». 19 февраля 2018 г. — Режим доступа: <http://bigsmi.com/news/45087-evrosoyuz-ne-hochet-platit-zam-ladoevropejtsev.html> — Дата обращения: 20.02.2018.

4. Выход Великобритании из Европейского союза как фактор геополитической трансформации единой Европы. 29.10.2016. — Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/500/vyход-velikobritanii-iz-evropejskogo-soyuza-kak-faktor-geopoliticheskoj-transformaczii-edinoj-evropy-7180> — Дата обращения: 12.02.2018.
5. Британия постарается нажиться на разводе с ЕС. 30 июня 2016 г. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/06/30/1527611.html> — Дата обращения: 12.02.2018.
6. Членам ЕС придется увеличить взносы из-за Brexit. 14 февраля 2018 г. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/world/2018/02/14/1682285.html> — Дата обращения: 20.02.2018.
7. Тереза Мэй: «Мы проголосовали за выход из ЕС, но не из Европы». 17 февраля 2017 г. — Режим доступа: https://www.inopressa.ru/article/17feb2017/lefigaro/gb.html?utm_source=grf-eng — Дата обращения: 18.02.2018.
8. Выход Великобритании из Европейского союза как фактор геополитической трансформации единой Европы. 29 октября 2016 г. — Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/500/vyход-velikobritanii-iz-evropejskogo-soyuza-kak-faktor-geopoliticheskoj-transformaczii-edinoj-evropy-7180> — Дата обращения: 10.02.2018.
9. Гасанов Р.М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения. — Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2016/1834/23426> — Дата обращения: 20.02.2018.
10. Вопрос беженцев Европа решить не может. Поэтому будет решать русский вопрос. 20 июня 2017 г. — Режим доступа: <https://www.nalin.ru/vopros-bezhencev-evropa-reshit-ne-mozhet-poetomu-budet-reshat-russkij-vopros-5643> — Дата обращения: 12.02.2018.
11. Стэндинг Гай. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2011. — Режим доступа: <http://avidreaders.ru/book/prekariat-novyy-opasnyy-klass.html> — Дата обращения: 18.02.2018.
12. Ивахник Александр. Европейский Союз: вызовы и перспективы // Политком.RU. 27 марта 2017 г. — Режим доступа: <http://mirperemen.net/2017/03/evropejskij-soyuz-vyzovu-i-perspektivy/> — Дата обращения: 20.02.2018.
13. Гартон-Эш Тимоти (Timothy Garton Ash) The New York Review of Books, США. Европа разваливается? Европейский бунт. 11 января 2017 г. — Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170111/238507375.html> — Дата обращения: 18.02.2018.
14. Трамп подписал и огласил смертный приговор Евросоюзу. — Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/tramp-podpisal-i-oglasil-smertnyj-prigovor-evrosojuzu_44592 — Дата обращения: 20.02.2018.
15. Давыдов А.Ю. Политика против экономики: экономические связи США со странами Евросоюза // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал. — Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=416> — Дата обращения: 20.02.2018.
16. Лудовкин Е. США реанимируют Трансатлантическое партнерство. Трамп не смог уговорить страны ЕС торговать за спиной Брюсселя. 25 апреля 2017 г. — Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2017-04-25/7_6981_usa.html — Дата обращения: 11.02.2018.

17. *Громыко Ал.А.* Взлеты и падения отношений России и Евросоюза // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. — М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. 448 с.
18. Вице-президент США признал давление на ЕС в отношении санкций против России. 3 октября 2014 г. — Режим доступа: <http://нато.рф/ru/news/20141003/10201.html> — Дата обращения: 20.02.2018.
19. В Германии подсчитали убытки от антироссийских санкций. 30 января 2018 г. — Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180130/1513632382.html> — Дата обращения: 15.02.2018.
20. *Гузенкова Т.С.* Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm — Дата обращения: 22.02.2018.
21. *Лавров Сергей.* Миф о так называемой российской угрозе мешает совместной работе России, США и Евросоюза. 17 февраля 2018 г. — Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2018-02-17/341203-sergey_lavrov_mif_o_tak_nazyvaemoj_rossiyskoj_ugroze_meshaet_sovmestnoy_rabote_rossii_ssha_i_evrosoyuza — Дата обращения: 22.02.2018.
22. *Жильцов С.С.* Постсоветское пространство: тенденции развития // Современная мировая политика / Под ред. Е.П. Бажанова. — М.: ИТК «Дашков и К³», 2018. 450 с.
23. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). — Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 — Дата обращения: 22.02.2018.

Новые ценностные ориентиры европейской цивилизации

Value Orientation of the European Civilization

И.В. Колосова

Колосова Ирина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье рассматриваются основные причины «правого поворота» в умонастроениях европейцев, особенности развития Европейского союза и актуальные вызовы, стоящие перед европейским сообществом в связи с миграционным кризисом; исследуются мировоззренческие, социально-политические и религиозно-этические аспекты развития европейской цивилизации, ее места и роли в современном мире.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), европейская цивилизация, западная цивилизация, толерантность, демократия, либерализм, христианские ценности, протестантизм, гендерная демократия, мультикультурализм, миграционный кризис.

Abstract: the article considers main causes of «right-wing swing» in the minds of the Europeans, special aspects of development of the European Union and actual challenges which the European Community faces due to migration crisis; explores worldview, social and political, religious and ethical aspects of development of the European civilization, as well as its role in the contemporary world.

Key words: The European Union (EU), European civilization, Western civilization, tolerance, democracy, liberalism, Christian values, Protestantism, gender democracy, multicultural policy, migration crisis.

В последние годы мировые средства массовой информации единодушно отмечают тенденцию к «правому повороту» в умонастроениях европейцев, которые проявились в референдуме по выходу Великобритании из Евросоюза и не имевших пока политических последствий плебисцитах в Шотландии и испанской Каталонии. Тот же вектор продемонстрировали недавние выборы во Франции и Германии, где усилились позиции так называемых «правых» партий. «Правые» голоса все громче звучат и

по другую сторону Атлантики, где немаловажным фактором стала победа Дональда Трампа на президентских выборах в США.

Европейский союз был призван стать опорой нового континентального сообщества, основанного на единообразной культуре и исторической памяти, общеевропейской гражданской принадлежности и единой психологической самоидентификации. Отправной точкой послевоенного движения за единую Европу принято считать речь Уинстона Черчилля «Трагедия Европы», произнесенную 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете. Он призвал европейцев покончить «с национальными распрями», прежде всего с извечным франко-германским антагонизмом: «Сегодня мне бы хотелось затронуть тему трагедии Европы. Этот величественный континент, объединяющий в себе самые прекрасные и возделанные части земли, обладающий умеренным и ровным климатом, является родиной всех великих народов западного мира. Это источник христианской веры и христианской морали. Здесь зародилась почти вся культура, искусство, философия и наука древних времен и современного мира. Если бы Европа однажды объединилась и признала свое общее наследие, не было бы предела счастью, процветанию и славе... ее жителей. ...Я не вижу никаких препятствий к созданию в будущем всемирной организации, Соединенных Штатов Европы, в которые могут войти страны и Восточной, и Западной Европы. Это позволит добиться на континенте единства, которого он не знал с момента падения Римской империи и которое создаст все условия для мирного сосуществования и процветания европейских народов» [1].

Первый канцлер ФРГ и основатель парламентского блока ХДС/ХСС христианский демократ Конрад Аденауэр считал, что в чрезмерном сосредоточении политической и экономической власти в руках государства заключена опасность для индивидуальной свободы личности. Его фракция в бундестаге должна была стать подлинно народной партией, чтобы иметь представительство во всех слоях общества, объединить протестантов и католиков, поскольку везде есть люди, тянущиеся к ценностям идейного консерватизма: «Мы сегодня знаем, что теперь нужен иной взгляд, нежели тот, который установит новые границы в Европе, изменит их или передвинет. Мы должны границы ликвидировать, чтобы в Европе возникли хозяйственные регионы, которые могли бы стать основанием европейского единства народов» [2: 111]. В итоге его замыслы воплотились сначала в создании Европейского экономического сообщества, а затем и в структурах Евросоюза, хотя он был противником крайнего либерализма и сторонником сохранения христианских духовных ценностей.

Многочисленные апологеты бюрократическо-иерархической структуры Евросоюза в течение четверти века твердили, что европейская ци-

вилизация характеризуется деидеологизированным индивидуализмом, позитивизмом, толерантностью к меньшинствам, демократией и либерализмом. Однако европейский региональный проект изначально содержал в себе неразрешимые противоречия, и его расширение вширь и вглубь повлекло за собой волну евроскептических настроений.

Многие европейцы именуют свою цивилизацию «европейской» или даже «западноевропейской». Однако еще в прошлом веке существование феномена «европейской цивилизации» как таковой подвергалось сомнению. Действительно, Европа, а точнее Западная и Центральная Европа, являлась ее ядром. Западноевропейская цивилизация способствовала эволюции международных отношений в XVII–XIX вв., сформировав Версальскую и Венскую системы. Однако в связи с дальнейшим развитием европейского цивилизационного проекта стоит учитывать и вклад США, а также народов Северной и Восточной Европы, без которых новая цивилизация не могла бы достичь мировой гегемонии. Если уточнить географическую локализацию новой цивилизации, то ее следует назвать скорее «евро-атлантической», или «атлантической». Моря и океаны не столько разъединяют, сколько соединяют народы. Для новой цивилизации Атлантический океан стал тем, чем для евразийской цивилизации в эпоху античности и средневековья было Средиземное море. Формирование из конгломерата народностей, княжеств и империй национальных и многонациональных государств, колонизация европейцами Америки и интенсивное развитие связей между Старым и Новым Светом создали почву для новой цивилизации. На ее основе вырос век Просвещения, развернулись политические, социальные и экономические эволюции и революции, сформировавшие новый облик и утвердившие общность региона. Прочную социально-экономическую основу «атлантическая» цивилизация получила только в первой половине XIX в., а во второй половине столетия обрела черты зрелости, достигнув мировой гегемонии [3: 2–3].

Важнейшими элементами современной европейской цивилизации считают греческую философию, римское право и христианскую традицию. Однако на практике последней не удалось стать единым цементирующим элементом миропонимания европейцев. Важным этапом в формировании мировоззрения европейцев стала Реформация, разделившая некогда единый западный христианский мир по конфессиональному признаку. Протестантская Северная Европа никогда не ладила с католическими Францией, Испанией и Италией. Признание общих библейских новозаветных принципов не могло затушевать идеи жесткого предопределения у протестантов, а отсутствие апостольского преемства у большинства протестантских церквей в силу их либеральных воззрений позволяло католикам смотреть на них как на заблудших христиан, оказав-

шихся за пределами ограды матери-церкви. Таким образом, единых духовных и этических принципов в Европе сложиться не могло.

Еще в эпоху Возрождения в борьбе с диктатом Римско-католической церкви просветители заявили о неприятии идеи Божественной Троицы и выдвинули взамен концепцию пантеизма. Гуманизм эпохи Ренессанса поставил в центр своего учения не Бога, а индивидуум как автономную личность и как высшую ценность и меру всех вещей. Впоследствии был сформирован комплекс понятий, утверждающих человека, его права и свободы в качестве высшей ценности. Так просветительский проект получил свою законченную форму, способствуя десакрализации религии. Мыслители эпохи Просвещения были плоть от плоти потомками гуманистов Ренессанса, и они, во-первых, разделяли тезис Дезидерия Эразма Роттердамского «Я хочу быть гражданином мира» (*Ego mundi civis esse cupio*), во-вторых, вольно или невольно воспроизводили основополагающие идеи раннего утопического социализма Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы. Это касается главным образом проблемы происхождения социального и имущественного неравенства и искоренения их причин.

На основе рационалистического подхода была заложена базовая мировоззренческая система Просвещения — доктрина либерализма, базирующаяся на картезианской философии и устойчивых светских мифологемах:

- 1) о закономерном происхождении государства и естественных прав человека;
- 2) о неуклонном прогрессивном развитии общества от дикости к цивилизации;
- 3) о существовании непреложных «законов» поступательного общественного развития;
- 4) о светском характере государства и общества, относящего религию исключительно к сфере личного выбора субъекта;
- 5) о миссионерской функции западноевропейских наций в справедливом просвещении отсталых народов планеты. Сюда же относится миф о «законах» построения гармоничного общества, не знающего эксплуатации человека человеком. Эта мифологема, усовершенствованная Гегелем, как считают многие авторы, перекечевала в учение исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса [4: 329–334, 5: 12–14].

Приоритет традиционных христианских ценностей в странах ЕС на деле оказался лишь декларацией. Показательно, что в процессе подготовки провального проекта Конституции ЕС европейские чиновники не внесли в него «религиозного измерения». Упоминание о христианских корнях Европы было заменено упоминанием о культурном, религиозном и гуманистическом наследии Европы, «на основе которого формировались универсальные ценности — неприкосновенные и неотчуждаемые

права человеческой личности, свобода, демократия, равенство и правовое государство» [6].

В Европе падает доверие к церкви как традиционному институту: происходит либо дистанцирование, либо полный отход от церкви. Распространение религиозного индивидуализма и автономного от церковного учения понимания доктрин и самой религиозной жизни выражается как в увеличении числа течений в рамках одной христианской конфессии, так и в полном отказе от христианства. Многие причисляют себя к категории «духовный, но не религиозный». Наблюдаются порой откровенные христианофобские тенденции, такие как, например, запрет для служащих британских компаний на публичное ношение нательных крестиков [7], притом что мусульмане в Великобритании имеют право на ношение хиджаба, а сикхи — традиционного тюрбана и стального браслета.

Тема запрета на христианскую символику для Европы совсем не нова. Еще в 1880 г. славянофильская газета «Русь» в своем «Политическом обозрении» комментирует решение правительства Жюль Гриви «вынести вон... из школ все образа и Распятия!». Автор статьи заключает, что «такого рода действие, совершенное «ради «принципа» лишить школы всякого вероисповедного характера... должно было, несомненно, оскорбить народное чувство... Ведь ни католика, ни протестанта вид Распятия в народной школе смутить не может!». Произошедшее во Франции автор «Политического обозрения» называет образчиком бюрократического деспотизма, оставляя вопрос открытым о том, «есть ли народ во Франции как общественная или политическая сила, или вся сила его конфискована интеллигенцией, которая во имя принципа народного верховенства эксплуатирует народ в свою пользу, нравственно и духовно тиранит его?» [8: 7–8].

Однако религиозный фактор никогда полностью не вытеснялся из европейской системы ценностей, будучи включенным в мировоззренческую парадигму в виде обычаев, обрядов, традиций и стереотипов обыденного поведения. Так, Рождество Христово и Святая Пасха остаются одними из самых значимых праздников для европейцев всех возрастов и гендерной принадлежности. Поэтому недавняя опала на рождественскую елку и Санта Клауса вызвала недовольство широких масс населения [9]. Рост патриотических настроений чиновники в Евросоюзе неадекватно отождествляют с национализмом.

Не случайно объектом ревизии властей Евросоюза стала традиционная семья. Эта тема всегда была злободневной в европейской истории. Вслед за Платоном социалисты-утописты Томас Мор и Томмазо Кампанелла считали традиционную моногамную семью первоисточником частной собственности, корыстолюбия, разврата, преступности и коррупции и объявляли женщин коллективным достоянием [10: 33–37, 11: 165–168].

Маркс и Энгельс рассматривали «буржуазную семью» как пережиток рабства и требовали ее упразднения, а воспитание потомства сделать общественной функцией [12: 249–250]. В Советской России эти идеи пыталась осуществить на практике первый нарком социального обеспечения А.М. Коллонтай [13: 30–35; 59–61].

Сегодня кризис семьи усиливается активизировавшимся в конце XX в. движением ЛГБТ-сообщества. Его идейными предшественниками на рубеже XIX–XX вв. выступили борцы за права сексуальных меньшинств в Германии адвокат Карл Генрих Ульрихс и сексолог Магнус Хиршфельд. Ульрихс является автором понятия «сексуальная ориентация», а Магнус Хиршфельд впервые ввел в употребление слово «трансвестит». В 1950-е гг. коммунист Гарри Хэй создал одну из первых гей-организаций в США «Общество Маттачине». В 1969 г. по стране прокатились «Стоунволлские бунты» за гражданские права сексуальных меньшинств, в память о которых сегодня более чем в пятидесяти странах мира проходят торжественные ежегодные гей-парады.

В настоящее время в Европе и США в обиход входит новое понятие — «трансгендер». Широкий общественный резонанс вызвали недавние запреты в школе Манчестера на употребление слов «мальчик», «девочка» и необходимость их замены на гендерно-нейтральные формулировки во избежание гендерной дисфории среди учеников, находящихся в процессе выбора своего пола [14]. Признание неопределенной, «плавающей» гендерной идентичности открывает двери к самоидентификации с так называемым третьим полом — некой абстрактной категорией, не относящейся ни к мужчинам, ни к женщинам.

Развитие идей гендерной демократии в сторону деконструкции пола в духе постмодерна свидетельствует о глубоком кризисе традиционных семейных ценностей. Надо полагать, жители Евросоюза настолько культурны и образованы, что могут вообще обходиться без семьи. Правда, европейские страны не в равной степени демонстрируют свою готовность принять новые гендерные императивы. Например, если Чехия склонна поддерживать светский, либеральный вариант европейской идентичности, то Венгрия выражает христианскую альтернативу. Принятая в апреле 2011 г. новая Конституция Венгрии отходит от сложившейся европейской системы ценностей, упоминая о христианстве как основе венгерской и общеевропейской идентичности. Аборты и однополые браки конституция Венгрии разрешает в духе традиционного католицизма. А в католической Польше эти вопросы вообще не подлежат публичному обсуждению.

Однако следует признать, что европейская цивилизация при всех национальных различиях и культурных особенностях настойчиво демонстрирует изменение главных ценностных ориентаций. На первом месте сре-

ди ценностей оказывается собственная личность и ее базовые потребности в счастье, безопасности, свободе, управлении собственной судьбой, самореализации, социальном благополучии, свободном времени. Что касается «морального сознания», то традиционные этические нормы уступают место новым, например чувству независимости. Подобная тенденция ведет к «приватизации морали» — когда мораль и нравственность становятся линией поведения отдельного человека, а не общепринятым образом жизни европейцев. Ценностный сдвиг вызывает обеспокоенность Римской католической церкви, позиции которой оказались заметно потеснены не только протестантской этикой, но и иными мировоззренческими системами.

«Трагедия... западной цивилизации состоит именно в том, что она руководствовалась в своем развитии не идеей приоритета духовного прогресса, а преклонялась перед прогрессом материально-техническим», — пишет видный российский философ и религиовед А.Н. Швечников [15: 11]. Достигнув технического превосходства, Запад начал реализацию сценария глобальной вестернизации под девизом построения «открытого общества» в масштабах планеты [16: 33–35, 17: 257–276]. Неизбежность провозглашения цивилизационного превосходства, основанная на европоцентристском подходе, отказе от традиционных многовековых ценностей, игнорирование своеобразия национального и религиозного развития иных культурно-цивилизационных образований была предсказана английским философом Арнольдом Тойнби еще в середине XX века. Он отмечал экспансионистский характер западной цивилизации.

Народам, чей образ жизни на протяжении их исторической эволюции отличался жесткими религиозными и семейно-родовыми традициями, сложно воспринимать западные эталоны прав человека и свободные демократические принципы, что не означает их неспособности к саморазвитию и экономической модернизации в соответствии с требованиями времени. Попытки неспровоцированной экспансии западных стандартов организации общества вызывают ответную ожесточенную реакцию против дискриминации их социокультурной идентичности [18: 21–24].

Сегодня главными вызовами европейской цивилизации стали крах политики мультикультурализма и крупнейший со времен Второй мировой войны миграционный кризис. Попытка заменить идею «плавильного котла» на «вегетарианскую салатницу», где представитель каждой национальности может исповедовать свой символ веры и жить согласно обычаям страны, из которой приехал в Западную Европу, провалилась. Мультикультурализм с его идеей инклюзивного, многообразного общества на практике оказался очередной социальной утопией. Не решила поставленных задач и проводимая Францией политика интеграции [19: 234–244].

Массовый наплыв беженцев из иной культурной среды сделал европейцев заложниками собственных гуманистических принципов [20]. Евросоюз оказался не способен интегрировать миллионные армии иностранных безработных. К тому же прибывшие из мусульманских стран мигранты воспринимают европейскую культуру как абсолютно чуждую, идентифицироваться с которой они не стремятся. Ислам предписывает им уважительное отношение к «Людям Писания» — последователям христианства и иудаизма. Однако оказавшись в современной постхристианской Европе, они склонны воспринимать окружающие их культурные феномены скорее как «ширк» и «джахилию» — беззаконие, грубость и язычество, предшествовавшие принятию ислама. Отсюда возникает закономерное миссионерское желание обратить потерявших нравственные ориентиры европейцев в ислам.

А. Тойнби придавал особое значение религии в ходе эволюции цивилизационных процессов, считая ее «доминантой мироустройства». Он рассматривает цивилизацию как особый социокультурный феномен, сложную замкнутую целостность, ограниченную пространственно-временными рамками, основу которого составляют в первую очередь религия и духовная культура, а только затем уже параметры технического прогресса [18: 35]. Из двадцати одной цивилизации, выделенной Тойнби, к XX в., по мнению историка, сохранилось не более восьми: западнохристианская, восточнохристианская (православная), исламская, буддийская, индуистская, китайская (конфуцианская), японская (синтоистская) и (с определенными оговорками) протестантская цивилизация [21: 201–227]. Тойнби допускал взаимодействие локальных цивилизаций, затрагивающее, однако, лишь технологическую сферу.

Закат цивилизации Тойнби связывал с появлением «универсального государства», являющегося образцом для последующих поколений, формирование которого при всем внешнем блеске и могуществе только отдалает гибель цивилизации под тяжестью неразрешимых внутренних проблем. Ярким примером стала судьба Западной Римской империи, которая погибла из-за массового социального протеста задавленного налогами и поборами зависимого населения, среди которых собственно «варвары» не превышали и 5% от количества ополченцев.

На этапе формирования «мирового государства» цивилизация становится неспособной к адекватным ответам на следующие вызовы времени и происходит ее надлом: цивилизация лишь «покупает себе короткий отдых, позволив силой объединить себя в одно политическое целое» [22: 245].

Предшественник Тойнби Освальд Шпенглер в капитальной монографии «Закат Европы» признавал цивилизацию роком всякой культуры. Каждая

культура имеет свой природный жизненный цикл. По мере того, как полнота ее возможностей реализуется, культура внезапно застывает и становится цивилизацией [23: 236–263]. Шпенглер считал, что во всех культурах переход к цивилизациям сопровождался революциями неимущих, появлением уравнилельных идей, установлением диктаторских режимов. Он предсказывал, что Европа идет к единению под знаменами социализма, который «преобразует цивилизацию в идею хозяйственного космополитического устройства», в итоге нивелирующее всякую индивидуальность до уровня «массы» [23: 48–50].

Сейчас представления о европейской идентичности, после долгого доминирования либеральных подходов, находятся в состоянии кризиса, о чем свидетельствует рост влияния правых партий [24, 25: 19–27]. «Линия разлома» Евросоюза как политического цивилизационного образования по типу «мировой державы» (по определению Тойнби) может пройти по им же описанному конфессиональному признаку.

Что касается традиционных для Европы христианских конфессий — католицизма и протестантизма, — можно констатировать, что протестантские страны в целом проявляют большую индифферентность по отношению к таким исконно христианским ценностям, как традиционная семья, дети, семейные обычаи и связи, нежели католики. Однако возможно в уже недалеком будущем ведущей религией в постхристианской Европе станет ислам с его принципиально иными мировоззренческими ориентирами.

Пока Евросоюзу остается только уповать на культурную интеграцию сотен тысяч мигрантов, которым чужды и непонятны как гуманистическо-просветительские, так и либеральные ценности, ставшие основой европейского цивилизационного проекта.

Источники и литература

1. Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете // Вестник Европы. 2009. № 26–27.
2. *Ежов В.Д.* Конрад Аденауэр — немец четырех эпох. М.: Молодая гвардия, 2003.
3. *Кривогуз И.М.* Введение // Новая история стран Европы и Америки. М., 2005.
4. *Самыгин С.И., Нечипуренко В.Л., Полонская И.Н.* Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д, 1996.
5. *Соболь А.М.* Постмодерн и будущее философии. Киев, 1997.
6. Конституция Европейского союза (неофициальный перевод МИД России), М., 2005. — Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2431556-pall.html>. — Дата обращения: 05.01.2018.
7. *Дмитриева О.* Открестились... Британское правительство поддержало запрет на ношение распятий // Российская газета. 2012. 14 марта. — Режим доступа: <https://rg.ru/2012/03/14/britain.html>. — Дата обращения: 05.01.2018.
8. Политическое обозрение // Русь. 1880. № 6. С. 7–8.

9. Елки и Санта-Клаусы в Европе оказались в опале // Lenta.ru. 06.12.2016. — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/12/06/tolerance/> — Дата обращения: 03.01.2018.
10. Кампанелла Т. Город Солнца: Пер. с лат. М., 1954.
11. Мор Т. Утопия: Пер. с англ. М., 1998.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. М., 1975.
13. Млечин Л.М. Александра Коллонтай. М., 2013.
14. Turner C. Do not refer to female pupils as 'girls' or 'ladies' because it 'reminds them of their gender', headteachers told // The Telegraph. Education. 21.11.2017. Link: <http://www.telegraph.co.uk/education/2017/11/21/do-not-refer-female-pupils-girls-ladies-reminds-gender-head/>
15. Швечников А.Н. Противостояние. СПб., 2012.
16. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М., 2013.
17. Колосова И.В. Диалог культур в современных международных отношениях // Дипломатический ежегодник — 2011: Сб. статей. М., 2012.
18. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: Пер. с англ. М., 2002.
19. Зверева Т.В. Франция и урегулирование миграционного кризиса в ЕС // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века: Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
20. Мохова И. От Charlie Hebdo до Кельна: плавильный котел в Европе перестал работать // Тасс. 09.01.2016. — Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/2575774> — Дата обращения: 01.02.2018.
21. Тойнби А. The Study in History. In 12 vols. Vol. 8. London, 1956.
22. Тойнби А.Д. Исследование истории. Сокращенная версия Д.Ч. Сомервилла: Пер. с англ. В 2-х томах. Т. 1. Киев, 1995.
23. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Пер. с нем. В 2 т. Т. 1. М., 1922.
24. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 483 с.
25. Гаврилова С.М. Рост правопопулистских настроений и кризис традиционных политических партий в Европе // Дипломатическая служба. 2017. № 6.

**Правые радикалы в странах Северной Европы:
от мигрантофобии к евроскептицизму
и нордической солидарности**

**Right-wing radicals in the Nordic countries:
from migrantophobia to euroscepticism
and to nordic solidarity**

Л.Н. Кулябина

Кулябина Лидия Николаевна, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук.

Аннотация: статья посвящена обзору деятельности партий, причисляемых к крайне правым, в Дании, Норвегии, Финляндии и Швеции. Анализируется механизм перетекания радикальной риторики в умеренно-консервативное русло и обратно, его зависимость от этапа избирательного процесса. Выявляются особенности развития уличных ультраправых движений второй половины 2010-х гг., в том числе организации «Северное движение сопротивления».

Ключевые слова: «Истинные финны», «Шведские демократы», Партия Прогресса, Датская народная партия, Северное движение сопротивления, Воины Одина, миграция, евроскептицизм.

Abstract: the article is devoted to the review of the far right parties in Denmark, Norway, Finland and Sweden. The mechanism of the turn of radical rhetoric into a moderately conservative one and back, its dependence on the stage of the electoral process are examined. The peculiarities of development of far right street movements of the second half of 2010-ies, including the «Northern resistance movement».

Keywords: True Finns, Sweden Democrats, the Progress Party, the Danish people's party and the resistance movement, the Warriors of Odin, migration, euroscepticism.

Традиционно относимые к правому политическому спектру партии и движения в странах Скандинавии и Финляндии, несмотря на то, что государства всеобщего благосостояния ассоциируются с социал-демократическими традициями, всегда занимали значимое место в рас-

кладе политических сил. Активное (в популистском ключе) использование правыми антииммигрантской риторики позволяло им входить в тройки самых политически влиятельных сил в своих странах. Однако тема защиты от наплыва переселенцев, хотя еще и не «отыграна», ее потенциал уже недостаточен для привлечения новых голосов североевропейских избирателей. Новыми темами в конце 2010-х гг. становятся евроскептицизм и, возможно, призывы к еще более тесным, чем существующие, вариантам взаимодействий с соседями (в различных сферах, но в первую очередь — в военно-политической).

А был ли «правый поворот»?

Основания для использования популярного в середине 2010-х гг. определения «правый поворот» в отношении североевропейских стран были: их связывали прежде всего с устойчивыми успехами на парламентских выборах праворадикальных партий **«Истинные финны» (Perussuomalaiset, PS)** и **«Шведские демократы» (Sverigedemokraterna, SD)**.

Уверенный рост популярности образовавшихся после распада финской Аграрной партии в 1995 г. «Истинных финнов» (одно место в сейме в 1999 г., три — в 2003 г., пять — в 2007 г.), увенчался прорывом в 2011 г.: за партию проголосовал каждый пятый пришедший на выборы. В 2015 г. «Истинным финнам» удалось повторить успех: при 38 мандатах в сейме они остаются третьей силой.

По итогам выборов в шведский риксдаг в 2014 г. антииммигрантская правая партия «Шведские демократы», образованная в 1988 г. из неонацистской националистической группировки «Швеция для шведов» (Bevara Sverige Svenskt) и вплоть до середины 2000-х годов остававшаяся «уличной», не просто уверенно преодолела 4%-ный барьер (как это было в 2010 г.), но и стала третьей силой в шведском парламенте, набрав почти 13 % голосов избирателей.

Опрос, проведенный после учиненных мигрантами в феврале 2017 г. беспорядков в одном из кварталов Стокгольма и наезда гражданина Узбекистана в апреле того же года на толпу в центре столицы, показал, что на грядущих выборах 2018 г. «Шведских демократов» готовы поддержать уже почти 24% опрошенных, что означало бы победу ультраправых на выборах.

Однако итоги 2017 г. свидетельствуют о том, что основные силы северных ультраправых разворачиваются вдали от парламентских кулуаров. Несмотря на существенные противоречия и даже вражду между многочисленными разрозненными группировками правых радикалов, некоторые из них находят возможности для сотрудничества и объединения, создавая как строго иерархизированные, так и сетевые структуры, охватывающие практически все страны Северной Европы.

Миграция vs евроскептицизм

Две основные темы — регулирование миграции и отношение к членству в ЕС — подпитывают риторику радикалов по всей Европе, и Север в этом смысле не исключение. Однако в ближайшей перспективе жесткость антииммигрантских заявлений, видимо, уйдет на второй план в сравнении с призывами к пересмотру участия стран в общеевропейском процессе: от закрытия границ и восстановления национальных валют до выхода из Шенгена и даже полного «экзита». Итоги выборов в Северной Европе показывают, что в избирательных кампаниях 2016–2017 гг. успеха добиваются именно те правые, которые делают ставку на евроскептицизм.

На севере Европы основной прессинг миграционного потока испытывает Швеция: именно туда устремляется основная масса движущихся на север вынужденных переселенцев. Наряду с Германией, Францией, Италией, Великобританией и Бельгией Швеция входит в шестерку европейских стран, на долю которых приходится 80% прошений о предоставлении убежища.

Согласно данным соцопроса, проведенного Ipsos по заказу шведского таблоида Dagens Nyheter (DN) в начале 2016 г., 40% шведов считали «интеграцию и иммиграцию» самыми большими проблемами, стоящими перед скандинавскими странами [1].

В 2015 г. Швеция приняла рекордные 163 тысячи просителей убежища. В пиковый период миграционного кризиса 10-миллионная страна принимала по 5–6 тысяч мигрантов еженедельно. По соотношению одобренных прошений к численности местного населения — 8 на каждую тысячу местных жителей — Швеция оказывается на первом месте [2].

В 2016 г. более 50 городских районов по всей Швеции были объявлены полицией «уязвимыми»: это районы компактного проживания мигрантов (например, в столичном Ринкебю их до 90%). В таких районах каждый пятый трудоспособный житель не имеет работы, а полицейским не рекомендовано заходить туда без спецсредств.

Правые в северных парламентах

Многопартийная система в странах Северной Европы традиционно характеризовалась сильными, спектрально полными (от умеренных до радикально настроенных) флангами — как левыми, так и правыми. Это обстоятельство необходимо учитывать при употреблении терминов «ультраправый» или «радикальный» по отношению к политическим системам североευропейских стран: правые партии прочно вписаны в устоявшийся политический контекст, а их успехи на выборах, обусловленные ситуацией в стране и мире, — не более чем «качание маятника», лежащее в осно-

ве принципа функционирования плюралистической партийной системы. Так выглядит ситуация в современных Дании и Норвегии.

Датскую народную партию (*Dansk Folkeparti, DF*) традиционно определяют как национал-консервативную. Но отличительной особенностью партии следует признать тот факт, что крайний евроскептицизм и исламофобия в программе DF соседствуют с борьбой за интересы пенсионеров и общей социальной ориентированностью политики.

Отколовшись в 1995 г. от Прогрессивной партии Дании, она уже в первом для себя избирательном цикле получила 13 мест в фолькетинге (датском парламенте). Последующие четыре выборных цикла DF демонстрировала стабильно высокие результаты (22–25 мест в парламенте), что позволяло ей влиять на формирование кабинета министров и формировать в фолькетинге большинство в составе коалиций.

По итогам выборов в 2015 г. DF усилила свои позиции. Получив 38 парламентских мандатов, она стала второй по значимости политической силой. В целом правые получили простое большинство в фолькетинге, что не означает, однако, коренного изменения в соотношении политических сил в стране: социал-демократы по-прежнему остаются самой популярной в стране силой, а к поражению левоцентристской коалиции привела неудача их союзников.

Именно под напором DF в Дании было значительно ужесточено миграционное законодательство. При этом большинство мер носит точечный, но весьма эффективный характер. Так, в январе 2015 г., парламент Дании одобрил закон, обязывающий мигранта, претендующего на статус беженца, сдавать имущество и ценности, стоимость которых превышает 10 тысяч датских крон (порядка 1450 долларов), в счет покрытия расходов по его приему и начальной адаптации [3].

Социально-экономическая тематика также является доминирующей и в деятельности норвежской **Партии Прогресса (*Fremskrittspartiet, FrP*)**. Ее принято считать правопопулистской, в то время как сами партийцы называют себя либертарианцами. Первым среди программных пунктов партии по-прежнему значится требование снижения налогов (вплоть до отмены налога на имущество), а пересмотр миграционной политики оттеснен вопросами соцзащиты и внешней политики на предпоследнее место, опережая лишь озабоченность правовым дисбалансом (прогрессисты считают, что норвежское право больше озабочено нуждами преступников, нежели жертв) [4].

Лидер Партии прогресса Сив Йенсен, отвечающая в норвежском правительстве за финансовый блок, подводя итоги 2017 г., определила его как «исторический для партии». Если госпожа Йенсен имела в виду результаты осенних выборов, то для прогрессистов результат оказался весьма

скромным: число их мест в стортинге (норвежском парламенте) сократилось с 41 до 27. «Это достижение — после четырех лет в правительстве» [5], — так прокомментировала свою интерпретацию сокращения фракции почти на треть лидер явно популистской партии. В перечисление достижений партии прогресса в парламенте по итогам работы в 2017 г. Йенсен включила описание первого шага к отмене налога на имущество, облегчение жизни автомобилистов, открытие новых домов престарелых, защиту прав животных и прочее, а политику в отношении мигрантов вскользь упомянула лишь единожды — в связи с традиционным, но не раскрытым эпитетом «жесткая». «Мы показываем силу, мы смеем там, где другие молчат», — подобные заявления представителей FrP становятся едва ли не единственным основанием отнесения их к популистам и даже радикалам.

Парламентский лидер прогрессистов Ханс Андреас свой отчет о достижениях фракции, состоящий из 24 пунктов, начал и закончил миграционной проблематикой, назвав политику Партии Прогресса в этом направлении «строгой и ответственной». Но подавляющее большинство пунктов отчета — о тех же героических попытках сокращения налогового бремени для домохозяйств и промышленных предприятий, росте штата полицейских (как отдаленного следствия акта Брейвика в июле 2011 г.), гендерного равноправия, защиты детей и животных от насильственных действий и т.д. Обозначение в качестве достижения партии сокращение числа заявок на предоставление убежища до 3,38 тыс. в 2017 г. (фактически до уровня 1990-х гг.) представляется довольно слабым пунктом и ввиду косвенности причинно-следственных связей, и по причине количественного соотношения числа желающих получить убежище с общим потоком мигрантов. Сокращение в сравнении с 2016 г. незначительное (тогда было подано 3,42 тыс. заявок), а общий поток мигрантов в ЕС, по данным Агентства по контролю за внешними границами ЕС Frontex, за год снизился на 60%.

Что же касается антииммигрантской риторики, то ей особенно отличался предыдущий лидер Партии Прогресса Карл Хаген. Именно он — автор ставшего знаменитым рецепта разрешения миграционного кризиса: «Европа должна сделать то же самое, что сделала Австралия. Ей следует заявить, что лодкам с беженцами запрещено причаливать к европейским берегам независимо от обстоятельств». А в марте 2017 г. он внес на рассмотрение муниципального совета Осло законопроект о запрете ношения хиджаба сотрудницами госучреждений [6].

Колебания «Истинных финнов»

Еще пару лет назад могло показаться, что партия «Истинные финны», став в 2000–2010-х гг. неотъемлемой частью финского политического

ландшафта, постепенно дрейфует от популистского имиджа правых радикалов в сторону умеренно-консервативной линии [7]. Формирующая третью по численности фракцию в сейме (при стабильном результате в 39 мест на выборах 2011 г. и 38 мест на выборах 2015 г., 2 из 13 отведенных Финляндии мест в Европарламенте в 2014 г.), она входит в состав правительства вместе с коалиционерами и центристами, лидер партии — глава МИД. В 2011 г. партия выступила с заявлением, в котором осудила расизм, дискриминацию и насилие. Из партии начинают исключать представителей, питающих слабость к нацистской символике. Депутаты от «Истинных финнов», не раз за последние несколько лет оказывавшиеся в центре скандалов в связи с антииммигрантскими и расистскими высказываниями (в частности, в соцсетях), сами обращались к властям за расследованием инкриминируемых им фактов [8]. Однако итоги 2017 г. заставляют предположить, что «Истинных финнов» вновь ждет виток радикализации.

Дело в том, что в апреле 2017 г. в ходе муниципальных выборов «Истинные финны» потеряли 3,5% голосов (их результат составил 8,8% голосов). Лидер партии, министр иностранных дел Тимо Сойни, признал неудачу и объяснил её тем, что такой результат обусловлен политикой правительства по стабилизации экономики. Большинство соцопросов 2016–2017 гг. показывало неуклонное падение рейтингов (поддержка на уровне не более 9%).

Дискредитации имиджа партии способствовала и нашумевшая практически комичная история с выдвижением на муниципальных выборах кандидатуры темнокожего пастора Йоао Бруно Путулукешо из города Вааса (а «Истинные финны» наиболее рьяно изначально выступали против именно африканских мигрантов): добропорядочный семьянин, владеющий пятью языками и защищающий права студентов и природу, африканский финн носил при этом гитлеровские усики. Этот пример, видимо, стоит расценивать как одну из не вполне удачных проб, ориентированных на попытки поиска вариантов ребрендинга партии как единственного варианта сохранения популярности.

В этих условиях в июне 2017 г. новым председателем партии был избран Юсси Халла-ахо — один из самых известных «Истинных финнов», который дважды (в 2008 и 2012 гг.) был осужден за разжигание межнациональной розни и оскорбление чувств верующих. Официант, защитивший диссертацию по старославянскому языку, счастливо женатый отец пятерых детей, средний из которых является внебрачным, в своем первом после избрания заявлении сделал ставку не на антииммигрантскую, а на евроскептицистскую риторику, оговорившись при этом, что выход из ЕС не является на сегодня реалистичной перспективой для Финляндии [9].

Ставшая на том же июньском съезде вице-президентом «Истинных финнов» Лаура Хухтасаари (она же была кандидатом от партии на президентских выборах в 2018 г.) четко заявляет о необходимости скорейшего выхода Финляндии из ЕС.

«Уличные» ультраправые на подъеме

Если искать в Северной Европе ультраправых в общеевропейском понимании этого термина, т.е. как угрозу торжества шовинизма, реваншизма, национализма и прочее, то следует обратить внимание на общественные движения, созвавшие или пытающиеся создавать партии, пока не представленные во власти. Закономерно, что явно выраженное именно в Северной Европе «окультуривание» правых популистов, которое наблюдается после успеха на выборах, приводит к отсечению наиболее радикальных элементов движений, их разочарованию и как следствие — к новому витку активности.

О росте уровня уличной деятельности ультраправых свидетельствует, в частности, заявление руководителя отдела в Службе безопасности полиции Норвегии Йорна Престерюдстюена: «Мы видим, что они стали более активными. Они явно на подъеме и проводят пропагандистские акции. Помимо всего прочего, организации подобного толка стали более уверенными в своих силах. Они не стремятся спрятаться или замаскироваться, наоборот, их заботит мысль о том, чтобы показать то, что они поддерживают целиком и полностью и за что они выступают» [10].

Исследование шведского фонда EXPO, проводимое с 2008 г., по итогам 2016–2017 гг. дало неутешительные результаты: «наиболее радикальная часть крайне правых на подъеме» [11]. Экспертам фонда в одной только Швеции только в 2016 г. удалось насчитать 3064 мероприятий, организованных ультраправыми (сюда включены любые проявления — от маршей до расклейки листовок и раздачи стикеров). Ростом активности характеризуются все регионы (особенно Сконе и Даларна), за исключением Стокгольма, хотя самые громкие акции проводятся именно в столице. В качестве новых тенденций исследователи отмечают появление так называемых асимметричных групп и сетевых субъектов. В качестве примера авторы доклада приводят движение «Антидот» (Motgift), работа которого сконцентрирована на сайте и страничках в соцсетях, на вещании собственного онлайн-радио и производстве видеофильмов.

Другим трендом развития ультраправого движения на Севере Европы следует признать деятельность всевозможных мстителей (швед. *medborgargarden*), к числу которых можно отнести и «Воинов Одина» (*Soldiers of Odin, S.O.O*), — организаций, занимающихся патрулированием улиц северных городов. Их рост был спровоцирован изнасилованиями в немец-

ком Кельне в новогоднюю ночь 2015–2016 гг. При этом патрули отслеживают и зачастую применяют угрозы и даже насилие не только в отношении непристойно ведущих себя мигрантов, но и в отношении бездомных и попрошайек.

Между движениями случаются конфликты. Так, представители объединения «Финляндия прежде всего» (Suomi Ensin), в феврале 2016 г. инициировавшего сбор подписей за отставку главы МВД Финляндии в связи с ростом совершаемых мигрантами преступлений, в конце 2017 г. поссорились с движением «Закрывать границы» (Rajat kiinni), что привело к закрытию совместно финансируемого антииммигрантского издания. Однако тенденция к централизации и объединению усилий все же превалирует.

Северное движение сопротивления

Самой мощной, действующей на территории четырех северных стран организацией, является организация «Северное движение сопротивления» (швед. — Nordiska motståndsrörelsen (NMR), фин. — Pohjoismainen vastarintaliike (PVL), норв. — Nordiske motstandsbevegelsen (NMB), дат. — Danske Modstandsbevægelse). Наблюдатели отмечают как минимум две характерные черты этой организации: строгую иерархию и признание насилия как эффективного средства борьбы, а также набирающую с 2014–2015 гг. обороты тенденцию — северные ультраправые на подъеме.

Взбудоражившее весь европейский север событие — марш неонацистов в шведском Гетеборге 30 сентября 2017 г., — в ходе которого двое (прохожий и полицейский) получили ранения, а шесть десятков человек были арестованы, большинство мировых СМИ преподнесли как столкновение нацистов с неофашистами [12].

Однако на кадрах хроники четко видно, как отдельные группы демонстрантов в характерной экипировке и со стягами Северного движения сопротивления пытаются прорвать оцепление полиции и изменить направление следования [13]. Согласованный властями маршрут оказался почти вдвое короче того, на который изначально рассчитывали демонстранты. Власти разрешили им пройти по самому центру города, но отрезали путь к местам массового скопления людей (в тот день проходила традиционная книжная ярмарка), а также к гетеборгской синагоге, в непосредственной близости от которой организаторы планировали пройти [14].

Эта деталь показательна в двух отношениях. Во-первых, участники акции нарочито демонстрировали готовность к неповиновению властям, а также к использованию насильственных действий. Во-вторых, явная антисемитская направленность марша (и не только марша: уже в декабре 2017 г. при попытке поджога все той же гетеборгской синагоги были аре-

стованы три человека [15]). Эти обстоятельства не стыкуются с представлениями об изначально антииммигрантской природе движения. Более того, эти факты явно указывают на радикально протестный (направленный против политического режима) и ксенофобский характер (не против только вновь прибывших «чужаков», но против «чужаков» вообще).

Программные принципы, опубликованные на официальном сайте NMR [16], предельно незамысловаты и лаконичны, как и у любого популистского движения. Два первых из девяти пунктов призваны прояснить причины того, почему, по выражению основателя движения Класа Лунда, «шведы в полном полете» (*De svenska männen befinner sig i full flykt*) [см.: 17]¹. Во-первых, это мигранты: все неблизкородственные северянам приезжие должны подлежать репатриации (за редкими исключениями для тех, кто принес скандинавам особую пользу). Во-вторых, это мировая сионистская элита, скрытую власть которой надо нещадно изобличать и создавать альтернативные структуры, противостоящие господству сионистов на европейском севере.

Оставляя в стороне введение всеобщей воинской повинности и отмену института адвокатуры (пункты 8 и 9 соответственно), следует отметить, что оставшиеся пять пунктов, составляющие суть программы, способны снискать благосклонность далеких от правых взглядов северян. Так, пункт шестой гласит о жизни в гармонии с природой, что не оставит равнодушными ни зеленых, ни сторонников идеи устойчивого развития (эмблема движения – белая направленная вверх стрелка на фоне темно-зеленого ромба). Седьмой пункт фактически посвящен описанию общества благосостояния, в котором соцподдержка сочетается с раскрытием индивидуального потенциала каждого (в этом смысле в северных обществах уже давно достигнут консенсус).

Критика СМИ, деятельности которых посвящен пятый пункт программы, свидетельствует об утопичности и даже инфантильности теоретиков северных ультраправых: по их представлениям, масс медиа должны быть «народными».

Наконец, суть программы заключена в седьмом пункте и состоит в создании единого северного государства — с общими обороной, валютой, Центробанком и т.д. — сильного народного государства, способного «защитить северян от страданий».

¹ С точки зрения лексики примечателен тот факт, что Лунд использует здесь не широко распространенное слово *svenskar* (шведы), а именно *svenska männen*, что может быть переведено как «шведские мужчины». И действительно, в рядах NMR удалось обнаружить лишь одну женщину — мать восьмерых детей Паулину Форслунд: она цитирует Тацита и говорит о «настоящих мужчинах», которые не видят в женщинах угрозы.

Примечательно, что высказанная ультраправыми идея объединения не нова. Благодаря деятельности Северного Совета (с 1952 г.) и Совета министров северных стран (с 1971 г.), планомерно и последовательно осуществляющих взаимодействия, обладающие всеми признаками интеграционных процессов [18], единый рынок труда, система соцобеспечения и т.д. стали для жителей Северной Европы само собой разумеющейся реальностью. Однако будучи помещенной в программе NMR в соседстве с откровенно ксенофобскими и расистскими положениями, сама идея северного сотрудничества рискует быть дискредитированной.

Жесткая иерархия выражена как в структуре движения (локальные группы (kamppgrupp) — гнезда (näste) — совет — лидер), так и в характере участия (сочувствующие (stödmedlem), полноправные (medlem), активисты). Право называться активистом раз в год подтверждается в ходе теста на физическую выносливость, включающего отпор двоим нападающим.

Известны попытки создания шведским отделением движения политической партии в 2014 г., которые, однако, не увенчались успехом (из-за полного провала на муниципальных выборах). Очевидно, что подобные попытки будут продолжены.

Реакция властей всех четырех стран Северной Европы, на территориях которых действует Северное движение сопротивления, в общих чертах идентична: движение не запрещено, а активисты преследуются чаще по уголовным делам либо в связи с неповиновением требованиям полиции. Так, в Норвегии, в мае 2016 г., один из «Воинов Одина» был признан виновным в избиении мужчины и осужден на 1,5 года.

Ради проведения в Хельсинки факельного марша ультраправой организации «612» 5 декабря 2017 г. властями было принято решение об отмене детского праздника, посвященного столетию независимости [19]. Дело в том, что для проведения гражданских маршей как актов реализации свободы слова и собраний, в отличие от детских праздников, которые приравнены к публичным мероприятиям, не требуется разрешения властей.

Таким примерами предельно уважительного отношения к свободам граждан в Финляндии не единичны. Так, начиная с февраля и практически все лето 2017 г., в центре Хельсинки у Музея современного искусства «Киаасма» были развернуты друг напротив друга два палаточных лагеря — беженцев и представителей националистических движений; полиция лишь пресекала возможные столкновения.

Но не во всех странах Северной Европы полиция одинаково лояльна к деятельности экстремистов. К примеру, Хокон Хорвальд, руководитель норвежской части Движения сопротивления, проживает в шведском Людвике, откуда и руководит подразделением организации в Норвегии. Сам он объясняет ситуацию тем, что в Норвегии система противостоит их

действиям активнее, чем власти Швеции [20]. Для Швеции задержание порядка шести десятков участников гетеборгского марша 30 сентября 2017 г. — акция беспрецедентная. Так, ранее, в сентябре того же года, 50 представителей NMR уже проходили маршем по центру Гетеборга; шествие также сопровождалось драками, однако арестов не последовало, хотя акция не была даже согласована с властями.

Кроме того, в июле 2017 г. трое организаторов серии взрывов в Гетеборге (все трое — члены Северного движения сопротивления) были осуждены на 8,5, 5 лет и 1,5 года каждый. По чистой случайности обошлось без жертв, а следствие квалифицировало действия преступников как «домашний экстремизм».

Но вопрос о запрете деятельности Северного движения сопротивления до сих пор не ставился нигде, кроме Финляндии: полиция весной 2017 г. подняла вопрос о необходимости запрета Северного движения сопротивления на территории страны. Однако по представлениям Полицейских управлений уездные суды (в ноябре 2017 г. — суд Пирканмаа, в декабре 2017 г. — суд Биркаланда) начали выносить постановления о запрете деятельности движения.

Таким образом, политическим системам северных стран до сих пор удавалось вписывать в контекст сложившегося политического и правового полей тех радикалов, которые получали право представительства во властных структурах в 1990–2010 гг. Популистская риторика, будь она антииммигрантской (как в 2010–2015 гг.) либо в большей степени евроскептицистской (как в кампаниях 2016–2017 гг. и в краткосрочной перспективе), напрямую зависит от этапа выборного процесса, активизируясь в ходе предвыборной кампании и затихая сразу после выборов. В то же время новая волна уличных ультраправых движений, развернувшихся практически по всей Северной Европе во второй половине 2010 гг., может быть признана самой масштабной, разнородной, заряженной средой (в сравнении с предыдущими десятилетиями), с четко сформулированными идеологическими основаниями, демонстрирующей мастерское владение новыми техниками пропаганды.

Источники и литература

1. Invandring den viktigaste frågan för väljarna // Шведский таблоид Dagens Nyheter. — Режим доступа: <https://www.dn.se/nyheter/politik/invandring-den-viktigaste-fragan-for-valjarna/> — Дата обращения: 09.01.2018.
2. Воронов К.В. Северные страны // ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 53–60.
3. Дания приняла закон об изъятии имущества у мигрантов // Русская служба BBC. — Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/news/2016/01/160126_denmark_migrant_property_law — Дата обращения: 21.05.2017.

4. Fremskrittspartiet // Официальный сайт Партии Прогресса Норвегии. — Режим доступа: <https://www.frp.no/english> — Дата обращения: 05.01.2018.
5. Siv Jensen: Et historisk år for Fremskrittspartiet // Официальный сайт Партии Прогресса Норвегии. — Режим доступа: <https://www.frp.no/aktuelt/2017/12/et-historisk-ar-for-fremskrittspartiet> — Дата обращения: 05.01.2018.
6. Бухарова М. Снимите это немедленно: в Осло предлагают запретить госслужащим носить хиджаб // RT.23.03.2017. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/371512-zapret-hidzhab-norvegiya> — Дата обращения: 03.04.2017.
7. Ланко Д. Финское чудо. Почему финские радикальные националисты превратились в умеренных консерваторов // Информационное агентство Лента.ру. — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/04/28/finn/> — Дата обращения: 05.05.2015.
8. Политику от «Истинных финнов» предъявлены обвинения в разжигании межнациональной розни // Финское информагентство Yle. — Режим доступа: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/politiku_ot_istinykh_finnov_predyavleny_obvineniya_v_razzhiganii_mezhnatsionalnoi_rozni/9213351 — Дата обращения: 05.10.2017; Финского депутата подозревают в разжигании религиозной вражды после теракта в Ницце // ИА «Фонтанка». — Режим доступа: <http://fontanka.fi/articles/29344/> — Дата обращения: 21.08.2016; и др.
9. Новый председатель ИФ Юсси Халла-ахо: «Националистическое мышление является единственным устойчивым решением» // Финское информагентство Yle. — Режим доступа: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/novy_predsedatel_if_yussi_khalla-akho_natsionalisticheskoe_myshlenie_yavlyaetsya_yedinstvennym_ustoichivymresheniem/9663552 — Дата обращения: 04.01.2018.
10. Эвертссон Х., Кумано-Энсбю А., Нурстрём Й. Они будут бороться за новый Север Европы до конца // ИноСМИ. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/social/20171217/241011585.html> — Дата обращения: 05.01.2018.
11. Poohl D., Leman J. Fler aktiviteter än någonsin. Så blev 2016 nazisternas rekordår 2017-05-03 // Фонд ЕХРО. — Режим доступа: http://expo.se/2017/fler-aktiviteter-an-nagonsin---sa-blev-2016-nazisternas-rekordar_7354.html — Дата обращения: 06.01.2018.
12. Неонацистский марш в Швеции завершился столкновениями // Euronews. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2017/09/30/sweden-neo-nazi-demo> — Дата обращения: 05.10.2017; В Швеции схлестнулись неонацисты, антифашисты и полиция // Вести 24. — Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2938250&utm_source=qip&utm_medium=news.qip&utm_campaign=news — Дата обращения: 05.10.2017; и др.
13. Neo-Nazi march : activists clash with police. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=206&v=HkouaMi3wP0 — Дата обращения: 05.10.2017.
14. Swedish police make arrests prior to Gothenburg Nazi demonstration // The Local. — Режим доступа: <https://www.thelocal.se/20170930/swedish-police-make-arrests-prior-to-göteborg-nazi-demonstration> — Дата обращения: 05.10.2017.
15. Аресты в Швеции // Euronews. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2017/12/10/sweden-synagoge> — Дата обращения: 05.10.2017.

16. Vår politik // Официальный сайт Северного движения сопротивления. — Режим доступа: <https://www.nordfront.se/var-politik.smr> — Дата обращения: 05.10.2017.
17. Lund K. Åter till eldställningarna. — Режим доступа: <https://www.nordfront.se/ater-till-eldstallningarna.smr> — Дата обращения: 05.10.2017.
18. Кулябина Л.Н. Швеция в современном мире. М.: Наука, 2005. 173 с.
19. Акция ультраправых в Хельсинки заняла место детского праздника // ИА «Фон-танка». — Режим доступа: <http://fontanka.fi/articles/37088/> — Дата обращения: 05.12.2017.
20. Evertsson H., Kumano-Ensby A., Nordstrøm J. Vil kjempe til døden for et nytt Norden // ТРК NRK (Норвегия). — Режим доступа: <https://www.nrk.no/dokumentar/xl/vil-kjempe-til-doden-for-et-nytt-norden-1.13810278> — Дата обращения: 09.01.2018.

Проект Эмманюэля Макрона по реформированию Европейского союза

Emmanuel Macron's program of reforming the European Union

Т.В. Зверева

Зверева Татьяна Вадимовна, руководитель Центра евроатлантических исследований и международной безопасности ИАМП Дипломатической академии МИД России, доктор политических наук.

Аннотация: в статье освещены ключевые элементы программы реорганизации Евросоюза, предложенной Эмманюэлем Макроном. Отражена дискуссия, проходящая во Франции по этому вопросу, выявлены трудности на пути реализации проекта реформирования еврозоны.

Ключевые слова: Франция, президент Макрон, реформа ЕС, реформирование еврозоны.

Abstract: the article is about the French President Emmanuel Macron EU reform program. It shows new Macron's proposals to «refund» the EU and the Eurozone. This process won't be easy, taking into account that there are a lot of difficulties on this way.

Key words: France, president Macron, European Union reform, Eurozone reform.

Франция, наряду с другими пятью странами Западной Европы в 50-е гг. XX века стоявшая у истоков европейской интеграции, несет особую ответственность за будущее Евросоюза. Если первые десятилетия после создания ЕС отмечены яркими успехами и большими достижениями, то с началом нового века в развитии интеграционного объединения обозначился новый этап. Началось постепенное накопление проблем, которые не получали своего полноценного разрешения. Кризисные явления, свидетельствовавшие о нараставшем неблагополучии, следовали одно за другим (провал проекта европейской Конституции, финансово-экономический кризис, наплыв мигрантов, усиление террористической угрозы, Брекзит, осложнение отношений с Россией). Эти процессы и явления стали «знаменем времени» для Евросоюза. Начало меняться отношение граж-

дан стран — членов ЕС к глобализации, главными бенефициариями которой оказались даже не сами по себе развитые государства Запада, а, скорее, определенные слои населения, тогда как многие другие так и не смогли полностью адаптироваться к новым условиям. Среди наиболее острых современных проблем — дезиндустриализация, а также размывание складывавшейся веками национальной идентичности стран Европы. Сегодня стремление многих граждан вновь обрести ускользающую из-под ног «точку опоры» и вернуться к своим национальным корням сопровождается усилением критики в адрес ЕС. Созданный в целях защиты жителей европейских стран от негативных последствий глобализации Евросоюз парадоксальным образом становится объектом критики, ведь именно на Брюссель граждане стремятся возложить полноту ответственности за все издержки глобального рынка.

Наиболее болезненным в череде европейских кризисов последних лет стало решение жителей Великобритании о выводе страны из ЕС, принятое на референдуме 23 июня 2016 г. Брекзит чреват новыми политическими, финансовыми, экономическими и социальными издержками как для самой Великобритании, так и для Евросоюза в целом. Самым важным последствием британского референдума для ЕС стало то, что перспективы возможной дезинтеграции, которая еще пять лет назад никем всерьез не рассматривалась, сегодня широко обсуждается в европейских средствах массовой информации, в экспертном сообществе, а также звучит в предвыборных программах. Популярность партий, чей электорат состоит из евроскептиков, выросла не только в покидающей ЕС Великобритании, но и в странах-основательницах (Нидерландах, Франции, Германии, Италии), что делает ситуацию в Евросоюзе еще менее устойчивой [1]. В этих условиях президентские выборы 2017 г. во Франции имели во многом судьбоносное значение для дальнейшего развития Европейского союза.

Избрание в мае 2017 г. президентом Франции евроэнтузиаста Эмманюэля Макрона было позитивно воспринято в европейских столицах, где всерьез опасались правого антиевропейского поворота внешней политики Парижа в случае прихода к власти кандидата от Национального фронта Марин Ле Пен. Предвыборная программа Э. Макрона отличалась четкой направленностью на дальнейшее развитие евроинтеграции [2: 25].

О том значении, которое новый французский президент придает решению этой задачи, свидетельствовала его автобиография «Революция», опубликованная в октябре 2016 г., еще до начала избирательной кампании. Придя к власти, Э. Макрон уделил особое внимание «перезапуску» ЕС. Только за первые четыре месяца своего пребывания на посту президента он успел лично пообщаться на эту тему с лидерами двадцати двух

из двадцати восьми стран ЕС. В своих выступлениях Макрон уделил внимание практически всем основным проблемам современного развития евростроительства. Центральное место среди официальных деклараций нового французского президента по этой теме занимает его речь в Сорбонне 26 сентября 2017 г., содержащая около 20 конкретных предложений, направленных на «перезапуск» европейского интеграционного процесса.

Основные положения европейского проекта Э. Макрона

Представляя свой европейский проект, президент Франции выступил с резкой критикой существующего положения дел в ЕС, причем наиболее резко эти замечания звучали еще на этапе его предвыборной кампании. Он, в частности, отметил, что «повсюду ощущается отсутствие свежих идей и новых подходов. Саммиты стали карикатурой: мы меняем одно слово в готовящейся декларации только для того, чтобы не повторять полностью предыдущую... Эта система оторвана от мира и от реальности» [3: 224].

По словам Э. Макрона, отцы-основатели полагали, что «политика последует за экономикой» и общий рынок приведет к созданию общего европейского государства. Реальность разрушила эти иллюзии: политический союз так не был создан, а лидерами стран Евросоюза было сделано все для того, чтобы во главе ЕС стояли слабые руководители. Как отмечает французский президент, число еврокомиссаров не позволяет ЕК эффективно функционировать. В целом, по его мнению, долгосрочное видение евроинтеграции было принесено в жертву процедурам и техническим регламентам [3: 224–227].

По мнению Э. Макрона, «существующая Европа — слишком медлительная, слишком слабая, слишком неэффективная» [4]. Вместе с тем, с его точки зрения, то, что объединяет европейцев, сильнее, чем то, что их разъединяет. «Прошлым нашего континента [является война и она] может стать нашим будущим, если мы не построим свободную Европу. Впервые в истории нам удалось создать союз без гегемонии, основанный на демократии, процветании и свободе. ...Это — глубоко французский проект», — полагает президент Франции [3: 221–222].

Являясь евроэнтузиастом, Э. Макрон стремится предстать прямым продолжателем и наследником идей другого яркого французского политика, председателя Еврокомиссии 80-х гг. XX века Жака Делора. В подтверждение своих призывов развивать ЕС французский президент приводит следующую цитату Делора: «Европейский дух — это конкуренция, которая стимулирует, кооперация, которая усиливает, и солидарность, которая объединяет» [4].

Программа Э. Макрона, направленная на реформирование Евросоюза, содержит целый ряд конкретных предложений, направленных на раз-

витие взаимодействия между государствами — членами ЕС практически во всех сферах.

Характеризуя вызовы, стоящие перед Францией и ЕС в области безопасности, Э. Макрон выделяет два важнейших фактора — «постепенный и неизбежный уход США и рост угрозы терроризма». Он предлагает европейцам действовать вместе и создать «автономные силы Европы в дополнение к НАТО» и полагает, что основа этих сил заложена в последние месяцы благодаря «запуску» структурированного сотрудничества и формированию специального европейского фонда, предназначенного для финансирования исследований в области обороны и производства вооружений. По мнению французского лидера, к началу следующего десятилетия необходимо создать Общие европейские силы быстрого реагирования, Европейскую академию разведки, сформировать военный бюджет ЕС и выработать соответствующую военную доктрину.

Особое внимание Э. Макрон считает необходимым уделить сотрудничеству в рамках ЕС в борьбе с организованной преступностью и терроризмом, а также найти общеевропейские (в рамках ЕС) решения миграционных проблем, исходя из того, что текущий кризис — долгосрочный вызов для всего Евросоюза, следствие диспропорций, порожденных глобализацией.

Хозяин Елисейского дворца предлагает программу дальнейшего развития экономического, торгового, финансового сотрудничества государствами — членами Европейского союза, в том числе введение европейского налога на финансовые трансакции, а также новые меры, направленные на налоговую и социальную конвергенцию ЕС. Французский президент высказывается за пересмотр общей европейской аграрной политики. Им предложены меры в области экологии, образования и науки (создание европейских сетевых университетов и лицеев, введение обучения на двух европейских языках, повсеместное принятие общего европейского диплома, формирование европейского агентства инноваций) [4].

Именно Евросоюз, по мнению Э. Макрона, служит защитой французских граждан от негативных последствий глобализации. По его словам, Европа призвана регулировать свободу торговли и выполнять «цивилизаторскую функцию по отношению к глобализации». Именно опора Франции на ЕС позволяет ей отстаивать свою точку зрения перед лицом крупнейших экономических держав мира в лице Китая и США. На этапе предвыборной кампании новый президент Франции предложил ввести некоторые протекционистские меры на уровне ЕС, создав систему контроля за иностранными инвестициями, направляемыми в стратегические отрасли промышленности государств — членов Евросоюза. К числу подобных предложений, озвученных в сентябре 2017 г. в Сорбонне, можно отнести

и идею введения поста коммерческого европейского прокурора, ответственного за надзор за выполнением правил внешними конкурентами ЕС и применение санкций в случае нелояльной практики.

Высказываясь за развитие разнотемпной Европы, Э. Макрон полагает, что ЕС, объединяющий двадцать восемь стран, не может функционировать так, как союз, состоящий из шести государств. В новых условиях поиски общего знаменателя всегда становятся проблемой. Европейский проект будет развиваться только при условии, что он будет основан на «продвинутых амбициях» одних стран при уважении к «ритму каждого государства-члена». Именно Европа разных скоростей призвана создать новое европейское единство, а ядром разнотемпной Европы является еврозона, причем даже внутри еврозоны могут сосуществовать разные группы государств, более или менее тесно связанные между собой, и среди них должна быть выделена группа лидеров [3: 240]. Иначе говоря, Макрон допускает существование не только двухуровневой, но и многоуровневой интеграции.

Являясь сторонником активизации сотрудничества между странами еврозоны, президент Франции полагает, что, хотя единая валюта защищает европейцев от колебаний курсов мировых валют, обеспечивает свободу обменов внутри еврозоны, позволяет странам ЕС быстро находить финансирование, «незавершенность проекта евро была ошибкой». Анализируя причины долгового кризиса 2009—2013 гг., французский лидер выделяет среди них усиление различий в уровнях экономического развития стран еврозоны. Он, в частности, отмечает, что введение евро было продиктовано не финансово-экономическими соображениями, а политическими интересами, что способствовало акцентированию указанных диспропорций. В условиях беспрецедентного кризиса самые слабые экономики обрушились и разразился долговой кризис.

Макрон предлагает меры, по сути, развивающие и углубляющие уже реализуемую в еврозоне программу, направленную на предотвращение подобных кризисов и укрепляющую роль европейских центральных органов. Среди его конкретных предложений — принятие странами Еврогруппы общего бюджета и создание поста министра финансов еврозоны: «Предлагаю создать бюджет еврозоны для финансирования общих инвестиций. Эта мера поможет регионам, испытывающим трудности, и станет ответом на кризисы... необходимо ввести ответственное лицо — пост министра финансов еврозоны. Он будет определять приоритеты бюджета еврозоны и поддерживать те страны, которые проводят реформы». С точки зрения президента Франции, министр финансов должен обладать широкими полномочиями и регулярно отчитываться перед парламентом еврозоны, который также предстоит сформировать «для осуществления

демократического контроля». Предполагается, что указанный парламент объединит всех парламентариев из стран еврозоны, которые будут собираться один раз в месяц [3: 235–236].

По мнению Э. Макрона, ряд стран еврозоны смогут пойти дальше других в развитии взаимодействия и уже через 10 лет достичь реальной налоговой, социальной и энергетической конвергенции, а дальнейшая централизация еврозоны должна сопровождаться принятием нового европейского инвестиционного плана, по своим масштабам превосходящего известный «план Юнкера». Новая инвестиционная программа ЕС должна предполагать предоставление дотаций отдельным странам для широкой поддержки капиталовложений в возобновляемую энергетику, разработку передовых технологий, хранение энергоресурсов, образование и исследования.

Характеризуя проект Макрона по перестройке еврозоны, нельзя не отметить, что он является сердцевинной всей его европейской программы, и это не случайно. Разрабатывая свои предложения, французский президент руководствовался стремлением развивать наиболее успешные элементы евроинтеграции. Именно введение единой валюты считается наряду с созданием общего внутреннего рынка самым успешным европейским проектом, несмотря на кризис управления еврозоной 2009–2013 гг. «Передовой отряд» ЕС, которым является еврозона, объединяет страны, производящие 85% ВВП Европейского союза. От развития их сотрудничества во многом зависит успех всего Союза и благосостояние всех его членов. В последние годы именно в еврозоне удалось создать новые продвинутые формы взаимодействия (европейский механизм стабильности, важные элементы банковского и налогового союзов). Прямым результатом реализации программы по выводу еврозоны из кризиса стала передача государствами Еврогруппы дополнительных властных полномочий на наднациональный уровень. Предложения Макрона нацелены на развитие этой тенденции и на дальнейшее усиление наднационального характера управления еврозоной, а в перспективе и ЕС.

Немаловажно и то, что президент Франции прекрасно знает изнутри «кухню» еврозоны, владеет всей полнотой информации в этой сфере и, следовательно, может эффективно влиять на развивающиеся там процессы. Работая в администрации Ф. Олланда, будущий президент отвечал за урегулирование греческого кризиса и сыграл важную роль в налаживании диалога между Афинами, с одной стороны, и Брюсселем с Берлином, с другой [5]. После своего назначения в августе 2014 г. министром экономики Э. Макрон также уделял этим вопросам большое внимание, он хорошо в них разбирается.

Критика в СМИ программы «перезапуска» ЕС

Комментируя европейскую программу Э. Макрона, главного, если не единственного, по словам СМИ, евроэнтузиаста среди руководителей стран ЕС, нельзя не сказать о том, что ряд ее аспектов вызывает определенную критику как внутри страны, так и за ее пределами, что может затруднить и замедлить реформирование Союза. Интересно, что французские СМИ в основном поддерживают предложения своего президента. Представители прессы других стран настроены более скептически, причем если левые скорее позитивно оценивают проект французского президента, то правая консервативная пресса относится к нему с большой долей скептицизма.

Представители оппозиции во Франции отмечают, что программа Макрона во многом воспроизводит и развивает подходы прошлых лет, реализация которых, несмотря на многие достижения евроинтеграции, вызвала к жизни рост анти-европейских настроений и правого популизма, привела к размыванию европейской солидарности и развитию дезинтеграционных, сепаратистских тенденций внутри ЕС. Поэтому, как считают критики плана Макрона, даже в случае его успешного воплощения в жизнь не приходится ожидать, что фундаментальные проблемы Союза будут решены быстро, полностью и окончательно.

Программа президента Франции пока не вызывает полного и однозначного одобрения во всех странах ЕС и в самом Брюсселе. Далеко не все в Евросоюзе поддерживают содержащиеся в его программе идеи, направленные на укрепление наднациональности в ЕС. Ряд стран Евросоюза традиционно опасается оказаться растворенными в огромном сообществе, где руководящую роль играют крупные державы, а интересы более скромных «игроков» могут быть проигнорированы. Именно эти сомнения звучали в начале 2000-х гг. во время подготовки проекта европейской Конституции и в дальнейшем — Лиссабонского договора. Отметим, что за прошедшие годы эти настроения не утратили своей актуальности. Не является безупречной сама по себе идея «разноскоростного развития» Европейского союза, так как ее реализация может привести не к конвергенции государств — членов ЕС, а наоборот, усилит дисбалансы в развитии всего объединения, способствуя дальнейшему расслоению самого Союза. Воплощение в жизнь концепции разноскоростной Европы может сделать внутреннюю структуру ЕС более рыхлой и помешает выравниванию уровней развития государств-членов. Показательны с этой точки зрения комментарии к проекту Макрона, приведенные польской леволиберальной «Газетой Выборча», где отмечается, что предложенные реформы будут способствовать расколу Евросоюза на две раз-

носкоростные части, способствуя маргинализации Польши, не являющейся членом еврозоны [6].

Неоднозначно оцениваются и предложения Э. Макрона, направленные на развитие сотрудничества непосредственно в еврозоне. В Еврокомиссии, например, выступают против создания парламента еврозоны, подчеркивая, что «парламентом еврозоны является европарламент». Эксперты, близкие к Еврокомиссии, отмечают, что вместо введения нового отдельного органа будет достаточно просто специально заслушивать на заседаниях европарламента вопросы, связанные с еврозоной, уделяя им повышенное внимание [7].

Отдельная тема — противоречивое отношение Берлина к программе президента Франции. Интерес представляет собой анализ откликов в немецких СМИ на упомянутое выше сентябрьское (2017 г.) выступление Э. Макрона в Сорбонне. Близкая к левому центру «Зюддойче Цайтунг» поддержала предложения нового французского президента, отметив, что «Макрон связал свою европейскую концепцию с успехом (внутренних. — Т.З.) реформ (налоговой и Трудового кодекса). Успех этих реформ — в интересах Германии». Вместе с тем консерваторы из «Франкфуртер альгемайне цайтунг» назвали европейскую программу Макрона «Европой трансфера» — планом простого перераспределения средств от более богатых стран к более бедным. По словам данного СМИ, многие немцы не желают подобного «трансфера». Как показывает опыт Италии, «несмотря на подобное перераспределение, разрыв между Севером и Югом углубляется уже в течение 150 лет» [6].

Очевидно, что судьба европейского проекта Макрона во многом будет зависеть от немецкой позиции, которая остается сложной и неоднозначной. С одной стороны, Берлин, как и Париж, заинтересован в дальнейшем развитии «разноскоростной Европы» и в реформировании еврозоны. Так, еще до избрания Э. Макрона Франция и Германия выступили с совместной инициативой, направленной на дальнейшую институционализацию еврозоны, предложив чаще проводить заседания Еврогруппы, а также создать отдельный Фонд финансирования еврозоны в размере 6 млрд евро, предназначенный для борьбы с безработицей среди молодежи и повышения конкурентоспособности. В целом по другую сторону Рейна позитивно оценили высокий градус еврооптимизма Э. Макрона.

С другой стороны, когда речь заходит о конкретных мерах по реформированию еврозоны, в подходах двух стран выявляются определенные различия. Германия не намерена «взваливать на свои плечи» все издержки, связанные с экономической политикой других государств — членов еврозоны. Берлин иначе, чем Париж, видит роль министра финансов ев-

розоны, считая необходимым на первых порах ограничить его функции контролем за соблюдением бюджетной дисциплины.

Анализируя отношение ФРГ к французским предложениям, нельзя также не отметить и новую внутривнутриполитическую ситуацию, сложившуюся в Германии по итогам сентябрьских выборов 2017 г. в Бундестаг. Определенным ограничителем европейских амбиций нового немецкого правительства является относительное ослабление позиций партийного блока А. Меркель ХДС — ХСС, вхождение в парламент партии евроскептиков «Альтернатива для Германии», а также трудности на пути создания коалиционного правительства. В любом случае новое руководство ФРГ будет вынуждено учитывать сформировавшийся расклад политических сил, свидетельствующий о некотором укреплении противников участия Берлина в финансировании европейских программ и дальнейшей институционализации еврозоны.

Характеризуя проект реформирования еврозоны Эмманюэля Макрона, нельзя обойти вниманием вопрос о его соотношении с теми сложными внутриэкономическими и внутривнутриполитическими задачами, которые предстоит решать французскому президенту. Среди них — необходимость пересмотра модели социальной рыночной экономики, сложившейся во Франции после Второй мировой войны, особенности которой — «высокая доля госсектора в инфраструктурных отраслях (энергетике, транспорте, связи, кредитной сфере), накопление и перераспределение финансовых потоков (ныне 57%), административное регулирование трудовых отношений, наличие одной из самых продвинутых в мире, но весьма дорогостоящей системы соцзащиты здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, семейной политики».

Несмотря на то, что решение этих проблем давно назрело, уже длительное время французская социально-экономическая модель не поддается радикальному, крайне болезненному для многих французов реформированию [8]. С этой точки зрения миссия нового президента — преодолеть внутреннее сопротивление, адаптировать национальную экономику к вызовам эпохи глобализации и сохранить за Францией место одного из мировых лидеров. Актуальная европейская программа французского лидера направлена, в том числе, на то, чтобы сдвинуть внутренние реформы в стране с мертвой точки, опираясь на внешние факторы. Иначе говоря, предполагается использовать сотрудничество Парижа с Берлином и Брюсселем в качестве рычага для модернизации французской экономической системы. Об этом Э. Макрон говорит на страницах своей автобиографии 2016 г.: «Если мы хотим убедить наших немецких партнеров идти вперед, мы обязательно должны реформироваться. Германия блокирует сегодня многие европейские проекты из-за недоверия к нам... Мы пред-

ставим реформистскую стратегию модернизации страны и пятилетний план снижения текущих расходов... В ответ... они должны продвигаться вперед вместе с нами к идее общего бюджета еврозоны и дать добро на инвестиции в будущее во всех странах еврозоны» [3: 237]. В то же время европейский эксперт М. Родригес отмечает: «Французы должны понимать, что немцы согласятся на создание бюджета еврозоны только в случае, если средства будут предоставляться в обмен на согласованные с Брюсселем (внутренние. — Т.З.) реформы» [7].

Комментируя эти аспекты европейского курса Э. Макрона, нельзя не отметить, что без ответа остается ряд важных для будущего Франции вопросов. Не ясно, насколько жизнеспособна и перспективна идея реформирования социальной сферы и трудового законодательства Франции за счет опоры на внешние факторы, и не приведет ли ее воплощение в жизнь к дальнейшей сдаче позиций Францией более сильным в экономическом плане конкурентам, прежде всего Германии. Необходимо учитывать, что именно ФРГ уже существенно укрепила свои позиции в ходе борьбы с кризисом еврозоны и в результате принятия соответствующих программ, нацеленных на ее дальнейшую централизацию. В любом случае очевидно, что внутривнутриполитические аспекты европейского плана Э. Макрона являются едва ли не более важными, чем поиски консенсуса между Парижем и другими европейскими столицами по вопросам реформирования Евросоюза.

* * *

Итак, руководствуясь стремлением сохранять и развивать ЕС, новый французский президент выдвинул и активно продвигает амбициозную программу реформирования Евросоюза, предполагающую его «разноскоростное» развитие и усиление сотрудничества между государствами — членами еврозоны при дальнейшей передаче ими на уровень Европейского союза новых властных полномочий. Объявленные меры призваны «вдохнуть новую жизнь» в развитие евроинтеграции и задают общее направление дальнейшего развития ЕС. Однако масштаб проблем, которые предстоит решать, значителен, поэтому вопросы о деталях, сроках и объемах предстоящей реорганизации Европейского союза во многом остаются открытыми.

Источники и литература

1. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 483 с.
2. Зверева Т.В. Эмманюэль Макрон: политический портрет // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 2 (12). С. 21–32.

3. *Macron E.* Révolution. C'est notre combat pour la France. Paris. XO Editions, 2016. 265 p.
4. Initiative pour l'Europe — Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique Ibid. 26 septembre 2017. — Режим доступа: <http://www.elysee.fr/declarations/article/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> — Дата обращения: 12.02.2018.
5. *Davet G., Lhomme F.* «...un president ne devrait pas dire ca». Les secrets du quinquennat. Paris. Stock, 2016. 663 p.
6. *Kalaydjian M., Esser P.* Le discours de Macron sur l'Europe divise la presse européenne. — Режим доступа: http://www.liberation.fr/planete/2017/09/27/le-discours-de-macron-sur-l-europe-divise-la-presse-europeenne_1599294 — Дата обращения: 12.02.2018.
7. *Bonnefous B., Ducourtieux C., de Royer S.* Les projets européens d'Emmanuel Macron a l'épreuve de la réalité. Le Monde, 27.09.2017.
8. *Рубинский Ю.И.* Франция: смена парадигмы // Аналитическая записка № 17. 2017. — Режим доступа: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an90.pdf> — Дата обращения: 12.02.2018.

Политика Польши в Восточной Европе: возрождение концепции междуморья?

Polish foreign policy in eastern Europe: rebirth of the «Intermarium» conception?

Д.А. Звягина

Звягина Дарья Александровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: «междуморье» — это внешнеполитическая концепция, предполагавшая создание на добровольной основе федеративного государства в Восточной Европе в целях коллективной защиты суверенитета стран-членов и реализации общих внешне и внутривнутриполитических интересов. Концепция возникла в 1920–1921 гг. и предполагала включение в федерацию большей части стран Восточной Европы. В последние годы концепция не утратила своей актуальности. В статье рассматривается эволюция концепции междуморья, ее современное прочтение, а также ее влияние на российско-польские отношения.

Ключевые слова: Польша, Россия, Восточная Европа, «междуморье», праворадикальные партии.

Abstract: «Intermarum» is a foreign policy concept, which presupposed the creation the federal state in Eastern Europe on a voluntary basis and of a with a view to collective protection of the sovereignty of member countries and the realization of common external and internal political interests. This concept arose in 1920–1921, and assumed the inclusion in the federation of most of the countries of Eastern Europe. Today, this concept has not lost its relevance. This article examines the evolution of the concept of «Intermarum», its modern interpretation, as well as its impact on Russian-Polish relations.

Keywords: Poland, Russia, Eastern Europe, «Intermarum», far-right parties.

Концепция междуморья уходит корнями в историю польской государственности. В период своего могущества Польша была одной из наибо-

лее крупных и влиятельных стран Европы. В XVI веке Речь Посполитая Королевства Польского и Великого княжества Литовского занимала территорию современной Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, а также частично земли России, Латвии, Эстонии, Молдавии и Словакии. Общая площадь Речи Посполитой составляла более 850 тысяч квадратных километров, что почти в два раза превосходит территорию современной Испании. Именно тогда омываемая водами Балтийского и Черного морей Польша простиралась «от моря до моря».

К XVI веку окончательно сформировались две основные традиции польской внешней политики: «Ягеллонская» и «Пястовская». Первая восходит к временам династии Ягеллонов (1386–1572 гг.) и рассматривает доминирование Польши в восточноевропейском регионе в качестве одного из ее жизненно важных интересов. Западные территории Украины, Белоруссии и Литвы, так называемые Восточные крессы, согласно Ягеллонской традиции должны входить в состав Польши. Главным внешнеполитическим конкурентом здесь выступает Россия. Вторая традиция относится к правлению династии Пястов (около 960–1370 гг.) и ориентирована на расширение контактов со странами Центральной и Западной Европы.

Однако к середине XVIII века, под влиянием ряда внутривосточных противоречий и внешнеполитического давления со стороны Пруссии и России, Польша утратила не только свое могущество, но и независимость. Разделы Польши (1772, 1793, 1795 г.) стали серьезным ударом для национального самосознания поляков и породили реваншистские настроения в обществе.

Польша вновь обрела независимость только в 1918 г. Именно тогда концепция междуморья стала проектом возрождения «Великой Польши» — того сильного государства, каким была Речь Посполитая в XVI веке.

Как отмечают польские исследователи, Речь Посполитую Королевства Польского и Великого княжества Литовского можно было назвать империей, хотя ее базовые принципы имели существенные особенности. «В отличие от Российской или Британской империи, которые создавались благодаря успешным военным кампаниям, Речь Посполитая формировалась на основе политических союзов» [1: 13].

Именно идея построения империи невоенным способом легла в основу «федеративной концепции» маршала Польши Юзефа Пилсудского (1867–1935 гг.). Предполагалось, что независимость от Российской империи должны обрести не только Польша, но и Литва, Украина и Белоруссия. Впоследствии, по замыслу Пилсудского, эти страны образовали бы единое федеративное государство. Также к федерации должны были присоединиться Латвия, Эстония, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Болгария, Балканские государства и Финляндия.

Если для Пилсудского главным внешнеполитическим врагом была Россия, то его идеологический противник, польский политический деятель Роман Дмовский, видел угрозу польской независимости со стороны Германии. По мнению Р. Дмовского, ослабленная на тот исторический момент Россия сама отдала бы Польше часть западных территорий Украины и Белоруссии. В основу такого территориального пересмотра Дмовский положил национальный принцип: «К Польше отошли бы земли, где проживают поляки, к России — территории, где большинство населения составляют русские» [2].

Политика Пилсудского была построена в духе Ягеллонской традиции. В XX веке ее наиболее ярким проявлением был прометеизм — внешнеполитическая концепция, названная в честь организации «Прометей», «созданной по инициативе Польши в Париже в 1926 г. и включавшей представителей самых разных национальных движений, проживавших на территории тогдашней Советской России» [3: 16].

Пилсудский предполагал, что если поддерживать и развивать националистические настроения среди населения западных территорий бывшей Российской империи, то СССР распадется на большевистскую Россию и дружественные Польше независимые государства. В рамках политики прометеизма Варшава поощряла стремление к независимости Грузии, Армении, Азербайджана, Украины, крымских татар, донских и кубанских казаков и многих других народов СССР.

Конец политики прометеизма наступил с подписанием в 1932 г. польско-советского пакта о ненападении. В то время в правящих кругах Польши появилась новая внешнеполитическая концепция — «политика равноудаленности», предполагающая балансирование между СССР и Германией. При правительстве Пилсудского эту концепцию реализовывал министр иностранных дел Юзеф Бекк.

Политика Бекка и его многочисленные контакты с высшими чинами Третьего Рейха в последние годы являются поводом для обвинений Польши в сотрудничестве с Гитлером. Варшава старалась использовать напряженность в немецко-советских отношениях в своих интересах и максимально дистанцироваться от влияния обоих государств, стремилась избежать войны на два фронта и сохранить свою вновь обретенную независимость.

В 1943 г. СССР, США и Великобритания договорились о восстановлении «линии Керзона»: западные земли Украины и Белоруссии отходили к этим государствам, а Польша в качестве компенсации получала часть Восточной Пруссии.

После Второй мировой войны Польша стала социалистическим государством. До сих пор не утихают споры о сути Польской Народной Республики: с одной стороны, это было независимое государство, член ООН и

ОВД, с другой — все польские внутри- и внешнеполитических решения тех лет должны были быть согласованы с Москвой. Как страна — сателлит СССР Польша была обязана придерживаться социалистической идеологии и ограничивать свои контакты с капиталистическими странами.

С точки зрения политической элиты Польши, в тот период польская восточная политика была сильно стеснена, поскольку любые отношения с Украиной, Белоруссией и Литвой проходили в рамках двусторонних отношений с СССР. Однако именно во времена запрета на свободную политическую дискуссию появилась одна из наиболее значимых польских внешнеполитических концепций — доктрина УЛБ (сокращение от названий стран — Украина, Литва, Беларусь), — авторами которой стали представители польской интеллигенции в эмиграции — Ежи Гедройц и Юлиуш Мерошевский. Доктрина УЛБ была своеобразным пересмотром идеи «Польша от моря до моря».

В отличие от междуморья эта доктрина не предполагала ревизии восточных границ. Хотя Польша по-прежнему поддерживала стремление к независимости Украины, Литвы и Белоруссии, а проект образования федерации был заменен на идею воссоединения этих стран с «европейской семьей». Современная официальная политика Варшавы согласуется с доктриной УЛБ, но во времена Польской Народной Республики многие представители польской эмиграции считали необходимым восстановление границ довоенной Второй Речи Посполитой, когда Вильнюс и Львов были польскими городами. Е. Гедройц отвечал на критику, объясняя, что для обеспечения безопасности своих восточных границ Польша должна быть отгорожена от России поясом независимых государств.

При этом Е. Гедройц и Ю. Мерошевский не были русофобами. Мерошевский утверждал, что именно Ягеллонская традиция и «польский империализм» привели к потере Польшей союзников в лице Украины, Литвы и Белоруссии, в то время как «независимая политика этих стран является залогом равноправных польско-российских отношений» [4]. Гедройц считал, что гарантией мира в Восточной Европе может быть только отказ от политики империализма со стороны как России, так и Польши.

После победы партии «Солидарность» на выборах в 1989 г. главный акцент во внешней политике Польши был сделан на вступление страны в евроатлантические структуры. Политика в Восточной Европе, опиравшаяся на доктрину Гедройца — Мерошевского, получила новое звучание в «концепции двухколейного пути». С одной стороны, она предполагала поддержку стремления к независимости в советских республиках, с другой — продолжение диалога с СССР. Это был определенный баланс между тем, чтобы проводить политику прометеизма и вместе с тем не провоцировать создание кризисной ситуации в отношениях с Москвой.

После 1991 г. начинается этап формирования независимой польской внешней политики. Взяв за основу знаменитую фразу Гедройца «чем сильнее будет наша позиция на Востоке, тем больше с нами будут считаться на Западе» [5: 13], Польша активизировала свою политику в Восточной Европе.

В 1991 г. была образована Вишеградская группа как своеобразный отголосок проекта междуморья. С одной стороны, согласно идее Пилсудского Венгрия, Чехия и Словакия тоже должны были стать частью восточно-европейской федерации, с другой — Вишеградская группа была создана, чтобы помочь бывшим странам — сателлитам СССР успешно включиться в процесс европейской интеграции. Поэтому Вишеградскую группу можно назвать реализацией идеи междуморья лишь отчасти.

В 2003–2004 гг., когда по постсоветским странам прокатилась волна «цветных революций», отношения России и Запада стали еще более прохладными. Министр иностранных дел Радослав Сикорский был сторонником снижения напряженности в отношениях с Россией, но находившийся у власти президент Лех Качиньский продолжал проводить политику прометеизма. В то время как польское правительство пыталось наладить диалог с Москвой, Качиньский нанес официальный визит в Грузию в период вооруженного конфликта в Южной Осетии 2008 г. и выразил поддержку президенту Грузии М. Саакашвили.

Этот противоречивый подход к отношениям с Россией привел к дипломатическому фиаско Польши. Отношения Варшавы с Москвой значительно ухудшились, что отразилось и на экономической сфере. Россия ввела эмбарго на ряд польских товаров, сложно стал проходить переговорный процесс по снижению цены на поставки российского газа в Польшу.

В 2009 г. Польша и Швеция инициировали программу «Восточное партнерство». Как отмечают польские политологи, целью этой программы была поддержка демократических преобразований в постсоветских странах. «Хотя официально не утверждалось, что участие в «Восточном партнерстве» — это гарантия вступления в ЕС, именно такое видение доминировало в польских политических кругах» [6].

В 2013 г. Сикорский в своем ежегодном обращении к Сейму заявил о «развороте на Запад» во внешней политике Польши. Министр выступил за сближение с Берлином и Брюсселем и углубление интеграции с ЕС. Варшава не отказывалась от сотрудничества со странами Восточной Европы, но более не рассматривала его в качестве приоритета своей внешней политики.

Одержав победу на парламентских выборах в 2015 г., партия «Право и справедливость» вернулась к Ягеллонской традиции во внешней политике. Давно забытая идея междуморья получила новое звучание в кон-

цепции трех морей. Акцент в данной политике делался на углублении сотрудничества в сфере экономики и инфраструктуры со странами, расположенными между Адриатическим, Балтийским и Черным морями. Тогда начал реализовываться проект «Виа Карпатия» — строительство транспортной магистрали, призванной соединить регионы Балтийского и Черного морей. Были инициированы проекты строительства альтернативного газопровода в Свиноустье и «Балтийского трубопровода», которые бы позволили странам Восточной Европы снизить свою зависимость от поставок российского газа.

Углубление евроинтеграции остается главным внешнеполитическим приоритетом Польши, однако с 2015 г. между Варшавой и Брюсселем намечился раскол. Новый премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий утверждает, что Польша не согласна на роль страны третьего сорта. «По его мнению, Польша должна ставить перед собой амбициозные цели, такие как членство страны в G20, роль одного из главных архитекторов ЕС, столпов НАТО, лидеров «триморья», объединяющего 12 государств, расположенных вблизи Балтийского, Черного и Адриатического морей» [7]. Польша, которая на протяжении долгого времени стремилась увеличить свою роль в ЕС, теперь разочаровывается в том, как к ней относятся Брюссель.

С одной стороны, основу внешней политики партии «Право и справедливость» в Восточной Европе по-прежнему составляет доктрина УЛБ, примером реализации которой является поддержка Евромайдана в Киеве. С другой стороны, среди депутатов парламента есть те, кто придерживается взглядов неозндеков, продолжателей дела Национально-демократической партии или Эндееции, польской правой националистической организации, существовавшей в 1897–1947 гг. Воззрения неозндеков отличаются крайним этноцентризмом.

Неозндеки скептически относятся к идее сотрудничества Польши со странами УЛБ. Напротив, видя одним из своих приоритетов заботу об интересах поляков, проживающих за восточной границей, неозндеки резко критикуют историческую политику Украины и нарушение прав поляков в Литве. Для большинства неозндеков Россия также остается главной угрозой польской государственности, и лишь немногие из них видят в Москве союзника.

В последнее время польское правительство вынуждено лавировать между сторонниками концепции Гедройца и неозндеками. Варшава продолжает поддерживать Киев, при этом осуждая героизацию Украинской повстанческой армии. Как отмечают польские эксперты, «восточная политика партии «Право и справедливость» по своей сути верна концепции Гедройца, а по форме — идеям крайне правых националистических пар-

тий» [8]. Именно это несоответствие и приводит к непониманию лидерами восточноевропейских стран политики Варшавы.

Отношения Польши и Украины также противоречивы. С одной стороны, Польша поддерживает стремление Украины к евроинтеграции, с другой — Варшава сомневается в политике Киева. Внутренняя нестабильность на Украине и пересмотр Киевом итогов Второй мировой войны оказывают негативное влияние на польско-украинские отношения.

Говоря о польско-белорусских отношениях, стоит отметить, что здесь камнем преткновения является систематическое нарушение демократических прав и свобод в Белоруссии. По мнению ряда польских экспертов, перспективы польско-белорусских отношений во многом зависят от позиции Москвы. По словам польского исследователя Р. Чахора, «экономическая и политическая зависимость Белоруссии от России столь велика, что даже в случае отставки Лукашенко Минск будет не в силах проводить независимую политику» [9: 265]. Варшава понимает, что демократические преобразования в Белоруссии в ближайшем будущем невозможны. Как отметил министр иностранных дел Польши В. Ващиковский, «с Белоруссией надо продолжать диалог, но набравшись терпения» [10].

Литва была надежным союзником Польши по «Восточному партнерству», однако теперь польско-литовские отношения сталкиваются с рядом вызовов. «Главными трудностями здесь являются проблемы несоблюдения прав польского меньшинства в Литве» [11]. Как отмечает Я. Видацкий, суть претензий Варшавы заключается в том, что «литовские власти не решили вопрос с написанием польских фамилий, а на территориях, где компактно проживают литовские поляки, не разрешается размещать двуязычные дорожные знаки и таблички с названиями улиц» [12]. Лидеры «Права и справедливости» не раз заявляли, что поддержка «поляков на Востоке» является их первоочередной задачей и важнее добрососедских отношений с другими странами.

Внешнеполитическая напряженность между Польшей и Россией обусловлена рядом проблем, и прежде всего политикой правящей в Польше партии и антироссийским настроем представителей польской элиты, а также польской политикой десоветизации. 22 июня 2017 г. президент Польши Анджей Дуда подписал новый Закон о запрете пропаганды коммунизма либо иного тоталитарного режима посредством строений, объектов и общественных учреждений [13]. В статье 5а второго раздела этого закона указано, что «памятники не могут быть посвящены людям, организациям, событиям или датам, символизирующим коммунизм либо другой тоталитарный режим» [13]. Закон касается курганов, обелисков, колонн, скульптур, памятных плит, надписей и символов, но не распространяется на захоронения. Во исполнение этого закона будет демонтировано

229 памятников советским воинам. МИД России подверг резкой критике подобную политику Варшавы и подчеркнул, что она повлечет за собой негативные последствия для российско-польских отношений.

В заключение следует отметить, что польская концепция междуморья продолжает оказывать значительное влияние на внешнеполитический курс Польши. В условиях современного мира официальная Варшава придерживается доктрины УЛБ, как обновленной версии междуморья. Восточноевропейский регион остается главным приоритетом внешней политики Польши. Варшава стремится вовлечь в свою орбиту не входящие в ЕС бывшие советские республики, в частности Украину и Белоруссию. При этом политика Польши в отношении данных стран зачастую весьма противоречива. С одной стороны, она остается верной доктрине УЛБ, с другой — в ней усиливаются националистические настроения, зачастую направленные именно против этих стран. Однако можно ожидать, что концепция междуморья сохранит свою популярность в польских правящих кругах.

Источники и литература

1. *Okulewicz P.* Koncepcja «międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. Poznań, 2001.
2. *Dmowski R.* Niemcy, Rosja i kwestia polska. Częstochowa, Antoni Gmachowski i S-ka, Spółka wydawnicza, 1938. — Режим доступа: http://wsercupolska.org/przeczytaj/Niemcy,_Rosja_i_kwestia_polska.pdf — Дата обращения: 05.12.2017.
3. *Чернова А.В.* «Восточная политика» Польши: от концепции УЛБ до «Восточного партнерства» // Вестник МГИМО — Университета. 2013. № 6 (33).
4. *Koprowski M.* ULB czyli «Kultura» i Mieroszewski. — Режим доступа: <http://www.kresy.pl/publicystyka?zobacz/ulb-czyli-kultura-i-mieroszewski> — Дата обращения: 08.12.2017.
5. *Hofman I.* Koncepcja wschodnia paryskiej «Kultury» po transformacji ustrojowej w Europie Wschodniej // Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sasiadów w nowych uwarunkowaniach. Redakcja Gil A. Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 10 (2012). Zeszyt 1. Lublin, 2012.
6. *Kaczmarski M.* Polska polityka wschodnia na tle polityki wschodniej Unii europejskiej czyli europa idzie na wschód (po 2005 roku). — Режим доступа: <http://www.csm.org.pl/pl/analizy/category/48-2009?download=418;polska-polityka-wschodnia-na-tle-polityki-wschodniej-unii-europejskiej> — Дата обращения: 08.12.2017.
7. Место в европейском паззле. Польский премьер планирует внешнюю политику без России и Германии // Российская газета. 2017. 13 дек. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/12/13/polskij-premer-planiruet-vneshniuiu-politiku-bez-rossii-i-germanii.html> — Дата обращения: 24.12.2017.
8. *Balcer A., Buras P., Gromadzki G., Smolar E.* Jaka zmiana? Założenia i perspektywy polityki zagranicznej rządu PiS. — Режим доступа: <http://www.batory.org.pl/upload/files/Programy%20operacyjne/Otwarta%20Europa/Jaka%20zmiana%20w%20polityce%20zagranicznej.pdf> — Дата обращения: 24.12.2017.

9. *Czachor R.* Stosunki polsko-białoruskie / M.S. Wolański (red.). Polityka zagraniczna Polski w latach 2004–2011. Polkowice, 2013.
10. Wywiad ministra Witolda Waszczykowskiego dla «Gościa Niedzielnego». — Режим доступа: http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/wywiad_ministra_witolda_waszczykowskiego_dla_goscia_niedzielnego_ — Дата обращения: 24.12.2017.
11. *Radczenko A.* Polsko-litewski pat trwa w najlepsze. Nowa Europa Wschodnia. — Режим доступа: <http://new.org.pl/2716-polsko-litewski-pat-trwa-w-najlepsze> — Дата обращения: 24.12.2017.
12. *Видацкий Я.* Польское высокомерие и литовские фобии // Новая Польша. 2011. № 9. — Режим доступа: <https://novpol.org/ru/H1JvUOzwsW/POLSKOE-VYSOKOMERIE-I-LITOVSKIE-FOBII> — Дата обращения: 23.12.2017.
13. Ustawa z dnia 22 czerwca 2017 r. o zmianie ustawy o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej. — Режим доступа: [http://orka.sejm.gov.pl/opinie8.nsf/pazwa/1538_u/\\$file/1538_u.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/opinie8.nsf/pazwa/1538_u/$file/1538_u.pdf) — Дата обращения: 23.12.2017.
14. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 483 с.
15. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? О тенденциях развития международных отношений в XXI веке. М.: Восток — Запад, 2009. 96 с.

Европейское измерение каталонского кризиса

The European dimension of the Catalan crisis

С.М. Гаврилова

Гаврилова Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье рассматриваются предпосылки обострения каталонского кризиса, ход и основные итоги референдума о независимости Каталонии, позиция центральной испанской власти в отношении будущего региона. Приводится характеристика официальной позиции Евросоюза в отношении событий в Каталонии. Дается оценка перспективам развития событий вокруг вопроса о независимости Каталонии.

Ключевые слова: каталонский кризис, сепаратизм, регионализм, референдум о независимости, Испания, электоральные процессы, Евросоюз.

Abstract: the article discusses the prerequisites for the aggravation of the Catalan crisis, the main results of the referendum on the independence of Catalonia and the position of the Central Spanish authorities on the region's future. It's characterizes the official position of the European Union to the events in Catalonia and also evaluates the prospects of developments around the issue of independence of Catalonia.

Key words: Catalan crisis, separatism, regionalism, the referendum on independence, Spain, electoral processes, the EU.

Введение

Испания переживает самый острый политический кризис за весь период своего демократического существования — обострение каталонского вопроса о независимости. Огромное значение решение данной проблемы имеет не только для Испании как национального государства, но и для Евросоюза и Европы в целом, поскольку сепаратистские тенденции уже стали серьезной угрозой политической стабильности ряда стран.

К национальным выборам 20 декабря 2015 г. Испания подошла в тяжелых условиях нестабильности политической системы, роста безработицы,

коррупционных скандалов, падения доверия к политическим институтам, обострения каталонского сепаратизма. Внутривнутриполитической нестабильности способствует и увеличение популярности новых акторов на политической арене при падении авторитета традиционных партий. Процесс формирования правительства по итогам выборов затянулся более, чем на полтора года, и за этот период испанские партии претерпели ряд существенных изменений, включая смену политического руководства. Общая нестабильность партийно-политической системы оказала непосредственное влияние на обострение каталонской проблемы.

Основополагающим фактором роста каталонского сепаратизма стали причины экономического характера. Росту протестных настроений способствуют увеличение поддержки идеи республиканизма, связанной с усилением недовольством монархией, и ослабление контроля центра над автономией, ущемление ее прав.

Ситуация в Каталонии вновь привлекает повышенное внимание к острому вопросу о соотношении права народов на самоопределение и принципа нерушимости границ, а также подтверждает необходимость скорейшего решения подобных проблем для обеспечения стабильности будущего Европейского союза.

Каталонский вопрос в Испании

Ситуация в Каталонии оказывает существенное воздействие на всю политическую систему страны в связи с резкой критикой регионального сепаратизма традиционными крупными испанскими партиями на фоне роста общественной поддержки популистских сил, выступавших за право каталонцев определить свое будущее на референдуме. Кризис, связанный с обострением каталонского сепаратизма, показал необходимость совершенствования государственного устройства в условиях, когда политические институты перестали отвечать потребностям общества. Проблема отделения Каталонии осложняется тем, что этот процесс невозможен без прямого нарушения Конституции, за которое открыто не выступает ни одна крупная политическая партия [1: 20].

Главной причиной стремления каталонцев к отделению является, безусловно, экономический фактор. Так, ВВП на душу населения в Каталонии ближе к показателям еврозоны, чем у Испании в целом; на Каталонию приходится 25,7% испанского экспорта, 20% ВВП и более 20% иностранных инвестиций. На примере Каталонии фактически можно говорить о новом типе сепаратизма — экономическом, при котором ключевая роль отводится экономической составляющей при уменьшении роли этнического фактора [2: 57]. Одной из причин роста популярности идей сепаратизма является и жесткая позиция Народной Партии (НП) по вопросу

о возможности пересмотра Конституции и перехода к федеративной или конфедеративной системе в стране.

Ключевой фигурой в «каталонском вопросе» долгое время являлся лидер партии «Конвергенция и Союз» Артур Мас, находившийся во главе правительства региона с 2010 по 2016 г. По его инициативе на ноябрь 2014 г. был назначен референдум об отделении Каталонии от Испании, проведению которого воспрепятствовало испанское правительство. Особенностью каталонского сепаратизма на данном этапе было то, что его активно поддерживали как правоцентристские националисты (представляющие прежде всего региональную буржуазию), так и представители левых республиканцев, образовавшие коалицию «Вместе за “Да”» [3: 22]. Коалицию поддержало и крайне левое антикапиталистическое движение «Кандидатура народного единства» (Candidatura d'Unidad Popular — CUP).

Вместо референдума в регионе был проведен опрос, результаты которого были интерпретированы А. Масом как очевидный успех: более 80 % опрошенных выступило за то, чтобы Каталония стала независимым государством. 25 ноября 2014 г. Мас провозгласил новый план, направленный на достижение независимости Каталонии и рассчитанный на 18 месяцев. В 2015 г. Конституционный суд Испании признал опрос незаконным, а А. Масу был предъявлен обвинения в неподчинении высшей судебной инстанции страны.

Позиция находившейся в тот момент у власти испанской НП была крайне жесткой: лидер партии Мариано Рахой объявил о необходимости сохранения целостности государства любой ценой. Что касается Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), то она предлагала считать рассмотрение вопроса о федерализации страны как необходимый шаг для предотвращения полного отделения Каталонии. Партия призывала к конституционной реформе, стремясь предотвратить распад государства.

Председатель правительства Каталонии Карлес Пучдемон, вступивший в должность в январе 2016 г. в качестве компромиссного кандидата, избранного участниками «Вместе за “Да”», представил новую Дорожную карту создания независимого государства. Эта Дорожная карта предусматривала принятие соответствующих законов, создание государственных структур и проведение референдума по новой Конституции. В свою очередь, М. Рахой заявил, что использует все законные инструменты, чтобы не допустить распада страны.

В середине февраля 2016 г. Конституционный суд Испании принял к исполнению иск правительства о незаконности создания министерства иностранных дел Каталонии. 4 марта 2016 г. Конституционный суд поддержал иск, оспаривающий ряд положений каталонского закона, которые влекут нарушение единства рынка страны и превышение полномо-

чий Женералитета (каталонского регионального парламента) [4]. Однако конкретных решительных шагов для предотвращения обострения ситуации центральным правительством на данном этапе предпринято не было. Превентивные меры Мадрида, например, начало переговоров с правительством Каталонии, могли бы нивелировать нарастание напряженности в регионе. Оптимальным вариантом могли стать переговоры по расширению прав автономии в составе государства, поскольку именно эта цель и преследовалась каталонцами в первую очередь, тогда как отделение региона повлекло бы за собой очевидные проблемы экономического, внутри- и внешнеполитического характера.

В результате каталонский вопрос на данной стадии стал серьезным фактором, осложняющим внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Так, по итогам выборов, ведущие политические партии долгое время не могли договориться о формировании правительства. ИСРП выступала с резкой критикой действий кабинета М. Рахоя в отношении данной проблемы, из-за чего в том числе переговоры по созданию коалиционного кабинета зашли на начальной стадии в тупик.

В итоге, обладая абсолютным большинством в правительстве Каталонии, сторонники независимости получили возможность поднять вопрос об отделении региона от Испании. Ситуация, угрожающая внутривнутриполитической стабильности страны, с самого начала осложнялась тем фактом, что ни каталонское, ни центральное правительства не проявили готовности идти на компромисс и провести переговоры.

Референдум о независимости

В июне 2017 г. глава Женералитета Карлес Пучдемон объявил о назначении на 1 октября проведение референдума о независимости Каталонии. В ответ на озвученное решение Мадрид назвал запланированную акцию незаконной, при этом не предприняв никаких попыток провести переговоры по данной проблеме с властями Каталонии.

Референдум о независимости от Испании, запрещенный центральным правительством, состоялся в Каталонии 1 октября 2017 г. В условиях жестких мер противодействия голосованию со стороны полиции, закрытия избирательных участков и подавления общественных выступлений, референдум, однако, был признан в Каталонии состоявшимся. Из 43% избирателей, проголосовавших на референдуме, 90,2% высказались за отделение региона от Испании [5].

Правительство Испании объявило референдум незаконным и не имеющим юридической силы. Основанием для непризнания итогов референдума стала статья 2 Конституции 1978 г., в которой говорится о «не-

рушимом единстве испанской нации, единой и неделимой... Родине» [6], а также тот факт, что Основной закон не предусматривает возможности отделения какой-либо административно-территориальной единицы.

Референдум считался нелегитимным по причине того, что большинство граждан, имеющих право голоса, не приняли в нем участие. Кроме того, были допущены нарушения в процедуре голосования, поскольку в ходе него не осуществлялось официальной регистрации, что позволяло одному лицу голосовать несколько раз. Очевидно, что К. Пучдемон осознавал данный факт, что подвигло его приостановить провозглашенную автономию и обратиться к М. Рахою в открытом письме с призывами к диалогу [7]. Каталонское правительство, однако, объявило плебисцит состоявшимся фактом, который будет иметь соответствующие юридические последствия.

Заседание Женералитета, прошедшее 9 октября, было заранее объявлено испанским Конституционным судом незаконным. С резким заявлением о незаконности действий организаторов каталонского референдума выступил и король Испании Фелипе VI. В самой Каталонии прошли массовые протесты и демонстрации как сторонников, так и противников отделения.

Нерешительность Пучдемона была негативно встречена сторонниками отделения. При этом значительное число каталонцев, так называемое молчаливое большинство, поддерживающее сохранение статус-кво, активизировалось перед угрозой сецессии. Первоначальную пассивность сторонников единства с Испанией в регионе можно объяснить в том числе тем, что представители сепаратистского меньшинства имели рычаги влияния на ряд ключевых общественных институтов и СМИ. На эту часть электората, вышедшего в итоге на улицы с лозунгами за сохранение Каталонии в составе Испании, и сделал ставку Мадрид. Массовый митинг сторонников единства с Испанией, прошедший в Барселоне, продемонстрировал, что значительная (если не большая) часть каталонцев выступает против провозглашения независимости. Позиция и действия каталонского правительства стали квалифицироваться как попытка государственного переворота. Свою роль сыграли и твердые заявления Рахою о том, что «независимость Каталонии не будет допущена ни при каких обстоятельствах» [8]. Таким образом, можно констатировать, что важная особенность каталонского кризиса — глубокий раскол общества по вопросу о независимости.

Нарастание противоречий между каталонским и испанским правительствами было обусловлено жесткими силовыми мерами последнего в отношении итогов референдума. Очевидно, что действия Мадрида (ввод полицейских сил) в значительной степени способствовали склонению на-

селения на сторону сепаратистов. Силловые методы, примененные в Каталонии, вызвали осуждение как в Евросоюзе, так и со стороны структур ООН, занимающихся вопросами прав человека.

Подписание К. Пучдемоном 10 октября Декларации о независимости стало, фактически, прямым нарушением испанского законодательства и поставило самого главу каталонского правительства в положение нелегитимного партнера по переговорам. Сама декларация была объявлена не обладающей юридической силой. При этом заявления главы Жене-ралитета были настолько двусмысленными и нерешительными, что Мадрид вряд ли мог давать его действиям столь однозначную резкую оценку.

После принятия парламентом Каталонии 27 октября Резолюции о независимости, Мадрид привел в действие статью 155 Конституции. Каталонский парламент и правительство были распущены, и автономия оказалась под управлением центральных властей, а в региональный парламент были назначены досрочные выборы. Устанавливалось прямое управление регионом из Мадрида. Эти действия центральных властей фактически не встретили никакого сопротивления или ответа в регионе. Правительство М. Рахоя поддержали испанские социалисты и партия «Граждане», что свело на нет ожидания сепаратистов на политическую слабость Народной партии, не имеющей парламентского большинства.

Противоречивость действий и заявлений каталонского правительства была обусловлена неподготовленностью к тому ходу событий, который сложился после референдума, в том числе к твердой линии центрального правительства и активизации противников сецессии внутри региона. Важную роль сыграла и позиция представителей банковского и промышленного капиталов: только в течение последних месяцев из Каталонии в другие испанские регионы были переведены штаб-квартиры ряда банков и крупнейших компаний. Продолжение данных процессов могло привести к сокращению инвестиций в каталонскую экономику и началу рецессии, что сводило на нет все экономические выгоды отделения региона.

Сторонники независимости в свете этих событий оказались в двойственном положении: отказ от участия в выборах закрывал для них доступ к властным структурам, тогда как согласие на участие фактически стало признанием верховной власти Мадрида. Очевидно, что проведение выборов не способно полностью стабилизировать ситуацию в регионе, а лишь позволяет обоим лагерям перегруппировать силы и выработать план дальнейших действий.

Досрочные выборы в каталонский парламент, прошедшие 21 декабря 2017 г., продемонстрировали, что вопрос об отделении региона остается на повестке дня в Каталонии. При рекордно высокой явке на выборы в 82 % большинство мест в новом парламенте по итогам голосования по-

лучили сторонники независимости (партии «Вместе за Каталонию», «Левые республиканцы Каталонии», «Кандидатура народного единства») — 70 мест из 135. Подобные результаты не могут игнорироваться в Мадриде, и жесткое вмешательство в события в регионе не способно принести успехи центральной власти. Итоги голосования демонстрируют полное неприятие каталонцами правительственного курса в отношении разрешения ситуации в регионе. Фактически результаты голосования подтвердили итоги референдума, признанного незаконным, в том числе по причине низкой явки избирателей и неконституционности его проведения. Очевидно, что вопрос о внесении изменений в Конституцию страны вновь становится актуальным, а единственно возможным путем для Испании является начало процесса переговоров между Мадридом и Барселоной.

С заявлением о необходимости провести встречу с главой испанского правительства для налаживания диалога между центральной властью и Каталонией сразу же после выборов объявил К. Пучдемон. М. Рахой на данное заявление не ответил, однако заявил о готовности вести диалог с новым главой каталонского парламента, который должен быть избран до 7 апреля 2018 г. [9].

Итоги выборов стали провалом центральной испанской власти: расчет на активизацию противников отделения региона, которые проигнорировали референдум о независимости, тем самым позволив сепаратистам одержать победу, не оправдался. Каталонское общество осталось фактически расколотым, а правительство Рахоя, сформированное в результате длительных и трудных переговоров, может расколоться. Речь об отделении Каталонии от Испании вряд ли может вестись серьезно, однако сторонникам независимости удастся, вероятно, добиться расширения автономии региона.

Европейский союз и каталонский кризис

Ситуация вокруг Каталонии имеет серьезные экономические последствия: наблюдается нарастающий отток капитала из Испании, а также продажа испанских ценных бумаг и рост кредитного риска страны [10], что оказывает негативное влияние на финансово-экономическую ситуацию в Европе в целом. Выход Каталонии из состава Испании стал бы серьезной проблемой для сохранения политической целостности на европейском уровне.

В условиях обострения кризиса правительство Каталонии обратилось с призывом к Еврокомиссии о внешнем посредничестве, а принятая в Каталонии декларация о независимости акцентировала внимание на приверженности нормам и правилам ЕС. Позиция Евросоюза, однако, была жестко обозначена в заявлении Еврокомиссии 2 октября 2017 г.:

необходимо соблюдать испанскую конституцию. Жан-Клод Юнкер подчеркнул, что события в Каталонии — внутренняя проблема Испании, и посредничество ЕС в данном вопросе исключено. Кроме того, глава Еврокомиссии отметил, что Каталония в случае объявления независимости будет вынуждена подавать заявку о вступлении в ЕС. Таким образом, даже на фоне проявления сочувствия во многих европейских странах из-за жестких силовых мер, принятых Мадридом в ходе референдума, официальной поддержки со стороны общеевропейских институтов не было выражено. 7 декабря в Брюсселе прошел митинг каталонцев под лозунгом «Европа, пробудись! Защитим демократию!» с требованиями об обеспечении соблюдения прав каталонцев как граждан ЕС, обращенными к Евросоюзу. Участие в акции приняли представители фламандской националистической партии «Новый фламандский альянс», что является важным показателем влияния каталонского кризиса на рост сепаратистских движений в Европе.

Подобная позиция находится в резком диссонансе с позициями европейских властных структур по аналогичным ситуациям. Например, в случае с признанием Косово независимым государством большинством стран — членом ЕС.

Референдум в Каталонии, однако, имеет свои особенности: отделение региона от единого государства создает прецедент одностороннего изменения границ внутри ЕС. Это способствует обострению ряда сепаратистских проблем и в перспективе ведет к повторению испанской ситуации в других европейских странах. Прямое членство в ЕС для некоторых регионов стран Европы является выгодным как с экономической, так и с политической точки зрения: доступ к общему внутреннему рынку, институтам и механизмам обеспечения внутренней и внешней безопасности и внешнеполитических интересов. Подавляющее большинство сторонников независимости того или иного региона и его отделения от национального государства выступают за сохранение членства в Евросоюзе [11: 29].

Общая тенденция в Европе к самоопределению народов не по национальной принадлежности, а через регионы и провинции способствует размыванию идей суверенных государств и национальных границ и продвижению к созданию единого европейского федеративного государства [12]. Так, ситуация в Испании влияет на имидж страны как самодостаточного национального государства, что оказывается выгодным для сторонников углубления евроинтеграции. Ослабление национальных государств в целом способствует укреплению позиций сторонников федерализации Европы [13]. Каталонский прецедент представляет собой принципиально новый сценарий в развитии Европы, при котором отдельный регион, игнорируя демократический конституционный порядок собственного госу-

дарства, делает неконституционный и непризнанный ни одним государством шаг в целях сецессии, что является знаковым показателем начала процесса потери суверенных полномочий государства в пользу наднациональных структур [14].

В данном контексте каталонский референдум можно квалифицировать как событие одного ряда с Брекзитом, провоцирующее обострение шотландского сепаратизма, и ведущее в перспективе к трансформации Евросоюза в федерацию регионов. При условии успешно реализованного прецедента, европейские страны ждут волна территориальных дроблений. При этом институты и механизмы ЕС будут использоваться новообразованными территориальными единицами для самоопределения на политической арене. Это, однако, возможно при условии поддержки общеевропейскими политическими структурами сецессии, что более вероятно в случае с Шотландией как ответ на позицию Лондона, чем с Каталонией. Необходимо также учитывать, что в статье 4 Договора о ЕС четко говорится о необходимости соблюдать «основные функции государства, особенно те, которые направлены на обеспечение его территориальной целостности» [15].

Таким образом, рост напряженности в отношениях между Мадридом и Барселоной становится значительным дестабилизирующим фактором не только в самой Испании, но и в целом в Европейском союзе. Важным моментом является и вопрос о вступлении нового государства в ЕС, поскольку европейское законодательство не предусматривает автоматического вступления провозгласившего независимость региона в состав интеграционного объединения [16]. В целом процедура разрешения данной проблемы не прописана в документах ЕС. В случае отделения Каталонии придется проходить длительную процедуру признания и одобрения ее членства всеми странами — членами ЕС, чему Испания, безусловно, будет активно противодействовать.

Пассивность позиции Евросоюза в каталонском вопросе, очевидно, можно объяснить отсутствием «рецепта» решения подобных проблем. Актуализация проблем сепаратизма в Европе и фактическое игнорирование данных процессов на уровне высших европейских эшелонов власти становится очередным тревожным признаком институционального кризиса ЕС.

Заключение

В случае сецессии Каталонии совершенно очевидно потери для региональной экономики и, как следствие, сведение на нет всех преимуществ обретения независимости. Необходимо учитывать и тот факт, что каталонская экономика находится в сильной зависимости от испанской.

Следует также ориентироваться на исторический опыт ряда государств, составные части которых утратили после распада свои привилегии, прежде всего в сфере экономики.

Для сторонников отделения Каталонии от Испанского королевства единственным способом добиться желаемого остается подготовка изменений в Конституции в целях превращения страны в федеративное государство, что в перспективе открывает возможность для обсуждения вопроса о самоопределении региона. Назревшую необходимость внесения изменений в Основной закон осознают и центральные власти: так, НП и ИСРП уже договорились о начале работы над новой редакцией Конституции.

В условиях роста сепаратистских настроений в ряде регионов европейских стран важным показателем является их стремление к отделению от национальных государств и одновременному сохранению статуса в рамках Евросоюза. В данном контексте для сторонников углубления евроинтеграции перспективной представляется возможность реорганизации ЕС в интеграционное объединение, в состав которого входили бы регионы с широкими полномочиями в области самоуправления и равными правами.

Каталонский вопрос представляет собой яркий пример кризиса государств с неоднородным этническим составом населения и ставит на повестку дня проблему регионального сепаратизма в ряде европейских стран. Трансформация внутриполитического устройства стран — членов ЕС, а в еще большей степени — образование новых государств, претендующих на упрощенную процедуру вхождения в интеграционное объединение, создает дополнительные трудности для Европейского союза, находящегося в данный момент в стадии кризиса. Прежде всего, следует ожидать осложнений в экономической сфере, однако данная тенденция может создать и серьезные проблемы в институциональной области и сфере обострившихся вопросов национального самоопределения.

Таким образом, каталонский вопрос — далеко не «внутренняя проблема Испании», а серьезный вызов для Евросоюза, который требует пристального внимания со стороны представителей интеграционного объединения. Вмешательство европейских структур, вероятно, может способствовать возобновлению зашедших в тупик переговоров центрального испанского правительства и каталонских сторонников отделения.

Источники и литература

1. *Гаврилова С.М.* Рост правопопулистских настроений и кризис традиционных политических партий в Европе // Дипломатическая служба. 2017. № 6 (75). С. 19–27.

2. *Верников В.Л.* Каталонские сепаратисты просчитались // Сепаратизм в политической жизни современной Европы: Доклады Института Европы. Сер. № 318. М., 2015. С. 57.
3. *Орлов А.А.* Каталонский эксперимент: от рассвета до заката за один месяц // Международная жизнь. 2017. № 11. С. 18–36.
4. КС Испании приостановил действие закона о каталонском споре // РИА Новости. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20160304/1384508087.html> — Дата обращения: 15.12.2017.
5. El 90,18% votó 'sí' y la participación fue del 43%, según datos definitivos / EITB. — Режим доступа: <http://www.eitb.eus/es/noticias/politica/detalle/5129009/resultados-definitivos-referendum-cataluna-1-octubre-2017/> — Дата обращения: 15.12.2017.
6. Конституция Испании // Конституции стран мира. — Режим доступа: <http://world-constitutions.ru/?p=149> — Дата обращения: 15.12.2017.
7. Puigdemont no aclara a Rajoy si ha declarado la independencia y le emplaza a reunirse para dialogar // El Mundo. — Режим доступа: <http://www.elmundo.es/cataluna/2017/10/16/59e44ea646163f4f628b4675.html> — Дата обращения: 15.12.2017.
8. Rajoy: «We will not allow Catalan independence» // Agencia EFE. — Режим доступа: <https://www.efe.com/efe/english/agencia-efe/rajoy-we-will-not-allow-catalan-independence/50000270-3400729> — Дата обращения: 15.12.2017.
9. ERC urge a Puigdemont a que concrete cómo quiere ser reelegido presidente // El País. — Режим доступа: https://elpais.com/ссаа/2018/01/02/catalunya/1514885854_862934.html — Дата обращения: 15.12.2017.
10. Зачем инвесторам Испания без Каталонии? // Вести. Экономика. — Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/91987> — Дата обращения: 15.12.2017.
11. *Зверева Т.В.* Актуальная проблема Европы // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 1 (152). С. 26–31.
12. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? О тенденциях развития международных отношений в XXI веке. М.: Восток — Запад, 2009. — 96 с.
13. *Колосова И.В.* Диалог культур в современных международных отношениях // Дипломатический ежегодник, 2011: Сборник статей. М., 2012. С. 257–276.
14. The Spanish Constitutional «Tsunami»: A Spectre Haunting Europe? / Italian Institute for International Political Studies. — Режим доступа: <http://www.ispionline.it/en/publicazione/spanish-constitutional-tsunami-spectre-haunting-europe-17802> — Дата обращения: 15.12.2017.
15. Договор о Европейском союзе // Право Европейского союза. — Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/teu> — Дата обращения: 15.12.2017.
16. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 483 с.

Интеграционные механизмы как элемент обеспечения национальной безопасности Германии

Mechanisms of integration in Germany – an element of national security

А.Е. Надеждин

Надеждин Александр Евгеньевич, второй секретарь Третьего Европейского департамента, Министерство иностранных дел Российской Федерации.

Аннотация: в статье представлены основные положения нормативно-правовой базы в сфере миграционной политики ФРГ, прослеживается ее трансформация с учетом внешних и внутренних политико-экономических и социокультурных факторов. Верифицированы применяемые (с 2000-х гг.) механизмы адаптации мигрантов в обществе-реципиенте при активном участии государственных институтов и гражданских инициатив. Дана характеристика комплекса мер, выработанных Федеральным правительством ФРГ в условиях миграционного кризиса 2015 г. в целях обеспечения безопасности современного германского общества.

Ключевые слова: ассимиляция, Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев, интеграционные языковые курсы, миграционный кризис, криминализация общества-реципиента.

Abstract: the article deals with the main aspects of the legal and regulatory framework for German migration policy and traces its transformation under external and internal political, economic, social as well as cultural factors. The mechanisms of migrant adaptation to the recipient society have been verified and are being applied with the active involvement of state institutions and civic initiative since the early 2000s. Under mounting pressure of the Migrant crisis, since 2015 the Federal Government of Germany has been employing a number of strategies aimed at protecting the modern German society.

Keywords: assimilation, Federal Office for Migration and Refugees, language and integration courses, migrant crisis, criminalization of the recipient society.

В германском обществе продолжают дискуссии о последствиях интеграции без ассимиляции, которая является структурной пробле-

мой и вызовом национальной безопасности. Еще в 2010 г. в своей книге «Германия: самоликвидация» немецкий политик Т. Саррацин отметил: «Интеграция — это труд, и я не уважаю того, кто не отягощает себя этим трудом» [1].

Несмотря на кризисную ситуацию 2015 г., которая была спровоцирована прибытием в ФРГ порядка 1 млн беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки, приоритетом национальной политики Германии в миграционном аспекте в целом остается дифференцированный подход к иностранным гражданам. Он характеризуется стремлением облегчить въезд и пребывание, а также предоставить возможность потенциального трудоустройства квалифицированным специалистам с высокими шансами на адаптацию в общество-реципиент.

Интеграция — одна из важнейших задач, которая не теряет свою актуальность и остро стоит на политической повестке дня в Германии. Важным фактором в контексте адаптации мигрантов выступают действия, направленные на недопущение разрастания мест компактного расселения иностранцев или предотвращение дальнейшего образования иноэтничных анклавов, являющихся зачастую базой для возникновения криминальных, социальных или культурных вызовов для социума. Таким образом, грамотно выстроенная политика «встраивания» иностранцев в принимающее общество помогает провести своевременный мониторинг угроз в контексте национальной безопасности страны-реципиента и оперативно их ликвидировать.

Эффективность реализации миграционной политики подразумевает под собой выработку специального «инструментария». Германии потребовался достаточно продолжительный период времени для того, чтобы на государственном уровне признать себя «страной иммиграции» [2]. Согласно Основному закону государства (ст. 116, пп. 1–2) «в случае, если законом не установлено иное, немцем в смысле настоящего Основного закона является каждый, кто обладает германским гражданством, или в качестве беженца или изгнанного лица немецкой национальности, его супруга или потомка нашел убежище на территории Германии в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г. Бывшие граждане Германии, лишённые гражданства в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г. по политическим, расовым и религиозным мотивам, и их потомки подлежат восстановлению в гражданстве по их ходатайству. Они считаются не утратившими гражданства, если после 8 мая 1945 г. поселились в Германии и не выразили иной воли» [3].

С начала 2000-х гг. германские власти стремятся создать механизмы для упорядочения пребывания иностранцев и беженцев в ФРГ. Ведущим государственным органом по вопросам политики в сфере миграции яв-

ляется Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев. Приоритетные направления деятельности включают в себя ведение единого реестра иностранцев; стимулирование переезда в ФРГ этнических немцев из других государств; регулирование вопросов по предоставлению убежища иностранным гражданам на территории ФРГ; выработка механизмов государственной миграционной политики; поддержка адаптационных процессов (в том числе через языковые и ознакомительные учебные курсы, специальные образовательные программы); прием контингентных беженцев (лица еврейской национальности и выходцев из кризисных регионов мира) или поздних переселенцев.

Важным событием стало вступление в 2005 г. в силу пакета законодательных актов под общим названием «Об управлении и ограничении миграции, регламентировании пребывания и интеграции граждан Европейского союза и иностранцев» («О миграции»), который можно охарактеризовать в качестве нового периода в вопросах миграционного законодательства ФРГ. В него включены законы «О свободном передвижении граждан стран Европейского союза» и «О порядке пребывания, осуществления трудовой деятельности и интеграции иностранцев на территории Федеративной Республики Германия» [4]. Закон «О свободном передвижении граждан ЕС» заменил существовавший без серьезных доработок с 1965 г. Закон «Об иностранцах». Данный документ регламентирует порядок пребывания в государствах Европейского союза (далее — ЕС), предоставляя право гражданам ЕС свободно передвигаться и пребывать в рамках общих границ данного интеграционного объединения без дополнительных разрешительных документов. В законе разъясняется порядок осуществления трудовой деятельности граждан Евросоюза и членов их семей в качестве наемных работников или индивидуальных предпринимателей. Позднее в него вносились следующие изменения: в 2013 г. вместо оформляемого в одной из стран — членов Евросоюза разрешения на пребывание для гражданина одного из государств ЕС появилось разрешение на свободное передвижение в рамках всего Евросоюза, которое первично выдается компетентными органами страны гражданской принадлежности; позднее для члена семьи гражданина ЕС, который (-ая) является выходцем из третьей страны, был введен специальный документ, позволяющий наряду с супругом свободно передвигаться в рамках Евросоюза и заниматься трудовой деятельностью. Данное право сохраняется и после развода, в случае если брак с гражданином ЕС продолжался более трех лет.

К отрицательным сторонам нормативно-правового акта следует отнести то, что этот документ не регламентирует порядок пересечения государственных границ стран — членов ЕС. Подобная ситуация может спровоцировать потенциально бесконтрольное передвижение правонаруши-

телей или «нежелательных лиц», которые зачастую остаются вне рамок контроля со стороны правоохранительных органов.

В другом законе из упомянутого выше пакета «О порядке пребывания, осуществления трудовой деятельности и интеграции иностранцев на территории Федеративной Республики Германия» сформулированы правовые основы порядка оформления въездных документов (виз) для выходцев из государств, которые не входят в состав Европейского союза. Разъяснен порядок подачи документов на пребывание (например, учеба, лечение, поиск убежища) в стране, нормативно-правовые аспекты процедуры по воссоединению семьи, а также система наказаний за нарушение режима пребывания. Отдельно указаны критерии, определяющие временные рамки потенциального пребывания на территории ФРГ, даны разъяснения о получении разрешений на трудовую деятельность. Также зафиксированы задачи, которые входят в компетенцию Федерального ведомства по делам миграции и беженцев с указанием отдельных аспектов, которые входят в компетенцию Федерального министерства по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи. Положения данного закона также закрепляют необходимость посещения специальных так называемых интеграционных курсов иностранцами и поздними переселенцами. По данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев, в стране функционируют порядка десяти тысяч таких интеграционных курсов [5].

В документе сформулированы более жесткие правила пребывания иностранцев (например, замена четырех видов разрешения на пребывания двумя: видом на жительство или разрешением на временное проживание), описана процедура реадмиссии. Выдача разрешений на работу осуществляется региональными подразделениями Федерального ведомства по делам миграции и беженцев — ведомствами по делам иностранцев при содействии Федерального агентства по труду. При земельных Министерствах внутренних дел учреждается специальная комиссия по рассмотрению сложных дел в рамках процедуры принудительной депортации.

К положительным моментам рассматриваемого пакета законов стоит отнести следующее: во-первых, Закон «О миграции» дает начало интеграционному и политическому изменениям «парадигмы» миграционной политики, так как прослеживается связь с другими важными положениями — правом на пребывание в стране, эмиграцией или гуманитарными аспектами миграции. Во-вторых, с принятием данного закона ФРГ начинает целенаправленную политику по адаптации иностранцев. В-третьих, закон призван упорядочить миграционные процессы на рынке труда. В-четвертых, более четко сформулированы механизмы обеспечения национальной и общественной безопасности.

Планировалось, что образовательные программы в рамках интеграционных курсов, о которых на государственном уровне упоминается впервые именно в данном нормативно-правовом акте, смогут обеспечить постепенную ассимиляцию иностранных граждан в принимающий социум. Если рассмотреть основы адаптационной программы в образовательном контексте, то она состоит из двух этапов — вводного (преподают основы права, культуры, истории Германии) и непосредственно языкового курса. Подразделяются: по целевой аудитории (например, курсы для женщин или поздних переселенцев; для работающих мигрантов с нулевым/низким уровнем владения немецким языком, которые проживают на территории страны постоянно; для мигрантов, которые не трудоустроены и получают государственную социальную помощь), по срокам обучения. Учебные группы стараются формировать с учетом региона происхождения, национальных особенностей, возрастных параметров слушателей.

К положительным моментам интеграционных курсов можно отнести следующее: во-первых, они дают лучшее понимание не только языка страны пребывания, но и ее культуры, истории, общества, политических процессов. Во-вторых, интеграционные курсы считаются центральным элементом принимаемых федеральным правительством мер, направленных на встраивание мигрантов в социум. Они призваны стать эффективным механизмом поддержки и адаптации.

При этом в функционировании интеграционных курсов выявлены отдельные недостатки. Во-первых, на базовом этапе они полностью оплачиваются немецким государством, то есть главными инвесторами являются местные налогоплательщики, что вызывает определенное недовольство в обществе. Низкая успеваемость или несдача экзаменов в рамках обучения также не подразумевает прекращение выплаты социального пособия. Для многих иностранцев это является серьезным стимулом жить за счет государства. Во-вторых, по окончании интеграционных курсов мигранты получают начальный уровень владения немецким языком B1, которого зачастую недостаточно для трудоустройства.

Государство со своей стороны обязуется финансировать обучение мигрантов на интеграционных курсах и способствовать повышению их шансов по выходу на рынок труда. На региональном уровне правительства федеральных земель и коммунальные органы власти берут на себя обязательство оказывать содействие процессу интеграции в немецкое общество. В экономическом блоке торгово-промышленные и ремесленные палаты Германии, профсоюзы оказывают содействие мигрантам при трудоустройстве в организации, которые являются членами их объединений.

Летом 2007 г. Федеральным правительством ФРГ был принят Национальный план интеграции в Германии. Это своего рода комплекс добро-

вольных обязательств, которые могут взять на себя отдельные граждане или различные общественные структуры и некоммерческие организации в Германии. Его положения рассматриваются в качестве основы успешной миграционной политики [6].

В документе важная роль уделяется адаптации через изучение иностранного языка. На дошкольном уровне реализуется концепция языкового содействия в игровой форме, на уровне старшей школы — расширение содействия в изучении языка со специализацией на выбранную профессию. Предлагаются различные интеграционные курсы, преподавание ведется на родном для мигранта языке. В рамках дуального образования создаются дополнительные рабочие места или осуществляется параллельное обучение на предприятиях, где руководителями являются граждане Германии с так называемым миграционным фоном или иностранцы. В целом ставится задача повысить число обучающихся с миграционным фоном и доли персонала с миграционным фоном на государственной службе с учетом профессиональной пригодности, уровня производительности и способностей.

Стоит отметить успешно реализуемую уже длительный период времени инициативу «Хартия многообразия», с помощью которой поддержку мигрантам в сфере коммуникации и интеграции в принимающий социум оказывают сотрудники с миграционным фоном. Ее реализация — важный элемент проводимой на государственном уровне кампании «Многообразие как возможность». Спортивные объединения, в частности, олимпийский союз Германии и немецкий футбольный союз, уполномочены привлекать иностранцев к тренерской работе и созданию новой спортивной инфраструктуры. С 2009 г. активно реализуется курируемая Федеральным министерством внутренних дел ФРГ программа «Интеграция через спорт» (ранее — «Спорт с поздними переселенцами»), направленная на отбор и подготовку молодых перспективных спортсменов из семей с миграционным фоном. Наиболее талантливые из них получают дополнительную государственную поддержку, стипендии или гранты. Параллельно данная программа способствует развитию ранее неизвестных в ФРГ видов спорта (например, борьбы на поясах, самбо).

Очевидно, что спорт — одна из эффективных возможностей, благодаря которой молодые люди, особенно из неблагополучных семей, могут интегрироваться в общество и занять достойное место. Тренеры в Германии, в том числе по футболу, убеждены, что «лучшие выходят из самых сложных районов больших городов. Им есть что доказывать» [7]. Яркий пример успешной интеграции — сборная Германии по футболу. В составе немецкой команды — победителя Чемпионата мира по футболу 2014 г. в Бразилии — 10 игроков являются выходцами из семей с миграцион-

ным фоном. Такие звезды, как несколько лет назад Михаэль Баллак или Мехмет Шолль, а сейчас Месут Озил, Жером Боатенг или Лерой Сане, — одни из наиболее успешных и именитых спортсменов своего времени. Все они родились и выросли на территории Германии. Когда в обществе скептики провоцируют дискуссии о сложностях или даже провале концепции мультикультурализма и адаптации, оппоненты в качестве контраргумента вспоминают об успехах национальной команды.

К сожалению, квалифицированные специалисты из третьих стран, которые хотели бы работать в Германии, часто сталкиваются с серьезными проблемами. Весьма остро стоит вопрос о частичном или полном признании дипломов высших учебных заведений государств, которые не входят в Европейский союз. Специалистам с серьезной подготовкой и солидным образованием, выехавшим в Германию добровольно или вынужденно, и в принципе готовым работать на благо новой родины, необходимо подтверждать свою квалификацию или пройти курс дополнительного обучения с последующими экзаменами. У многих это отбивает желание: они либо склоняются к низкоквалифицированному или в отдельных случаях нелегальному труду, либо пополняют ряды официальных безработных. Отдельным иностранцам власти осознанно усложняют процедуру трудоустройства. В случае длительного пребывания в стране они негласно вынуждают выходить из своего гражданства и получать немецкое, так как, являясь подданным другого государства с постоянным видом на жительство и даже имея разрешение на осуществление трудовой деятельности, достаточно трудно найти рабочее место, отвечающее профессиональному уровню, квалификации и навыкам.

Стоит отметить, что активное практическое содействие в социальной адаптации мигрантов и беженцев оказывают некоммерческие общественные структуры Германии. Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев стимулирует проекты, направленные на реализацию в принимающем социуме «культуры гостеприимства». На безвозмездной основе «социальные лотманы», которые трудоустроены в органах местной администрации, помогают вновь прибывшим лицам решать бытовые вопросы и проблемы (например, такие как посещение ведомства по делам иностранцев и заполнение необходимых документов, сопровождение в медицинские учреждения, детские сады или школы, межкультурные экскурсии, обучение немецкому языку). Функционируют консультационные службы для молодежи и взрослых, которые предоставляют первичную информацию о возможностях организации досуга и отдыха. Для поздних переселенцев и членов их семей на базе специальных центров или школ разработан специальный учебный проект «Интеграция и идентификация Плюс» продолжительностью 200 часов.

В вопросах политики в сфере адаптации мигрантов в немецкое общество широко задействуется потенциал молодежного волонтерского движения под патронатом Федерального министерства по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи, а также региональных отделений международных благотворительных организаций (фонды Каритас, Йоханнитер Интернэшнл, Мальтийский Орден и др.). В 2015 г. была запущена программа «Социальный волонтерский год с акцентом на миграционную составляющую»; количество участников составляет 10 тыс. человек, финансирование — порядка 20 млн евро ежегодно. Немецкие высшие учебные заведения реализуют на практике «дополнительный комплекс мер по поддержке беженцев». По линии германской службы академических обменов и при поддержке Федерального министерства иностранных дел в вузах предоставляются учебные места для студентов и молодых исследователей из числа беженцев, например программа «Альберт Эйнштейн» или стипендия фонда Херти «Старт» [8].

В соответствии с полученными в рамках социологического опроса данными (проведен немецким информационным агентством DPA) прослеживается тенденция, согласно которой среди беженцев, прибывших в Германию в период миграционного кризиса 2015 г., было достаточно людей, которые все-таки хотели быть полноправными членами общества, а не только получать социальное пособие по безработице. В частности, в столице федеральной земли Саксония местные власти активно задействовали мигрантов в сфере медицинского обслуживания или переводческой поддержки своих сограждан [9].

В разгар упомянутого кризиса 2015 г. немецкое общество было охвачено эмоциональным порывом, социальной вовлеченностью и внешне бескорыстным стремлением помочь беженцам, спасающимся от войны в Сирии, террористической деятельности группировки «Исламское государство» (запрещена в Российской Федерации), нищеты или голода и прибывающим в Европу [10]. Кадры с мюнхенского городского вокзала или других германских городов на контрасте с информационными сообщениями из Венгрии, Македонии или Сербии облетели весь мир. Вызвавшее одобрение местных властей стихийное волонтерское движение приобрело массовый характер. По данным проведенного летом 2016 г. Берлинским университетом имени Гумбольдта исследования, в качестве основных причин подобного поведения были названы: стремление внести посильный вклад в развитие общества, чувство солидарности и общности целей, противление любым формам расовой и иной дискриминации, желание помочь нуждающимся. Определенные политические цели, мотивы или убеждения не отмечены. В гендерном отношении (подавляющее большинство составляют женщины разных возрастов) оказанная практи-

ческая помощь заключалась в обучении немецкому языку, сборе пожертвований, продуктов питания и одежды [11].

С учетом событий новогодней ночи 2015 г. в Кельне и других резонансных преступлений, совершенных на территории ФРГ за последние два года, растущей криминализации общества-реципиента (не в последнюю очередь за счет прибывших иностранцев) и общей террористической угрозе при проведении аналогичного социологического исследования в более поздний период могли бы выявить иные закономерности.

В условиях миграционного кризиса германское законодательство также претерпело изменения. Обострение в 2015 г. миграционной ситуации и рост террористической угрозы вынудили германское руководство ужесточить существующие законы. В частности, в рамках реализации нового нормативно-правового акта «Об усовершенствовании обмена данными» в Закон «О порядке пребывания иностранцев» было внесено уточнение, согласно которому личные данные отдельных иностранных граждан в целях проведения дополнительной проверки могут быть переданы в органы военной, внешней разведки или контрразведки. Проведено существенное расширение хранящейся в центральном реестре иностранцев установочной информации о лицах, обратившихся в компетентные органы с ходатайствами на получение статуса беженца на территории ФРГ. С учетом попыток беженцев выдавать себя за других граждан данная процедура необходима в процессе идентификации личности. Для предотвращения террористических актов, борьбы с его финансированием германские правоохранители получают доступ к визовой информационной системе ЕС.

Отдельно стоит упомянуть нововведения, которые представлены в принятом в конце 2015 г. Законе «Об ускоренном рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища». Ужесточаются нормы пребывания для лиц, подавших документы на получение политического убежища, а также вносятся корректировки в систему выплат социальных пособий. В случае отклонения подобного ходатайства компетентными структурами беженец подвергается принудительной процедуре депортации. Расширен «список безопасных стран происхождения» за счет включения в него Албании, квазигосударственного образования Косово, Сербии, Черногории [12].

Таким образом, в современной Германии уделяется большое внимание вопросам национальной миграционной политики. Она включает в себя комплекс регулятивных мер, направленных на встраивание в экономическом, социальном или культурном аспекте иностранных граждан и лиц с миграционным фоном в общество-реципиент [13]. В целом существующие механизмы по интеграции, ассимиляции и аккультурации представляются достаточно сбалансированными.

При этом на государственном уровне необходимо продвигать идею о том, что интеграция — процесс обоюдно направленный, в котором роль активных действующих лиц закреплена не только за принимающим социумом, но и является обязанностью самих мигрантов с учетом существующих в Германии культурных норм, поведенческих стереотипов или системы ценностных ориентиров [14]. Опыт показывает, что в силу различных внутренних и внешних факторов стремление создать мультикультурное общество в условиях толерантности и политкорректности не приносит ожидаемых результатов [15].

Для более успешного и эффективного функционирования адаптационных механизмов, которые в полном объеме смогут отвечать сложившейся ситуации, представляется оправданным внести отдельные изменения в существующую модель путем обновления или, в определенной степени, даже ужесточения отдельных положений актуальной нормативно-правовой базы, например, в вопросах специфики обучения и оплаты интеграционных курсов, усиления контроля за гуманитарной миграцией в условиях появления псевдобеженцев из Сирии или Ближнего Востока и т.д. В контексте противодействия существующему миграционному кризису и связанным с ним новым угрозам и вызовам, а также преодоления его последствий, подобные действия обладают достаточным потенциалом, направленным на повышение эффективности обеспечения национальной безопасности государства и общества.

Источники и литература

1. *Thilo Sarrazin*. «Deutschland schafft sich ab», Deutsche Verlagsanstalt — München, 2010.
2. Tensions sur les différents modèles d'intégration européens: le cas allemand, «Atlantico». — Режим доступа: <http://www.atlantico.fr/decryptage/tensions-differents-modeles-integration-europeens-cas-allemand-yvonne-bollmann-740691.html> — Дата обращения: 15.07.2017.
3. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, Stand: November, 2012. Herausgeber: Deutscher Bundestag, 2012.
4. Das Gesetz zur Steuerung und Begrenzung der Zuwanderung und zur Regelung des Aufenthalts und der Integration von Unionsbürgern und Ausländern (das Zuwanderungsgesetz), 2004, Bundesgesetzblatt Jahrgang 2004 Teil I Nr. 41, ausgegeben zu Bonn. — Режим доступа: http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Gesetzestexte/DE/Zuwanderungsgesetz.pdf?__blob=publicationFile — Дата обращения: 20.10.2017.
5. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (BAMF). — Режим доступа: http://www.bamf.de/SiteGlobals/Forms/Sprachumschaltung/DE/Sprachumschaltung_Formular.html — Дата обращения: 25.10.2017.
6. Nationaler Integrationsplan Deutschlands. — Режим доступа: http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Publikation/IB/Anlagen/ib-flyer-niprus-sisichbarrierefrei.pdf?__blob=publicationFile — Дата обращения: 25.09.2017.

7. Belgiens Talentschmiede beim Fussball spricht Molenbeek. — Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/sport/belgiens-talentschmiede-beim-fussball-spricht-molenbeek-eine-gemeinsame-sprache/13723154.html> — Дата обращения: 15.11.2017.
8. *Peter Hintereder*. DE Magazin Deutschland, Flucht und Migration, 4/2015, S. 30–37.
9. Ehrenamtlich engagieren sich. — Режим доступа: <http://www.lvz.de/Mitteldeutschland/News/Ehrenamt-als-Chance-fuer-Integration-Fluechtlinge-in-Sachsen-engagieren-sich> — Дата обращения: 15.11.2017.
10. Frauen engagieren sich vor allem. — Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/politik/studie-zu-ehrenamtlichen-fuer-fluechtlinge-engagieren-sich-vor-allem-frauen/14002108.html> — Дата обращения: 01.12.2017.
11. Studie in Berlin. — Режим доступа: http://www.bim.hu-berlin.de/media/Studie_EFA2_BIM_11082016_V%C3%96.pdf — Дата обращения: 05.12.2017.
12. Herkunftsländer: Herrmann kritisiert grüne «Blockadehaltung». — Режим доступа: <https://www.derwesten.de/politik/herkunftslaender-herrmann-kritisiert-gruene-blockadehaltung-id212220229.html> — Дата обращения: 14.11.2017.
13. *Гаврилова С.М.* Рост правопопулистских настроений и кризис традиционных политических партий в Европе // Дипломатическая служба. 2017. № 6 (75). С. 19–27.
14. *Buschkowsky H.* Neukölln ist überall, Ullstein Verlag — Berlin, 2012.
15. Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 483 с.

Общественные протесты в Иране. Основные причины и возможные последствия

Social disturbances in Iran. Motives and probable consequences

А.М. Мустафабейли

Мустафабейли Али Митхадович, кандидат исторических наук, руководитель Центра евразийских исследований имени Н.Е. Бажановой Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: протестное движение, прокатившееся по многим городам Ирана, включая его столицу Тегеран, религиозные центры Кум и Мешхед, в конце 2017 — начале 2018 г. было связано с социально-экономическими проблемами, имевшими, в том числе, внешнеполитические корни, а также просчетами правительства Исламской Республики.

Ключевые слова: протестные акции, массовые шествия, иранская ядерная программа, социально-экономические проблемы, шестой пятилетний план.

Abstract: the protest movement ignited in many of Iranian cities including Tehran — the capital of the country, religious centers Kum and Mashhad (the end of 2017 — beginning of 2018) was motivated by social-economic problems which had foreign-policy and other roots, as well as errors made by the government of the Islamic Republic.

Key words: protest actions, mass parades, nuclear program of Iran, social-economic problems, sixth five-year plan.

19 мая 2017 г. по итогам первого тура очередных президентских выборов Х. Рухани был переизбран на второй срок. Возглавляемое им правительство продолжило энергичную экономическую деятельность, стремясь привлечь иностранных инвесторов, продвинуть некоторые рыночные преобразования. В этом контексте развивались внешнеполитические контакты.

Президент и его команда оставались тем не менее под прессингом консервативного крыла власти, критиковавшего их за излишний либера-

лизм во внутренних и внешних делах, недостаточно активные действия в экономической сфере. В целом, однако, обстановка в стране выглядела вполне стабильной.

Вместе с тем в конце 2017 г. в Мешхеде — втором по величине и священном для шиитов городе (здесь расположен мавзолей имама Резы — одного из 12 преемников и последователей пророка Мухаммеда, которым поклоняются шииты) — начались протестные акции. Поводом послужило подорожание некоторых продуктов питания. Позже демонстрации и митинги охватили другие крупные города, включая Тегеран, Исфаган, Шираз, Решт, Керманшах, Хамадан. Особое беспокойство властей вызвали волнения в Куме — религиозном центре страны, оплоте идеалов исламской революции. Массовые выступления проходили под лозунгами борьбы с обнищанием, коррупцией, звучали требования о прекращении иранского вмешательства в сирийский, иракский, йеменский конфликты, отказе от поддержки ливанской «Хезболлы» и палестинского «Хамаса». Неожиданными для Москвы и правительства Исламской Республики стали нечасто повторявшиеся, но все-таки присутствовавшие антироссийские лозунги [1].

По информации министра внутренних дел Ирана А.Р. Фазли, в манифестациях приняли участие 42 тыс. человек, значительную часть которых составляла молодежь. По официальным данным, за время беспорядков арестовано более 450 человек. Свыше 90% из них моложе 25 лет, в том числе порядка 90 студентов [2]. Наиболее тяжелым для властей обстоятельством оказалась гибель в столкновениях 25 человек [3].

3 января 2018 г. правительству удалось добиться прекращения беспорядков и организовать в Тегеране и других городах массовые шествия в поддержку властей. По словам министра информации С.М. Алави, прошедшие события продемонстрировали наличие просчетов в деятельности правительства, опасность возникшей ситуации. В то же время они подтвердили готовность всех служб безопасности и охраны общественного порядка к отпору противоправных действий, четкую скоординированность их работы, благодаря чему принятые меры дали результаты в кратчайшие сроки. Временный пятничный имам Тегерана К. Седеги в проповеди, посвященной народным волнениям, поблагодарил Корпус стражей исламской революции (КСИР), полицию и армейские подразделения за слаженные и эффективные действия.

Как справедливо считает большинство российских и зарубежных экспертов, иранцев к массовым протестам подтолкнули неоправданные надежды на прорывное преодоление социально-экономических проблем после снятия международных санкций в соответствии с Совместным всеобъемлющим планом действий по урегулированию ситуации вокруг

иранской ядерной программы (СВПД)¹. На начальном этапе осуществления СВПД европейские и другие партнеры Ирана проявили чрезвычайную активность в восстановлении экономических связей с Исламской Республикой. Только за три месяца 2016 г. после запуска СВПД ее посетили 9 президентов, 6 премьер-министров и 14 министров иностранных дел [4]. Президент Х. Рухани осуществил визиты в Италию, Ватикан и Францию. В результате состоявшихся контактов восстановлена прямая авиасвязь Ирана с ведущими европейскими странами. С итальянцами было подписано соглашение в 5 млрд евро на развитие и модернизацию иранских железных дорог. С французской компанией «Тоталь» заключена предварительная сделка в размере 4,8 млрд долл. на разработку нефтегазовых месторождений Южного Парса, расположенные в Персидском заливе [5], между иранской автомобилестроительной компанией «Иран Ходро» и французской «Пежо» достигнуто соглашение о создании совместного предприятия. Стоимость проекта — 500 млн евро [6].

Россия также предприняла шаги для укрепления своих позиций на иранском рынке. Были подписаны договоры о сооружении 2-го и 3-го энергоблоков АЭС в г. Бушире, строительстве ТЭС в г. Бендер Аббасе, электрификации железнодорожной линии Гармсар — Инче Бурун), геолого-геофизическом изучении компанией «Лукойл» акватории северо-западной части Персидского залива и юга Абаданского плато, разработке компанией «Роснефть» трех нефтегазовых месторождений, поставке в Иран грузовых вагонов и зерноуборочных комбайнов.

Значительное ослабление санкционного давления на Иран, в первую очередь снятие эмбарго на экспорт энергоносителей, обусловили довольно существенные макроэкономические подвижки, подтвержденные Всемирным банком и Международным валютным фондом: рост реального ВВП на 3,5% в 2017 г., снижение уровня инфляции с 40% в 2013 г. до 10,5–11,5% в 2017 г.

Такие внушительные сдвиги не повлияли, однако, на социальное и материальное положение иранцев, большая часть которых по-прежнему живет за чертой бедности, в том числе и из-за сохраняющейся высокой безработицы, достигающей 12,6% среди трудоспособного населения и 24% среди молодежи [7]. Значительный дефицит государственного бюджета, инвестиционных средств не позволяет решить эти весьма чувствитель-

¹ 6 января 2016 г. началась практическая реализация СВПД, согласованного 14 июля 2015 г. в Вене министрами иностранных дел «шестерки» (России, США, Китая, Великобритании, Франции, Германии) и Ирана при участии Верховного представителя ЕС Ф. Могерини. СВПД призван обеспечить комплексное и окончательное решение этой проблемы.

ные для населения задачи. Расчет на размораживание иранских активов в иностранных банках не оправдывается. Формально они должны были быть разблокированы с началом реализации СВПД. Фактически Иран не имеет к ним доступа из-за ограничений в операциях в долларах, не снятых до конца Вашингтоном. В результате Ирану из 92 млрд долл. удалось получить всего 3 млрд. Постоянные усилия, прилагаемые иранцами для привлечения средств из-за рубежа, затруднены из-за новых американских санкций и пугающих инвесторов угроз президента Д. Трампа относительно выхода США из СВПД. Между тем для реализации шестого пятилетнего плана (2017–2022 гг.), разработанного правительством и утвержденного Верховным лидером, требуется 250 млрд долл. инвестиций [8].

Таковы объективные причины возникшей в стране социальной напряженности, которая усилилась в связи с рядом непродуманных шагов правительства. Не следовало, в частности, урезать социальную программу по предоставлению населению денежных субсидий даже в сложных экономических и политических условиях внутри страны и вокруг нее. Такие мероприятия, если исходить из экономических потребностей, могли бы быть осуществлены при более стабильной общественно-политической обстановке в Исламской Республике. Нельзя было допускать и столь чувствительного повышения цен на продукты питания и другие товары повышенного спроса. Важно было принимать более решительные меры по борьбе с коррупцией, реализации приватизационных проектов, добиваться сокращения расходов на внешнеполитические и военные нужды, связанные с конфликтами в регионе, и изыскивать таким образом дополнительные финансовые средства, тем более что иранцы, особенно персы, никогда не воспринимали, не хотят понимать и теперь необходимость своего участия в делах арабов, на которых они взирают с пренебрежением и враждебностью с высоты своей великой древней цивилизации, ими разрушенной¹.

Звучавшие время от времени антироссийские лозунги были связаны, скорее всего, с российско-иранской совместной военной кампанией в Сирии.

Протестное движение не было спонтанным и полностью самодеятельным. Очевидно, что его спровоцировали политические интриги во власти. Подтверждением служит, в частности, высказывание министра информации С.М. Алави о том, что недовольство людей поощрялось изнутри правящих кругов. Правильным представляется мнение некоторых наблюдателей о том, что отправной точкой протестов не случайно стал Мешхед. Здесь

¹ В середине VII века Персидская империя под натиском арабов была разрушена и поглощена халифатом.

весьма влиятельной фигурой является И. Раиси — представитель радикального консервативного духовенства, бывший генеральный прокурор страны, главный соперник Х. Рухани на последних президентских выборах [9].

Внимание экспертов привлекло сообщение палестинской газеты Al-Quds Al-Arabi, издаваемой в Лондоне с 1989 г. В нем утверждается, что экс-президент Ирана М. Ахмадинежад был арестован в г. Бушире после митинга, на котором он обрушился с критикой на Х. Рухани. Позже будто бы по указанию Верховного лидера он был освобожден. Информация осталась как бы незамеченной властями, которые не подтвердили ее и не опровергли. Непримиимые отношения между бывшим и нынешним главами исполнительной власти хорошо известны. Х. Рухани в свое время жестко расправился с людьми из близкого окружения своего предшественника. Многие из них оказались за решеткой, а некоторых суд приговорил к смертной казни.

Нетерпимое отношение к Х. Рухани и его правительству радикальных консерваторов проявилось и в молебне пятничного имама К. Седеги, посвященном протестным событиям. Он обвинил президента в либерализме, чуждом иранскому народу, способствующем культурной и экономической экспансии Запада. Возникшие проблемы К. Седеги объяснил пренебрежением правительства к исламским революционным ценностям.

Можно сделать вывод о том, что оппонентами правительства был дан старт протестным акциям, которые в дальнейшем уже самостоятельно приобрели антирежимный характер.

Старейший американский журнал The Nation, всегда подчеркивавший значимую роль либералов в общественной жизни Исламской Республики, устами журналистки иранского происхождения отвергает на сей раз вероятность их причастности к произошедшим событиям. Действительно, либерально-реформаторская оппозиция, выступившая в 2009 г. против сфальсифицированного, как она считала, повторного избрания М. Ахмадинежада на президентский пост, была жестоко подавлена и впоследствии, в том числе в ходе недавних протестных акций, никак себя не проявила.

Шаблонные утверждения командования КСИР об американской руке, предпринявшей очередную попытку устроить в Иране цветную революцию, не имеют под собой достаточных оснований. Вместе с тем цель политического курса США в отношении Ирана в течение всего постреволюционного периода состояла в устранении теократического режима любыми способами и средствами: политическими, экономическими, пропагандистскими, гибридными и прочими. Тем не менее нынешнее протестное движение имело исключительно внутреннее, а не американское происхождение.

Антииранская позиция Вашингтона приобрела особую жесткость и остроту после прихода в Белый дом президента Д. Трампа. В сознании иранцев американский президент представляется в роли откровенного врага, который лживо обвиняет их в сочувствии терроризму, в то время как его главным спонсором является союзник США — Саудовское Королевство. Трамп препятствует реализации, стремится подорвать СВПД, торпедируя угрозами о возобновлении и расширении санкций, ограничительными финансовыми мерами экономическое сотрудничество Ирана с партнерами, нанося тем самым ущерб народу этой страны [10]. Напомним, что иранцы, за редким исключением, испытывают исторически сложившуюся неприязнь к американским властям, свергнувшим в 1953 г. правительство М. Мосаддыка, боровшегося за национализацию нефтегазовой промышленности, хозяйничавшим в Иране при жизни последнего монарха Мохаммеда Реза Пехлеви.

Реакция США на волнения в Иране оказалась вполне предсказуемой. На созванном 5 января 2018 г. заседании Совета Безопасности представитель США при ООН Н. Хейли обратилась с призывом поддержать народ Ирана, борющийся за свободу и лучшую жизнь, заявив, что ситуация в этой стране представляет угрозу международной безопасности. Другие члены СБ такую оценку обстановки в Исламской Республике не поддержали, а Россия и Китай сделали акцент на недопустимости вмешательства во внутренние дела Ирана.

В свою очередь Х. Рухани выразил убежденность в том, что на все требования демонстрантов — политические, экономические, социальные, культурные — необходимо обратить внимание. Как подчеркнул президент, народ имеет право на свободу волеизъявления, критику власти. Вместе с тем недопустимы покушения на революционные ценности, действия, наносящие ущерб государству, единству народа. Примерно в том же ключе прозвучало большинство выступлений законодателей в ходе состоявшегося 1 января 2018 г. экстренного заседания меджлиса (парламента Ирана). Депутаты выдвинули требование о подготовке органами безопасности доклада о протестных акциях и поведении правоохранительных служб [11].

Диссонансом прозвучали высказывания названного временного пятничного имама Тегерана. К. Седеги заявил, что перед лицом вражеских угроз правительство должно опираться на революционные идеалы, поскольку либерализм не может быть средством для решения проблем страны. В традиционном духе последовало предупреждение К. Седеги о том, что недостаточное внимание к исламу укрепляет бастионы противников Ирана. Была подчеркнута необходимость более жесткого контроля исполнительной власти со стороны парламента, который не должен сда-

вать своих позиций. В заключение К. Седеги порекомендовал законодателям предусмотреть выделение больших бюджетных средств на укрепление исламской культуры и религии, оказание помощи малообеспеченным слоям населения.

Рассуждая о перспективах оппозиционного движения в Иране, западные эксперты утверждают, что недавние народные выступления неизбежно будут иметь продолжение. Возможно, это и произойдет, но не в обозримой перспективе. На нынешнем этапе иранское общество не готово к решительному противоборству с действующей властью, хотя значительная его часть не приемлет диктат теократического государства, допускающего коррупцию, огромный разрыв в благосостоянии элиты и беднейших слоев населения. Большинство иранцев настроено против революционных катаклизмов. Предлагаемый властями лозунг о недопустимости насилия близок иранцам, наблюдающим в интернете за последствиями так называемой арабской весны.

Стойкость исламского режима обеспечивается преданной ему после-революционной элитой, ее силовыми структурами, в первую очередь КСИ-Ром, обладающим многими материальными и другими привилегиями. В то же время необходимо иметь в виду, что непосредственным исполнителем указаний сверху является не командование КСИР, армии, полиции, а личный состав, отдаленный по своему социальному статусу и материальному положению от верховной власти, которой в определенных условиях он может и не подчиниться. Так было во время исламской революции, когда младшие офицеры и солдаты не захотели воевать с народом.

Главное в этой связи заключается в институциональных особенностях исламской власти. Будучи авторитарной в том, что касается теократического строя, она в то же время является практически коллегиальной при принятии ключевых политических и экономических решений. Важно еще и то, что эта власть обладает институтами выборного президентства и парламентаризма, играющими роль социальных громоотводов.

Для кардинального переустройства действующей государственной системы необходим соответствующий проект и политические силы, способные его реализовать. В настоящее время они отсутствуют, а создание их в близкой перспективе не предвидится.

Проект исламской революции, с которой некоторые наблюдатели сравнивают недавние протестные волнения, готовился с начала 60-х гг. прошлого века и был осуществлен под эгидой духовенства, которое в то время пользовалось высоким авторитетом у большинства иранцев¹.

¹ Монархический режим был свергнут в начале 1979 г. 16 января шах покинул Ирак.

Политические предпочтения иранцев проявились в итогах голосования в ходе президентских выборов 2017 г. За умеренного консерватора Х. Рухани проголосовали 23,5 млн человек, радикальный консерватор И. Раиси набрал 15,7 млн голосов. В электорате Х. Рухани, помимо единомышленников президента, несомненно, присутствовали и либералы умеренного и радикального толка.

Источники и литература

1. Протестующие в Иране кричат «Смерть России» // Новые известия. 2018. 3 янв. — Режим доступа: <https://newizv.ru/news/world/03-01-2018/protestuyushie-v-irane-krichat-smert-rossii> — Дата обращения: 11.01.2018.
2. Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (26 декабря 2017 г. — 7 января 2018 г.) // Институт Ближнего Востока. 2018. 8 янв. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=40506>. — Дата обращения: 13.01.2018.
3. Власти Ирана сообщили о 25 погибших в ходе прошедших столкновений // Trend news agency. 2018. 14 янв. — Режим доступа: <https://www.trend.az/iran/society/2847433.html> — Дата обращения: 16.01.2018.
4. Иран возвращается на глобальные рынки. Обзор наиболее значимых отраслей экономики // Петербургский международный экономический форум. 2016. 2 июня. — Режим доступа: tass.ru/pmef-2016/article/3333962 — Дата обращения: 12.01.2018.
5. Iranian economy a Year after sanctions // Financial tribune. 2017. 17 янв. — Режим доступа: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/57594/iranian-economy-a-year-after-sanctions> — Дата обращения: 15.01.2018.
6. PSA Peugeot Citroen возвращается в Иран // За рулем. 2016. 29 янв. — Режим доступа: uzr.com.ua/novosti/psa-peugeot-citroen-vozvrashaetsya-v-iran/ — Дата обращения: 05.02.2018.
7. World bank sees uptrend in Iran's GDP growth in 2019 // Financial tribune. 2017. 15 окт. — Режим доступа: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/74213/world-bank-sees-uptrend-in-iran-s-gdp-growth-to-2019> — Дата обращения: 10.01.2018.
8. Бондарь Ю. Обзор экономической ситуации в Иране за май 2017 г. // Институт Ближнего Востока. 2017. 22 июня. — Режим доступа: www.iimes.ru/?p=35849 — Дата обращения: 10.01.2018.
9. Тарасов С. Трамп и Рухани: противники или партнеры // Regnum Информационное агентство. 2018. 3 янв. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2364474.html> — Дата обращения: 15.01.2018.
10. Trita Parsi. These are the real causes of the Iran protests // The Nation. 2018. 14 янв. Режим доступа: <https://www.thenation.com/these-are-the-real-causes-of-the-iran-protests/> — Дата обращения: 15.01.2018.
11. Месамед В. Иран анализирует итоги протестных акций // Институт Ближнего Востока. 2018. 11 янв. — Режим доступа: www.iimes.ru/?p=40597. — Дата обращения: 13.01.2018.

Дипломатический кризис вокруг Катара и перспективы его урегулирования

Diplomatic Crisis over Qatar and prospects of its settlement

И.О. Ермаков

Ермаков Игорь Олегович, аспирант Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению дипломатического кризиса между государствами — участниками Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Особое внимание уделено причинам конфликта и позициям его сторон (Катара, Бахрейна, ОАЭ, Саудовской Аравии). В статье также анализируются перспективы возможного урегулирования возникшего кризиса.

Ключевые слова: Персидский залив, ССАГПЗ, Саудовская Аравия, Катар, Иран, региональная безопасность.

Abstract: the article is devoted to the examination of the diplomatic crisis between members of the Gulf Cooperation Council. Special attention is paid to root causes of the ongoing crisis and position of its parties. The article also analyses prospects of its possible settlement.

Key words: The Persian Gulf, GCC, Saudi Arabia, Qatar, Iran, regional security.

Традиционно отношения между странами — участниками различных международных организаций, региональных союзов и объединений не обходятся без внутренних противоречий и серьезных разногласий, а их деятельность довольно часто выстраивается посредством взаимных уступок и компромиссов. На фоне этого пример Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), взаимодействия между его членами, не является исключением в современных международных отношениях.

На протяжении более чем 35-летней истории функционирования Совета сотрудничества отношения между его учредителями (Бахрейном, Катаром, Кувейтом, Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Оманом) неоднократно подвергались испытаниям, ставившим

под вопрос единство организации и целостность ее структуры. Последним из таких испытаний стала инициатива Бахрейна, Саудовской Аравии, ОАЭ и присоединившегося к ним регионального тяжеловеса в лице Египта о разрыве дипломатических отношений с Катаром.

Поводом для политической изоляции стала публикация на сайте катарского информационного агентства Qatar News Agency якобы от имени эмира Тамима бен Хамада аль-Тани заявления о необходимости налаживания отношений с Ираном. Доха поспешила опровергнуть содержащуюся в заявлении информацию, заявив о том, что сайт новостного агентства был взломан хакерами [12]. Однако предполагаемого эффекта на партнеров по Совету сотрудничества эти опровержения не оказали.

5 июня 2017 г. Бахрейн первым объявил о бойкоте и обвинил соседа во вмешательстве в свои внутренние дела, в попытках подорвать стабильность и безопасность, а также в поддержке деятельности террористических формирований и финансировании группировок, связанных с Исламской Республикой Иран [16].

Эр-Рияд в свою очередь предъявил Дохе обвинения [15] в многолетних попытках посеять раздор в Королевстве, в нарушении суверенитета страны путем поддержки действующих на территории саудовской провинции Эль-Катиф и спонсируемых Ираном террористов. Кроме этого, Катар был обвинен в оказании содействия, в том числе с помощью СМИ, различным террористическим и религиозным группам, таким как «Братья-мусульмане», ИГИЛ и «Аль-Каида» (все организации признаны террористическими и их деятельность запрещена на территории Российской Федерации). Более того, официальные власти Королевства возлагают на Катар ответственность за продвижение хуситов в Йемене.

ОАЭ выразила полную поддержку членам Совета сотрудничества и обвинила катарские власти в несоблюдении международных договоров и региональных соглашений, в поддержке и финансировании террористических организаций, таких как «Братья-мусульмане», а также предоставлении убежища их членам на территории своей страны [18]. Египетские власти выступили против враждебной политики Катара и распространения экстремистской идеологии на Синайском полуострове.

Официальные власти Катара с предъявленными обвинениями не согласились, призвав страны к диалогу. Тем не менее последовавшие меры носили достаточно жесткий и беспрецедентный характер: помимо уже упомянутого осуждения внешней политики и разрыва дипломатических отношений, все катарские дипломатические сотрудники и подданные вынуждены были покинуть свои страны пребывания.

Введенные меры также сделали бессмысленным участие Катара в военной операции в Йемене, в результате чего руководство страны приняло

решение свернуть свое участие в данной кампании. Морское и воздушное сообщение с Катаром было приостановлено, а авиакомпании Etihad Airways, FlyDubai, Emirates, Air Arabia и Egypt Air прекратили полеты своих самолетов в Доху. Также Бахрейн, Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет сформировали так называемый черный список, включающий в себя физических и юридических лиц, заподозренных в предполагаемых связях с террористическими группировками и Катаром. Кроме этого, оказывается различного рода экономическое давление. Так «арабская четверка» потребовала вернуть свои финансовые средства, хранящиеся в катарских финансовых учреждениях.

Помимо введенных коллективных санкций, каждая страна в отдельности установила дополнительные меры:

- Саудовская Аравия закрыла единственную сухопутную границу в Катар; прекратила вещание филиала телеканала Al-Jazeera; катарским судам было запрещено пользоваться морскими портами;

- в ОАЭ было прекращено участие банков в торгах на территории Катара; приостановлено почтовое сообщение; судам под катарским флагом запрещено использовать морские порты;

- Египет запретил катарским кораблям входить в порты зоны Суэцкого канала, призвав наложить международные санкции.

ОАЭ и Бахрейн также ввели в средствах массовой информации запрет на высказывание слов сочувствия Катару. За его нарушение предусмотрен штраф либо лишение свободы от 3 до 15 лет в ОАЭ и до 5 лет в Бахрейне.

Позднее к бойкоту присоединились другие государства. Мавритания, Маврикий, Мальдивы и Коморские острова также объявили о разрыве дипломатических отношений; Нигер и Сенегал отозвали глав своих дипломатических представительств; Джибути и Иордания понизили уровень дипломатических отношений, а Габон выступил с осуждением проводимой Катаром внешней политики.

Несмотря на поддержку «антикатарской коалиции» со стороны вышеуказанных союзников, большинство государств, среди которых Россия, Франция, ФРГ, Алжир, Пакистан, заняли нейтральную позицию, призвав все стороны к урегулированию разногласий и достижению взаимного компромисса путем проведения переговоров с участием заинтересованных сторон.

Примечательно, что бойкот Катара не поддержали остальные участники Совета сотрудничества — Кувейт и Оман. В силу своего географического положения и проводимой умеренной политики власти этих стран напротив предприняли активные попытки посредничества между сторонами конфликта [20].

Российская позиция по этому вопросу последовательно отвечает основным принципам международного права: невмешательство во вну-

тренние дела государств и разрешение конфликтов мирными способами. Во время состоявшегося в конце августа 2017 г. турне по трем арабским странам Персидского залива, министр иностранных дел России С.В. Лавров отметил, что «проблемы целесообразно решать в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива», а «развязки необходимо искать на основе поиска взаимоприемлемых подходов на основе отказа от контрпродуктивной воинственной риторики через диалог и компромиссы» [4]. Также были поддержаны посреднические усилия Кувейта и выражена готовность в случае необходимости внести российский вклад в урегулирование сложившейся ситуации.

Несмотря на предпринимаемые Кувейтом и Оманом попытки примирить конфликтующие стороны, они не принесли желаемого результата, а введенные санкции продолжают оставаться в силе. Во многом это обусловлено невозможностью выполнения без ущерба для катарских национальных интересов выдвинутых «арабской четверкой» требований. Тезисно эти требования выглядят следующим образом:

- принесение официальных извинений катарских властей странам Персидского залива;

- прекращение всех контактов с египетским филиалом «Братьев-мусульман», в том числе прекращение финансирования его членов, проживающих в Лондоне и Стамбуле, а также высылка их представителей из Катара;

- закрытие ряда созданных Катаром средств массовой информации, включая канал Al-Jazeera;

- прекращение политических отношений с Ираном как государством, поддерживающим терроризм;

- разрыв отношений с организациями ХАМАС и «Хезболла»;

- отказ в предоставлении убежища оппозиционерам из других стран Совета сотрудничества, а также немедленная выдача государству их гражданской принадлежности;

- закрытие спонсируемых государством институтов и научно-исследовательских центров в стране и за рубежом;

- невмешательство во внутренние дела соседних стран;

- неприсоединение к политическим или военным союзам, прежде всего с Ираном и Турцией, которые могут нанести вред стратегическим интересам стран ССАГПЗ;

- нормализация отношений с Египтом [7, 17].

В статьях Al-Jazeera и The New York Times также упоминаются такие требования, как прекращение связей с ИГИЛ, «Аль-Каидой» и другими террористическими организациями [13], отказ от любого военного сотрудничества с Турцией, выплата компенсации за причиненный политикой Ката-

ра ущерб, а также согласие на проведение аудиторских проверок в стране [11].

В контексте фактического признания исходящих с территории стран Персидского залива проблем частного финансирования экстремизма, озвученных министром иностранных дел ОАЭ во время выступления в Королевском институте международных отношений «Chatham House» [2, 14], предъявленные в ультимативной форме требования свидетельствуют о серьезном недовольстве политикой Дохи и наличии раскола в рядах Совета сотрудничества по некоторым насущным вопросам региональной повестки дня.

Действительно, активизация катарской внешней политики на сирийском направлении, в том числе поддержка переговорного процесса, инициированного Казахстаном, вызывает раздражение у стремящегося сохранить региональное лидерство Эр-Рияда.

Что касается отношений Катара и движения «Братья-мусульмане», то широко известно, что лидер этого движения, шейх Юсуф аль-Кардави, в настоящее время проживает в Катаре и активно занимается своей религиозной деятельностью. Более того, катарское правительство открыто оказывало поддержку одному из лидеров этого движения, бывшему президенту Египта Мухаммеду Мурси. После смены власти в стране Доха продолжает содействовать этому движению, в то время как действующий египетский президент Абдул-Фаттах Ас-Сиси пользуется поддержкой Саудовской Аравии.

В Ливии Доха поддерживает связанные с движением «Братья-мусульмане» различные группировки, в то время как Эр-Рияд делает ставку на «главу правительства национального согласия Ф. Сараджа, а Абу-Даби и Каир — на главнокомандующего вооруженными силами Тобрука, генерала Х. Хафтара» [10].

В Восточной Африке и зоне Африканского Рога также идет катаро-эмиратская борьба за сферы влияния. Влиятельный и популярный среди «арабской улицы» катарский канал Al-Jazeera усиливает негативный эффект разногласий по Сирии, Ливии и «Братьям-мусульманам» путем трансляции официальной точки зрения катарского правительства, не всегда солидарной с саудовской и эмиратской позицией.

По мнению А.А. Кузнецова и О.Н. Барабанова, экспертов по Ближнему Востоку [3, 8], между Катаром и Саудовской Аравией также идет соперничество за идеологическое наследие Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, основателя ваххабитского толка в исламе. Это учение является государственной религией указанных стран, однако в Дохе считают, что именно в их стране оно «получило адекватное толкование, а саудиты придали ваххабизму черты религиозной нетерпимости, чем дискредитировали его» [9].

Соперничество на данном направлении было интенсифицировано событиями 28 мая 2017 г., когда представители духовенства ваххабитского направления Саудовской Аравии во главе с муфтием Абдуль-Азизом ибн Абдуллахом Аль аш-Шейхом, считающимся прямым потомком Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба опубликовали открытое письмо, в котором поставили под вопрос происхождение правящей семьи Катара от Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба [9].

Основным разногласием в отношениях между странами ССАГПЗ, и в частности Катара с одной стороны, и Бахрейна, Саудовской Аравии и ОАЭ с другой, — это Иран и его место в регионе Персидского залива и Ближнего Востока в целом. Бахрейн, Саудовская Аравия и ОАЭ рассматривают шиитский Иран как источник угрозы сложившейся системе стабильности и безопасности в регионе. Официальные власти Катара не настолько категоричны в своих заявлениях относительно будущих отношений с Ираном и серьезно рассматривают взаимодействие, пусть и ограниченное, с этой страной. Необходимость освоения общего месторождения газа, координация действий в процессе выкупа пленных членов катарской королевской семьи, захваченных в Ираке, а также заявление о восстановлении дипломатических отношений на уровне послов между Ираном и Катаром свидетельствуют об этом.

В ближайшее время урегулирование возникшего кризиса выглядит едва ли возможным. Во-первых, это связано с бескомпромиссной позицией Бахрейна, Саудовской Аравии, ОАЭ и Египта, которые пока не намерены ее изменять. Появившиеся сообщения о сокращении количества требований к Катару практически сразу были отвергнуты представителями «арабской четверки». Во-вторых, это обусловлено содержанием и характером предъявленных в ультимативной форме требований, некоторые из которых практически невыполнимы для государства с независимой внешней политикой. В-третьих, это связано с уже описанными разногласиями, раздирающими единство Совета сотрудничества на протяжении нескольких лет.

Вместе с тем в современной политике всегда есть место для взаимного диалога, особенно для стран, расположенных в географической близости друг к другу и входящих в единую региональную организацию [5, 6]. Решение конфликта должно быть найдено в рамках Совета сотрудничества. Для этого, принимая во внимание исходные позиции участников кризиса, страны «арабской четверки» должны как минимум согласиться на обсуждение требований, которые по их замыслу необходимо выполнить Катару, или пойти на сокращение особенно унижительных для Дохи пунктов, позволив государству с достоинством выйти из сложившейся ситуации. Со своей стороны, Катару следует взять на себя обязательства по выполнению оставшихся требований.

Странам необходимо отказаться от воинственной риторики и реваншистских настроений, поскольку нынешний кризис представляет собой результат проводимой разновекторной политики стран Совета сотрудничества и царящего в регионе кризиса доверия на фоне наращивания вооружения и возрастающих потенциальных угроз безопасности.

Участие независимых и не участвующих в блокаде Катара государств также будет способствовать эффективному урегулированию. На первом месте в списке медиаторов выступают Кувейт и Оман как участники Совета сотрудничества, а также максимально объективные и имеющие многолетний опыт регионального посредничества стороны. Придать импульс посредническим усилиям возможно с помощью более активного участия в них гарантов безопасности стран ССАГПЗ в лице представителей США и ряда стран Европейского континента, имеющих свои вооруженные силы в этих странах и заинтересованных в стабильности всего региона [1: 27].

Катар уже начинает дистанцироваться от своих партнеров по Совету сотрудничества по ряду вопросов. Так, страной был введен облегченный режим въезда для граждан 80 стран, включая Россию, что является скорее исключением для стран региона с их жесткой визовой политикой. Позже было объявлено о восстановлении полноценных дипломатических отношений и возвращении катарского посла Али бин Хамада Аль-Сулати в Тегеран. На фоне этого назначение нового, вопреки устоявшимся традициям, наследного принца Мухаммеда ибн Салмана аль Сауда, которого принято считать инициатором военной кампании в Йемене, также не позволяет рассчитывать на быстрое решение проблемы [19].

Опубликованное катарским новостным агентством заявление о восстановлении полноценных отношений с Ираном стало лишь поводом для начала дипломатического наступления на Катар. В действительности же между странами «арабской четверки» и Катаром по ряду вопросов существуют серьезные разногласия, которые наиболее заметно проявляются в сирийском конфликте, ливийской войне, в регионе Африканского Рога и Восточной Африке, а также в подходах по выстраиванию отношений с Ираном и «Братьями-мусульманами» и их роли в регионе. Преодоление существующих противоречий и, как следствие, дипломатического кризиса вокруг Катара потребует пересмотра всеми участниками своих позиций по самым острым вопросам, а также участия в их урегулировании региональных и международных посредников.

Источники и литература

1. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Международные отношения в XXI веке. М.: Восток — Запад, 2011. 168 с.

2. Балмасов С.С. Алжир свидетельствует о первой победе Катара над просаудовским блоком // Институт Ближнего Востока. 2017. 20 июля. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=36510> — Дата обращения: 20.08.2017.
3. Барабанов О.Н. Катар как ревизионистская держава: идеология политического ваххабизма // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2017. 3 июля. — Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/katar-revizionistskaya-derzhava/> — Дата обращения: 04.09.2017.
4. Вступительное слово и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Государства Катар Мухаммедом Бен Абдель Рахманом Аль Тани по итогам визита в Катар // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2017. 30 авг. — Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/2847510 — Дата обращения: 09.09.2017.
5. Иванов С.Е. Ближний Восток в мировой политике // Современная мировая политика / Под ред. Е.П. Бажанова. М.: ИТК «Дашков и К°», 2018. С. 237–245.
6. Иванов С.Е. О целях и принципах политики России на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2015. № 1. С. 16–21.
7. Кузнецов А.А. К развитию катарского кризиса // Институт Ближнего Востока. 2017. 20 июня. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=35803> — Дата обращения: 24.08.2017.
8. Кузнецов А.А. К разрастанию конфликта между Катаром и Саудовской Аравией // Институт Ближнего Востока. 2017. 1 июня. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=35263> — Дата обращения: 20.08.2017.
9. Кузнецов А. За что расплачивается Катар? // Фонд стратегической культуры. 2017. 7 июня. — Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2017/06/07/za-chto-rasplachivaetsja-katar-44118.html> — Дата обращения: 28.08.2017.
10. Щегловин Ю.Б. Отсутствие подлинного единства между КСА, ОАЭ и АРЕ делают атаку на Катар бессмысленной // Институт Ближнего Востока. 2017. 29 июня. — Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=36017> — Дата обращения: 27.08.2017.
11. Arab states issue 13 demands to end Qatar-Gulf crisis. // Al-Jazeera. 2017. Jul. 12. — Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/news/2017/06/arab-states-issue-list-demands-qatar-crisis-170623022133024.html> — Дата обращения: 12.09.2017.
12. An official source at the Ministry of Foreign Affairs: the perpetrators of the electronic piracy against Qatar News Agency website will be prosecuted // The State of Qatar's Ministry of Foreign Affairs. 2017. May 24. — Режим доступа: <https://www.mofa.gov.qa/en/all-mofa-news/details/2017/05/24/an-official-source-at-the-ministry-of-foreign-affairs-the-perpetrators-of-the-electronic-piracy-against-qatar-news-agency-website-will-be-prosecuted> — Дата обращения: 27.08.2017.
13. Barnard A., Kirkpatrick D. 5 Arab nations move to isolate Qatar, putting the U.S. in a bind // The New York Times. 2017. June 05. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/06/05/world/middleeast/qatar-saudi-arabia-egypt-bahrain-united-arab-emirates.html?mcubz=3> — Дата обращения: 07.09.2017.

14. *Gargash A.* The UAE view of the GCC crisis: what happened and what happens next? // The Royal Institute of International Affairs «Chatham House». 2017. June 17. — Режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/event/gulf-crisis-why-it-happened-and-what-happens-next> — Дата обращения: 20.07.2017.
15. Kingdom of Saudi Arabia severs diplomatic and consular relations with Qatar // The Kingdom of Saudi Arabia's Ministry of Foreign Affairs. 2017. June 05. — Режим доступа: <http://www.mofa.gov.sa/sites/mofaen/ServicesAndInformation/news/MinistryNews/Pages/ArticleID201765134958689.aspx> — Дата обращения: 15.08.2017.
16. Statement of the Kingdom of Bahrain on the severance diplomatic relations with the State of Qatar // The Kingdom of Bahrain's Ministry of Foreign Affairs. 2017. June 05. — Режим доступа: <http://www.mofa.gov.bh/Default.aspx?tabid=7824&language=en-US&ItemId=7474> — Дата обращения: 14.08.2017.
17. Why demands turned out to be complaints in the Qatari crisis? How Washington became a mediator instead of being one of the side? Where did Qatar succeed and fail? Analysis of 10 demands, that will be at the core of the coming talks. Its chance to be accepted and rejected. // Ar-Rai al-Youm. 2017. June 17. — Режим доступа: <http://www.raialyoum.com/?p=694439> — Дата обращения: 21.08.2017.
18. UAE supports statements of Kingdom of Bahrain and Kingdom of Saudi Arabia on Qatar // UAE Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation. 2017. June 05. — Режим доступа: <https://www.mofa.gov.ae/EN/MediaCenter/News/Pages/05-06-2017-UAE-Qatar.aspx> — Дата обращения: 16.08.2017.
19. *Бажанов Е.П.* Восточный экспресс с остановками на Западе. Записки очевидца. М.: Восток — Запад, 2008. 614 с.
20. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? О тенденциях развития международных отношений в XXI веке. М.: Восток — Запад, 2009. 96 с.

Мюнхенская конференция, 1938 год: эволюция исторических оценок

Munich conference, 1938: the evolution of historical assessments

А.М. Филитов

Филитов Алексей Митрофанович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ.

Аннотация: в статье рассматриваются исторические и историографические оценки событий 1938 г. — Мюнхенского соглашения, мотивы и цели участников, позиция СССР относительно действий западных стран в данном вопросе.

Ключевые слова: Мюнхенское соглашение, Вторая мировая война, исторические оценки, Чехословакия, У. Черчилль, Н. Чемберлен, Э. Даладье, Э. Бенеш.

Abstract: the article deals with historical and historiographical assessments of the events of 1938 — Munich agreement, motives and objectives of its participants, the position of the USSR on the actions of Western countries in this matter.

Key words: The Munich agreement, Second World War, the historical assessment, Czechoslovakia, W. Churchill, N. Chamberlain, E. Daladier.

Первой развернутой оценкой Мюнхенской конференции и ее решений можно считать ту, которая содержалась в докладе Председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотова 6 ноября 1938 г. В нем,

в частности, говорилось: «Руководители английского и французского правительств изображают мюнхенское соглашение Англии, Германии, Франции и Италии как большую победу дела мира, а себя — великими миротворцами. Правда, далеко не все этому верят, и, пожалуй, имеют на это серьезные основания. ...Всмотритесь в действительные факты и станет ясно, что здесь надо говорить, по крайней мере, о двух «победах». ...Два правительства — правительство Англии и правительство Германии — «победили» правительство Франции, добившись отказа Франции от договора о поддержке Чехословакии... Оставалось нетрудное дело, оставалось правительствам четырех государств — Англии, Германии, Франции и Италии — сговориться и «победить» правительство Чехословакии... Сговор фашистских и так называемых демократических держав Европы в Мюнхене состоялся, и «победа» над Чехословакией была одержана полная... Германский империализм отхватил от Чехословакии больше, чем он сам мог рассчитывать. Поживилась Польша, как союзник германского фашизма по расчленению Чехословакии. С жадностью откусила солидный кусок Венгрия. Это не значит, что аппетиты малых и больших хищников Европы удовлетворены. Напротив, их, эти аппетиты, только разожгли еще больше и возбудили усиленную борьбу вокруг новых разделов не только Чехословакии, но и некоторых других европейских стран» [1: 253–254].

Была ли эта оценка достаточно адекватной? Безусловно, да, если иметь в виду политико-прогностический ее компонент: Мюнхен действительно не послужил делу мира, а ускорил дрейф к мировой войне, причем первыми ее жертвами стали как раз те страны, чьи правительства так или иначе участвовали в мюнхенском переделе европейских границ — Польша, Франция, Англия. Менее однозначно выглядит ее исторический компонент. Было ли оказано со стороны правительств Франции и Чехословакии сопротивление мюнхенцам, которое оправдывало бы тезис о «победе» последних? Каковы были мотивы этих «победителей»? Эти естественные вопросы оставались без ответа; вероятно, играли роль политические соображения: в советском руководстве еще не оставили надежд на создание единого фронта против гитлеровской агрессии с привлечением западных держав (особенно Франции), и в связи с этим говорить об антисоветской направленности их политики (а это и был ее, этой политики, главный мотив) представлялось контрпродуктивным.

Эти конъюнктурные соображения со временем утратили свою силу. Последовавшая корректировка оценок ярко отразилась в появившемся в победном 1945 г. третьем томе «Истории дипломатии», где предыстории и истории Мюнхена были посвящены три обширных главы [2: 554–646]. Хотя в качестве их автора фигурировала А.М. Панкратова, в тексте чувствовалась «рука» главного редактора издания, В.П. Потемкина. Накану-

не войны он занимал пост замнаркома иностранных дел, курируя европейское направление, и располагал богатым опытом общения с западными дипломатами и знакомства с мировыми СМИ, что, несомненно, отразилось на содержании данных глав, хотя речь не шла ни о воспоминаниях, ни об использовании служебных документов НКВД (и то и другое в условиях того времени было бы сочтено преступным разглашением гостайны). В чем же состояли главные черты «потемкинской» интерпретации событий предвоенного времени?

В тексте молчаливо был снят тезис о «победе» Великобритании над Францией: как было убедительно показано, ведущие французские политики (премьер Э. Даладье и особенно министр иностранных дел Ж. Бонне) не уступали британским коллегам (Н. Чемберлену и Э. Галифаксу) в стремлении к сговору с Гитлером. Зато была подчеркнута роль оппозиции капитулянтскому курсу со стороны французских военных, и такой же оппозиции в Англии со стороны У. Черчилля и его единомышленников. Здесь явно отразились установки, возникшие в период деятельности антигитлеровской коалиции.

Оставался тезис о «победе над Чехословакией», однако между строк давалось понять, что ее правительство проявило слабость, не призвав народ к сопротивлению: «Народ и армия в Чехословакии решительно отвергали капитуляцию. За уступку требованиям Гитлера, поддержанным правительствами Англии и Франции, стояла лишь влиятельная чешская партия аграриев во главе с премьер-министром М. Годжа. Ультиматум союзников подвергся обсуждению на заседании пражского кабинета. 21 сентября было вынесено решение о капитуляции» [2: 635]. Роль «первого лица» в чехословацкой политике — президента Э. Бенеша — явно затушевывалась, хотя было хорошо известно, что именно ему принадлежало последнее слово в принятии политических решений, в том числе и решения о капитуляции. Причина такого щадящего подхода очевидна: Бенеш в 1945 г. был действующим политиком, вернувшимся вновь после эмиграции на пост, который он занимал до событий 1938 г. Он сотрудничал с коммунистами, возглавившими правительство, декларировал дружбу с СССР, стоило ли вспоминать его прежние грехи?

В «потемкинском» томе четко говорилось о мотивах «мюнхенцев», вернее, «мюнхенца № 1» — британского премьера Чемберлена. Будучи «одним из магнатов английского финансового капитала», он был «упрямым сторонником мира во что бы то ни стало», поскольку «для людей такого склада европейская война означала прежде всего ущерб для их собственных торговых и банковских интересов на континенте». Другим мотивом политики «умиротворения» фашистской Германии называлась убежденность Чемберлена в том, что существует «красная опасность», а потому

«Гитлер, провозглашавший «крестовый поход против большевизма», был в глазах Невилла Чемберлена не национальным врагом Англии, а классовым союзником» [2: 606]. С позиции сегодняшнего дня такая сугубо марксистская трактовка британской политики может показаться несколько односторонней: наверняка враждебность к СССР как преемнику Российской империи имела более глубокие исторические корни.

Британский премьер оказался единственным историческим персонажем, которому был посвящен специальный «биографический» раздел в тексте, однако должную отповедь получали и проводившие его политику дипломаты. Достаточно подробную характеристику получил эпизод с посылкой в ноябре 1937 г. в Германию «особой миссии во главе с виконтом Галифаксом». Указывалось, что британский эмиссар имел беседы с Гитлером и Герингом, которые «настаивали на возвращении Германии ее колоний». Они, однако, «обещали не поднимать этого вопроса в течение шести лет, если только Англия «учтет интересы» Германии в Австрии и Чехословакии. Галифакс не только не возражал, но вполне определенно обещал проводить политику «невмешательства» Англии при осуществлении планов Гитлера в Центральной Европе» [2: 607–608]. Когда писалось первое издание «Истории дипломатии», еще не была известна официальная запись переговоров Галифакса с Гитлером 19 ноября 1937 г. Она была обнаружена в трофейных немецких документах и опубликована в СССР в 1948 г. Ее содержание еще сильнее компрометировало посланца из Лондона: как оказалось, не Гитлер проявил инициативу в определении «интересов» Германии, а английский дипломат сам добровольно буквально подсказывал фюреру направление и последовательность экспансии — Австрия, Чехословакия, Польша. Кроме того, Гитлеру предлагалось участие в совместном с Великобританией, Францией и Италией управлении европейскими делами. Это была программа, по сути, предвосхищавшая то, что произошло менее чем год спустя в Мюнхене. Многие о политике Великобритании говорили и высказанные Галифаксом в самом начале беседы комплименты фюреру за то, что «в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма». Согласно подлинной записи беседы, Гитлер выражал готовность «переждать два-три года, если в настоящее время тот или иной вопрос является слишком сложным», а не «шесть лет», причем он не конкретизировал, о каких именно вопросах идет речь [1: 35–46].

В 1948 г. вышла и первая крупная исследовательская работа о мюнхенской политике, принадлежавшая перу видного британского историка Дж. Уилера-Беннета и не потерявшая своего значения до настоящего времени. Знакомство с ней дает основания для несколько неожиданного вы-

вода: концепция автора, явно симпатизировавшего консерваторам, обнаруживает столь же явные параллели с положениями советской «Истории дипломатии». В ней категорически отвергалась точка зрения о Франции как «жертве» англо-германских «победителей»: «Г-н Даладье искал самый легкий способ, чтобы сдать, и успокоил свою совесть решением сдать не прямо Гитлеру, а г-ну Чемберлену. Таким образом, он снял с себя ответственность. С прискорбным отсутствием смелости он возложил всю тяжесть переговоров на Британию» [3: 103]¹. Что касается политики Чехословакии, критика, как и в советском труде, обращалась против премьера Годжи (а также и его преемника, генерала Я. Сыровы) при гораздо более мягкой оценке Э. Бенеша. Мотив был, видимо, также продиктован политическими соображениями, хотя и прямо противоположными: на Западе к 1948 г. на президента послевоенной Чехословакии еще возлагали большие надежды в плане противостояния премьеру-коммунисту и коммунистическому влиянию вообще, так что и историческая оценка его прежней деятельности должна была быть соответствующей.

Так же как и в советском труде, мишенью наиболее жесткой критики Уилер-Беннета была фигура британского премьера Н. Чемберлена. Разумеется, марксистский вокабуляр для объяснения его приверженности политике «умиротворения» британскому историку был чужд, вместо этого говорилось о «наивности» премьера, помешавшей разобраться в подлинных намерениях Гитлера, его искреннем «пацифизме», коренившемся в приверженности «христианским ценностям», некоем неумеренном «демократизме» — в том смысле, что он точно отражал настроения общественности, которая не желала повторения ужасов Первой мировой войны. Присутствовала и другая, в известной степени противоположная трактовка его личности и политики: осознавая истинный характер нацистского экспансионизма, он якобы старался уступками агрессору выиграть время, необходимое для создания контрсилы для противостояния ему. Картина получалась достаточно противоречивой. Эта противоречивость еще более усиливалась, когда автор приводил факты, из которых следовало, что Чемберлен не просто «уступал» Гитлеру, когда соглашался на расчленение Чехословакии, а сам был, по сути, инициатором этого

¹ Автор Дж. Уилер-Беннет, хотя в отличие от Потемкина не имел отношения к дипломатической практике, был лично вовлечен в события, связанные с мюнхенской политикой, правда, скорее с ее последствиями: он стал одним из основателей фонда поддержки чешских граждан, бежавших из областей, которые по условиям Мюнхенского соглашения передавались Германии; по делам фонда он посетил Прагу и столкнулся с резко отрицательным отношением властей к его деятельности: новое руководство «оставшейся Чехословакии» готовилось к насильственной депортации беженцев на прежнее место жительства; фактически речь шла об их выдаче гестапо.

решения. Речь шла, в частности, о высказываниях британского премьера на встрече с рядом корреспондентов американских газет 12 мая 1938 г. еще задолго до Мюнхена и до возникновения приведшего к нему международного кризиса. Суть их сводилась к тому, что «немецкую окраину Чехословакии следует отдать Гитлеру, после чего будет заключен пакт четырех держав для поддержания мира в Европе, участниками которого будут Великобритания, Франция, Германия и Италия, при исключении России» [3: 52]. Фактически это был тот план, который ранее был сформулирован Галифаксом и стал основой Мюнхенского соглашения, только что сговор четырех держав не был оформлен в виде формального «пакта». Информация об этих высказываниях Чемберлена была опубликована только в американской прессе, английская обошла ее молчанием. Приговор Уилер-Беннета однозначен: встреча была, и точка зрения Чемберлена воспроизведена правильно (в советской «Истории дипломатии» этот эпизод также нашел свое отражение [2: 627]).

Роль «героя» в концепции Уилер-Беннета принадлежит У. Черчиллю, который с группой единомышленников (А. Иденом, Даффом Купером и др.) представлял оппозицию Чемберлену в правящей консервативной партии и был решительным противником мюнхенского сговора. Позитивная оценка этой группы вполне оправдана (она присутствует и в «Истории дипломатии»), чего нельзя сказать о подспудной тенденции преувеличить ее влияние и круг ее сторонников. При чтении книги британского автора возникает впечатление, что Чемберлен несет чуть ли не единоличную ответственность за мюнхенскую политику, а сама эта политика возникла ситуативно — в виде ответа (как признается, неудачного) на спровоцированный Гитлером судетский кризис. В этом отношении показательно описание Уилер-Беннетом упоминавшейся выше миссии А. Галифакса: «10 ноября 1937 г. лорд-председатель Совета прибыл в Берлин с вехом министра иностранных дел, но без одобрения с его стороны. Первый контакт лорда Галифакса с Герингом в его замке Каринхалле прошел в дружеской и любезной атмосфере. Геринг откровенно заявил своему гостю, что любое германское правительство, какой бы политической окраски оно не было, будет считать существенным элементом своей политики возвращение Данцига при разумном разрешении вопроса о польском коридоре. На это лорд Галифакс недвусмысленно заметил, что британское правительство желает, чтобы все вопросы, касающиеся Германии и ее соседей, решались мирными средствами. Интервью с Гитлером, состоявшееся 19 ноября, было более важным событием. Последовала дискуссия, в ходе которой лорд Галифакс пытался осторожно выяснить, чего хочет Гитлер, подчеркивая тот факт, что Британия не может не быть заинтересована в судьбе Центральной Европы. Были очерчены возможно-

сти англо-германского взаимопонимания и намечена более широкая цель достижения соглашения четырех держав по широкому кругу европейских вопросов. Когда дискуссия коснулась Центральной Европы, лорд Галифакс повторил Гитлеру то, что он говорил Герингу, а именно, что Британия озабочена тем, чтобы любые изменения достигались мирными средствами, а не в таком модусе, который вызвал бы международные осложнения и беспорядки» [3: 18]. Выходило, что британский эmissар предостерегал Гитлера от агрессии, а не стимулировал ее, как это имело место на самом деле. В оправдание британскому историку можно привести тот факт, что в период написания своей книги он не имел в своем распоряжении инкриминирующей Галифакса официальной записи этой беседы (опубликованной впервые, как уже упоминалось, в 1948 г.). При переиздании книги в 1963 г. она также не нашла отражения в тексте. Шла ли речь о недоверии к немецкому протоколисту или к советским публикаторам — трудно сказать.

Забегая вперед, отметим: когда стали доступными английские документы, касающиеся визита Галифакса в Германию, выяснилось, что его высказывания в ранее известной немецкой записи переданы абсолютно точно; в ней опущено только кое-что из того, что говорил Гитлер; чиновники из Вильгельмштрассе, очевидно, постеснялись, к примеру, воспроизвести данную им рекомендацию Галифаксу (бывшему вице-королю Индии) по решению тамошних проблем: «расстрелять Ганди», еще «дюжину руководителей Конгресса», «еще двести и так далее, пока не будет восстановлен порядок»; реакции со стороны собеседника не последовало [4: 40].

Рассекречивание документов, относящихся к генезису и событиям Мюнхенской конференции, началось в Великобритании с 1968 г. — по миновании предписанного законодательством 30-летнего срока их полной закрытости. В СССР, как уже упоминалось, этот процесс начался двадцатью годами ранее с публикации трофейных немецких документов и продолжился с появлением к 20-й годовщине Мюнхена документального сборника советских первоисточников по этому сюжету [5, 6, 7]. Предавание гласности весьма «чувствительной» и ранее неизвестной информации о политике ведущих мировых держав в ходе международного кризиса 1938 г. проходило в условиях обострения холодной войны. Если в монографии Уилер-Беннета позиция Советского Союза характеризовалась как «безупречная», подчеркивалась его готовность прийти на помощь Чехословакии в соответствии с условиями двустороннего договора 1935 г., то впоследствии с возрастающей интенсивностью стали муссироваться тезисы о «неясности» советской позиции, о тенденции советской дипломатии «отстраниться» от германо-чехословацкого конфликта и т.д. Одним из источников для обоснования этих тезисов стали высказывания чехос-

ловацких эмигрантов «первой волны» — лиц, которые некогда входили в ближайшее окружение Бенеша и после февральских событий 1948 г. предпочли покинуть страну. К примеру, Я. Смутный, руководитель личной канцелярии Бенеша, так передавал его высказывания, относящиеся к июлю 1943 г.: «Русские никогда не высказывают свое окончательное мнение, они лишь вежливо улыбаются... Они вели себя так по отношению к нам во время Мюнхена, никогда ничего ясно не говорили, никогда ничего не хотели подписывать... Я никогда не буду говорить об этом открыто, но факт, что русские в 1938 г. нам никогда не говорили, что придут к нам на помощь» [8: 244].

Жесткий отпор этим измышлениям был дан в новом издании советской «Истории дипломатии», где на основании рассекреченной переписки между НКВДом и полпредом СССР в Чехословакии С.С. Александровским было убедительно показано, что СССР был готов безоговорочно выполнить союзнические обязательства по противостоянию агрессору [9: 736–737]. В ряде последовавших исследовательских работ обоснованной критике подвергались новые попытки бросить тень на советскую политику. Речь идет, среди прочих, о версии, согласно которой советский ответ на запрос Бенеша о помощи, переданный через советского полпреда 19 сентября 1938 г., хотя и был положительным, поступил с большим опозданием только 21 сентября, из-за чего правительство ЧСР было вынуждено принять англо-французский ультиматум о передаче Судетской области Германии. В действительности, однако, сообщение о советском ответе было доведено до сведения чехословацкой стороны 20 сентября, причем сразу по двум каналам. Была отправлена телеграмма Александровскому, который позвонил Бенешу в то время, когда шло заседание правительства, где обсуждался ответ на западный ультиматум. К тому же о позиции советского правительства был проинформирован посол Чехословакии в СССР Э. Фирлингер, который также отправил соответствующую депешу в Прагу. Она была отправлена в 17:30, поступила в Прагу в 19:37 и была расшифрована в 20:20 [10: 62, 91]. Возможно, как раз своевременное получение этой информации обусловило первоначальное отклонение Прагой западного диктата.

Следует сказать, что по некоторым вопросам, связанным с мюнхенской трагедией, среди современных российских историков имеют место острые дискуссии. Это относится, в частности, к вопросу о том, был ли Советский Союз готов оказать военную помощь Чехословакии в одиночку, выходя таким образом за рамки обязательств по советско-чехословацкому договору (согласно данному документу такая помощь могла быть предоставлена при условии, что ее окажет также и Франция). Однозначно положительный ответ на этот вопрос, который давался в упомянутом втором

издании «Истории дипломатии» [9: 738], был оспорен С.З. Случем, несогласие с точкой зрения которого в свою очередь высказал М.И. Мельтюхов. В обзорной работе, посвященной происхождению Второй мировой войны, позицию последнего поддержал А.В. Шубин. Приведенная им аргументация вполне убедительна [11: 281–282]. Ее дополнил В.С. Христофоров, обратив внимание на высказывание Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина о том, что советско-чехословацкий договор «не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции» [12: 29]¹. Еще ранее С.И. Прасолов обнаружил в пражском архиве (где он работал, будучи сотрудником советского посольства в ЧССР) свидетельства бывшего командующего чехословацкой военной авиацией Я. Файфра, которые наглядно опровергали домыслы о якобы неготовности советской стороны к практическому сотрудничеству в военной области. Я. Файфр, в частности, заявлял: «Когда мы в связи с мобилизацией в сентябре 1938 г. прибыли со штабом в Моравию, сюда прилетел заместитель командующего советскими военно-воздушными силами и вел переговоры со мной о том, что СССР был готов усилить нашу авиацию 700 самолетами с экипажами. Мы охотно приняли это предложение, определили, какие аэродромы будут в их распоряжении, а генерал Вяхирик облетел с ним аэродромы и позиции противовоздушной обороны» [10: 68–69].

Единственное, что требовалось от Праги, — это четко и недвусмысленно запросить Москву о помощи. Этого не произошло. В свете новых документов в советской историографии была значительно усилена критика в адрес чехословацких властей, включая тогдашнего президента республики (напомним, ранее вопрос о его личной позиции дипломатично обходился молчанием). В упомянутом втором издании «Истории дипломатии» недвусмысленно констатировалось: «Что же касается Советского Союза, то Бенеш не хотел прибегать к его помощи и не проявлял никакого желания привлечь СССР к участию в переговорах... Правительство Бенеша — Годжи думало не об организации защиты страны, а о том, как скрыть от народа свою капитулянтскую позицию перед немецко-фашистскими агрессорами и их англо-французскими пособниками... Документы подтверждают, что правительство Бенеша — Годжи, исходя из узкоклассовых интересов, не захотело воспользоваться советской помощью и пред-

¹ Мнение о том, что это высказывание «было предназначено для внутреннего потребления и никаких последствий на дипломатическом уровне не имело», трудно признать обоснованным. См.: Случ С.З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 г.: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность: Материалы международной научной конференции, Москва, 15–16 октября 2008 г. / Ред. Н.С. Лебедева. М.: Волос, 2009. С. 125.

почло пожертвовать национальными интересами чехословацкого народа и государства. Капитулировав, оно выдало страну Гитлеру» [9: 728, 739].

Сам Бенеш, когда пытался объяснить свой отказ от принятия советской помощи непосредственно советским собеседникам, никогда не ссылался на «неясность» политики СССР или на физическую невозможность советско-чехословацкого военного сотрудничества. Известны два случая обсуждения этой проблемы: с В.М. Молотовым во время его визита в Великобританию 9 июня 1942 г., а также со Сталиным и Ворошиловым 11 декабря 1943 г., после подписания советско-чехословацкого договора о дружбе и послевоенном сотрудничестве. В ходе первой беседы Бенеш провел аналогию между своим решением отказаться от военного сопротивления Гитлеру и решением советского руководства пойти на договор о ненападении с Германией в августе 1939 г. Согласно сделанной им записи беседы, он заявил: «Почему я не хотел, чтобы мы только вместе с ними (т.е. с советским союзником. — А.Ф.) начали в 1938 г. войну, сказал, что проблема была та же, что и в 1939 г.; Запад мог бы, предав нас, в 1938 г. спровоцировать посредством конфликта между нами и Германией войну против Советского Союза. Я это должен был предотвратить любой ценой, поскольку уже в 1938 г. я был уверен, что война начнется и что это должна быть война против Германии на двух фронтах. Иначе она не могла быть выиграна. Молотов с этим живо согласился» [8: 243]. В советской записи беседы этот фрагмент беседы отсутствует [13: 260–262]. Очевидно, советский собеседник не имел в виду вступать в бесплодную полемику с Бенешем, который в это время был союзником СССР по антигитлеровской коалиции. Однако сомнительно, чтобы он «живо согласился» с претензией Бенеша на роль чуть ли не спасителя мира. Аналогия Мюнхена с договором 1939 г. весьма искусственна: Советский Союз пошел на его заключение ввиду нежелания западных держав идти на сотрудничество, а чехословацкое руководство пошло на капитуляцию, несмотря на готовность советской стороны оказать Чехословакии любую, в том числе военную помощь.

Содержание второй беседы известно по записи Я. Смутного: «Сталин заговорил о Мюнхене и атаковал Бенеша (вопросом), почему мы не сражались в сентябре 1938 г. Д-р Бенеш был несколько удивлен, но с улыбкой попытался объяснить, что представлял собой Мюнхен... Сталин использовал мюнхенское интермеццо (в разговоре), чтобы похвалить чехословацкую армию. Ворошилов помог ему. Ваша армия, сказал он, была лучше, чем польская, была лучшей в Центральной Европе. Сталин добавил, но вы нас боялись. Тем самым он хотел сказать: боялись большевиков. Бенеш парировал: если бы вас боялись, так сегодня я не был бы здесь. Он объяснил Сталину, почему мы не начали войну. Он хотел войны, но вой-

ны на двух фронтах. Война исключительно с вашей, русской помощью, была бы войной лишь на одном фронте, остальная Европа только пассивно ассистировала бы и даже, возможно, помогала бы Германии. Сталин и Ворошилов слушали с иронической усмешкой, свидетельствующей, что у них иное мнение об этом». Очевидно, возражение советских собеседников вызвал тезис Бенеша, прямо не высказанный, но подразумевавшийся, о том, что даже соединенные силы СССР и ЧСР в 1938 г. не смогли бы противостоять вермахту. Поэтому они в виде намека пригласили чехословацких гостей на просмотр кинофильма, где демонстрировалась мощь Красной Армии того времени. Смутный продолжил свою запись воспроизведением высказываний Бенеша после его возвращения в Лондон, согласно которым «каждый остался при своем» [8: 241–242].

Наиболее полные данные о стратегическом развертывании советских вооруженных сил накануне Мюнхена, представленные на международной конференции по случаю 70-летия Мюнхена, подтверждают обоснованность точки зрения о возможности вооруженного отпора Гитлеру [14: 217–252].

Неожиданный поворот в дискуссию, которая последовала после событий августа 1968 г., внесли два чешских историка из «второй волны» эмиграции — И. Пфафф и И. Лукес. Они утверждали: да, СССР намеревался и был готов выступить с военной поддержкой Чехословакии в 1938 г., но с единственной коварной целью — ее «советизации» [15, 16]. В ход пошли фантастические «доказательства»: якобы в августе 1938 г. в Праге состоялось тайное заседание ЦК компартии Чехословакии с участием Г. Поллита (от компартии Великобритании), М. Кашена (от компартии Франции) и А.А. Жданова (от ВКП(б), где обсуждались вопросы взятия власти коммунистами, а в сентябре с той же целью туда прибыл генсек Коминтерна Г. Димитров. Опровергнуть эти утверждения оказалось делом нетрудным, что и продемонстрировал их коллега, М. Гаунер, указавший на то, что в тот день, когда состоялось пресловутое «пражское» заседание, А.А. Жданов присутствовал на сессии Верховного совета в Москве, а Димитров весь сентябрь провел на отдыхе на Кавказе [17: 39–77]. М. Гаунер обоснованно отметил, что ни Пфафф, ни Лукес не работали в российских архивах, а потому все их рассуждения относительно целей и характера советской политики — чисто спекулятивные. Определенным завершением дискуссии по этому поводу можно считать вывод, который сделал канадский историк М. Карлей на основании широкого анализа как западных источников, так и фондов Архива внешней политики Российской Федерации, о том, что только СССР сохранил «чистые руки» в ходе дипломатической борьбы, предшествовавшей Мюнхену [18].

В последнее время оживились попытки представить Мюнхенское соглашение как разумный компромисс, «победу» тех сил и личностей в

правлящих кругах стран-подписантов, которые представляли «умеренную альтернативу» как воинственному настрою Гитлера, так и капитулянтскому курсу Чемберлена. В роли «миротворца» с немецкой стороны фигурирует «нацист № 2» Г. Геринг, который якобы из-за своего стремления избежать военного конфликта даже попал в опалу и навсегда утратил свой политический вес [19: 123]. На роль же руководителя некоего «мятежа», поднятого внутри британского правительства против чрезмерных уступок Гитлеру, выдвигается фигура Галифакса, того самого, который едва ли не первый сформулировал мюнхенский «сценарий» [20: 37–95, 4: 334–338, 359–360, 21¹]. На деле расхождения мнений в политическом руководстве каждой из сторон если и имели место, то касались лишь вопросов тактики и не влияли на конечный исход переговоров, приведших к мюнхенскому сговору. О каком «миротворчестве» со стороны Геринга можно говорить, если он откровенно говорил британским партнерам о намерении захватить всю Чехословакию, причем еще даже до того, как эту цель сформулировал сам фюрер? [19: 46]. Что касается особой «антимиротворительской» позиции, которую будто бы представлял Галифакс, то в качестве доказательства приводится данный им во время пребывания премьера в Годесберге (на второй встрече с Гитлером, 22–23 сентября) сигнал правительству Чехословакии о проведении всеобщей мобилизации. Такой сигнал действительно имел место и был услышан в Праге (кстати, этот эпизод наглядно показал степень зависимости правительства Бенеша от западных «покровителей»: для проведения меры, необходимой с точки зрения национальной обороны, ему понадобилось «разрешение» из Лондона!), однако он никак не повлиял на ход англо-германских переговоров. Один из историков, придерживающихся версии о «мятежнике» Галифаксе, выражает удивление по поводу его нерешительности в противостоянии Чемберлену [20: 92]. Законен, однако, вопрос: а было ли вообще такое противостояние? Имеет место точка зрения, что указание о посылке Праге сигнала о мобилизации было дано самим Чемберленом из гостиницы по телефону [11: 288]. Такое нельзя исключать, учитывая довольно интенсивный обмен звонками между Годесбергом и Лондоном, в ходе которого использовались, возможно, кодированные комбинации слов.

С другой стороны, трудно согласиться с мнением, что и в Годесберге, и в Мюнхене Гитлер шел на «уступки», которые в свою очередь были следствием «твердости» западных переговорщиков. Как выглядела фактиче-

¹ Странники данной версии опираются, как правило, на появившуюся в начале 1990-х гг. биографическую работу о Галифаксе. См.: Roberts A. «The Holy Fox». A Biography of Lord Halifax. London, 1991.

ская канва событий, закончившихся Мюнхенским сговором? Во время первой встречи в Берхтесгадене 15 сентября Чемберлен выразил лишь общее и притом личное согласие с принципом передачи Судетской области Германии, в промежутке между первой и второй встречами добился согласия на это своего кабинета и Праги и 22 сентября прибыл в Годесберг с планом, согласно которому конкретное прохождение будущей границы и временные рамки ее установления должна решить смешанная трехсторонняя комиссия (из представителей Германии, ЧСР и «нейтральной» стороны, под которой, видимо, понималась Великобритания). Однако с немецкой стороны там была представлена уже готовая карта с новыми границами и названы односторонне определенные сроки передачи территорий. Кроме того, Гитлер выдвинул дополнительные условия об удовлетворении претензии к ЧСР со стороны Польши и Венгрии. Считать уступкой то, что Гитлер зачеркнул слово «требования» и написал «предложения», очевидно, неправомерно. Это относится и к зафиксированному в Мюнхенском соглашении переносу на 10 дней процесса полной оккупации рейхом отторгаемых областей Чехословакии. На наш взгляд, очень точно охарактеризовал траекторию и характер переговорного процесса от Берхтесгадена к Годесбергу и Мюнхену У. Черчилль: «Под дулом пистолета потребовали фунт стерлингов. Когда его отдали, потребовали два — опять-таки под дулом пистолета. В конце концов, диктатор согласился удовольствоваться одним фунтом, 17 шиллингами и 6 пенсами плюс заверения доброй воли в придачу» (намек на декларацию, которую Чемберлен подписал с Гитлером перед отлетом в Лондон) [20: 94]¹.

Остаются ли какие-то невыясненные или не до конца выясненные вопросы, относящиеся к истории и предыстории Мюнхена? На наш взгляд, да.

Один из них касается той национальной группы, которая стала разменной монетой в империалистической политике держав, подписавших Мюнхенское соглашение. Речь идет о судетских немцах. Об их положении в рамках межвоенной Чехословакии существуют различные точки зрения среди историков, в том числе и отечественных. Если в первом издании «Истории дипломатии» этот вопрос вообще по сути обходился, а во втором категорически утверждалось, что «немецкое население не подвергалось какой-либо дискриминации» [9: 721], то автор одного из первых российских исследований по данной теме занимает менее однозначную позицию: «С одной стороны, налицо были ущемления прав неславянских национальностей в области национальной культуры, школьного дела, упо-

¹ В одном фунте содержалось 20 шиллингов, в одном шиллинге — 12 пенсов; названные количественные параметры выигрыша Гитлера и проигрыша «умиротворителей», разумеется, носили метафорический характер.

требления национальных языков. С другой стороны, эти проявления происходили на неформальном, неофициальном уровне» [22: 75]. Эта точка зрения представляется более близкой к реальности, однако она не отвечает на вопрос, почему судетские немцы в большинстве своем поддержали Судетско-немецкую партию (СНП) во главе с К. Генлейном, идеологически близкую к национал-социалистам рейха, почему не удалась попытка судето-немецких социал-демократов, которые в 1920-е гг. пользовались наибольшей популярностью в немецкой диаспоре, создать совместно с «Немецкой христианско-социальной партией» (НХСП) и «Крестьянским союзом» (КС) общую платформу борьбы за национальное равноправие в рамках существующей государственной структуры (использование немецкого языка в госучреждениях, прием немцев на работу в местную администрацию, субсидии немецким предпринимателям). В поисках ответа на этот вопрос указывалось на фактор отсутствия единства и потери ориентации в руководстве судето-немецкой социал-демократии как на одну из причин ее политической неэффективности: сторонники прежнего лидера Л. Чеха восприняли его отстранение от руководства как антисемитскую акцию и интриговали против ее нового лидера В. Якша, а последний в свою очередь пытался наладить, впрочем безуспешно, контакт с лицами из окружения Генлейна [23]. Вероятно, эти сложные процессы в среде судето-немецких социал-демократов играли свою роль, но все же не главную. Большее значение, видимо, имело значительное превосходство СНП в материальном обеспечении, обусловленное тем фактом, что, начиная с 1934 г., она стала получать крупные финансовые вливания со стороны Германии. Действовал и еще один важный фактор: на улучшение имиджа СНП и Генлейна работала не только нацистская пропаганда, но и британские спецслужбы. В июле 1935 г. контакт с Генлейном установил капитан (по другим данным — полковник) Грэхэм (по другим данным — Малкольм) Кристи, бывший военно-воздушный атташе в Германии; он неоднократно организовывал Генлейну визиты в Великобританию, в ходе которых тот успешно дезинформировал общественных деятелей и политиков (в том числе и оппозиционных, включая Черчилля) относительно характера и целей его движения [24]. Распространена точка зрения о «провале» английской разведки в оценке военного потенциала Германии (его безмерное завышение), относится ли эта характеристика к оценке ею СНП и насколько вообще отражают реальность эти оценки? Вопросы остаются.

Еще один спорный вопрос касается так называемого майского кризиса 1938 г. Немецкий автор, посвятивший этому сюжету специальное исследование, насчитал с десяток версий того, каким образом возникло представление о предстоявшем немецком нападении на Чехословакию в условиях, когда конкретных планов такого рода в тот момент в действитель-

ности еще не существовало. В числе этих версий: ошибка чехословацкой разведки, сознательная провокация со стороны Германии — своего рода тест с целью выяснить реакцию международного сообщества, — и «советская интрига» с целью перессорить между собой все государства Европы (здесь опять заявил о себе упомянутый выше мифотворец И. Лукес) [25]. Вероятно, тезис о немецкой провокации ближе всех к истине: первое упоминание о продвижении частей вермахта к чехословацкой границе (с чего и начался кризис) появилось в немецкой прессе, находившейся под жестким контролем цензуры, которая, конечно, не допустила бы раскрытия военной тайны, если бы таковая имела место быть. Тест с точки зрения нацистских планировщиков получился вполне удовлетворительный: как отмечал еще Уилер-Беннет, «майский кризис обнаружил существенно слабое место в едином фронте, который, как надеялись, будет образован против германской агрессии. В ответ на запросы французов в Бухаресте и Варшаве относительно того, до какой степени с их стороны можно ожидать помощь Чехословакии, выяснилось, что ни Румыния, ни Польша не разрешат прохода русских войск или пролета русских самолетов через свою территорию на помощь чехам. Румынское правительство отказалось принимать какие-либо меры без предварительной договоренности с Польшей, а в Польше полковник Бек разоблачил себя как добровольный сообщник Гитлера. Польша, ослепленная прежней ненавистью, желала распада Чехословакии, считая, что это откроет путь к удовлетворению ее собственных амбиций» [3].

Обстановка холодной войны сильно сказалась на трактовке еще одной проблемы, относящейся к мюнхенской политике, — о позиции США. Если в первом издании «Истории дипломатии» давалась довольно убедительная картина противостояния сторонников и противников отпора гитлеровским притязаниям (в числе первых фигурировали послы США в Берлине и Москве У. Додд и Дж. Дэвис, выразителем промюнхенской, антисоветской группы назывался посол во Франции У. Буллит [2]), причем отмечалась сложность положения президента Ф. Рузвельта, вынужденного считаться с влиянием изоляционистов, то во втором издании этого труда картина подавалась в нарочито монохромном виде. Утверждалось однозначно, что «в правящих кругах США одобряли англо-французскую политику сговора с Германией за счет Чехословакии, а также устранения СССР от решения вопросов европейской политики» [9]¹. Основанием для такого вывода по-

¹ Характерно само название посвященной Мюнхену главы в книге «История дипломатии»: «Захват Австрии и мюнхенский сговор империалистических держав (1938 г.). Политика поощрения фашистской агрессии со стороны Англии, Франции и США». Том 3 «Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы». С. 711–742.

служил факт внесения Рузвельтом предложения о созыве международной конференции по разрешению судетского кризиса, в числе участников которой «СССР не был назван». Дело, однако, в том, что в тексте американского предложения вообще не было конкретного указания на круг участников, говорилось лишь об участии «всех стран, непосредственно заинтересованных в разрешении конфликта». По этому вопросу последовало уточнение: «Сегодня (28 сентября. — А. Ф.) секретарь Рузвельта сообщил, что Рузвельт, предлагая Гитлеру созвать конференцию «непосредственно заинтересованных держав», имел в виду Чехословакию, Германию, Польшу, СССР (подчеркнуто нами. — А. Ф.), Францию, Англию, Венгрию и Италию». Сообщение об инициативе американского президента и последующее уточнение были опубликованы со ссылкой на ТАСС в газете «Известия» 29 сентября 1938 г. Под рубрикой «В Наркоминделе» в том же номере «Известий» было помещено заявление «от имени Правительства СССР», которое было передано Поверенному в делах США А. Кэрку заместителем наркома В.П. Потемкиным и в котором говорилось о готовности «поддерживать выдвигаемое Правительством США предложение о созыве международной конференции и принять в последней активное участие». Таким образом, оценки, данные в первом издании «Истории дипломатии», были ближе к реальности.

Между тем, в недавней публикации известного российского историка-американиста А.Ю. Борисова вновь фигурирует тезис об исключении СССР из числа участников предлагавшейся Рузвельтом конференции, а сам американский президент ставится практически на одну доску с мюнхенцем Чемберленом [26]. Можно согласиться с предупреждением автора против «идеализации» Рузвельта на основании положительного опыта сотрудничества с ним в период Великой Отечественной войны, но не повлиял ли на сугубо жесткую оценку его предыдущей деятельности отрицательный опыт нынешних российско-американских отношений? Разумеется, действия США в период международного кризиса 1938 г., включая и упомянутые инициативы по созыву международной конференции, вызывают много вопросов. Почему они последовали так поздно? Почему советскому правительству не было вручено официального приглашения? В конце концов, насколько точно переданы корреспондентом ТАСС высказывания «секретаря Рузвельта»? Вопросы и сомнения вполне оправданы, но это — повод для дискуссии, а не для окончательных выводов.

Еще один дискуссионный вопрос — о том, насколько на решения «мюнхенцев» влияло состояние общественного мнения и массового сознания в их странах? А.В. Шубин отвечает на него буквально двумя фразами: «... Политики думали не только о чисто военной стороне дела, но и о настроениях своего электората. Жители Западной Европы и думать не хотели о

мобилизации, бомбежках, новых финансовых тяготах» [11]. Автор подсказывает читателю однозначный вывод: идя на сговор с агрессорами, руководители Англии и Франции всего лишь исполняли волю своих народов. Ликующие толпы, которые встречали Чемберлена и Даладье по их возвращении из Мюнхена, — факт, который, казалось бы, этот вывод подтверждает. Однако, по нашему мнению, этот вывод слишком поспешен. Он игнорирует огромное воздействие на общественность правительственной пропаганды, распространяемой через формально «независимые» СМИ. Анализ этого феномена — одна из самых сильных сторон в недавнем солидном труде британского историка, пожалуй, второго по значимости после книги Уилер-Беннета. Вот лишь некоторые приводимые им факты: «Чемберлен создал самую изоцированную систему управления прессой, какую когда-либо видели на Даунинг-стрит... Тех журналистов, которые не желали следовать партийной линии, оттесняли на обочину или попросту запугивали». Премьер охотно проводил закрытые брифинги для представителей прессы, но «ответом на неудобные вопросы (преследования евреев или обещания, нарушенные Гитлером) было выражение удивления, что такой опытный журналист поддался еврейско-коммунистической пропаганде» [4]. С началом судетского кризиса, отмечает автор, такая система «информирования» прессы была сочтена недостаточной, поэтому была учреждена специальная структура, напоминавшая геббельсовское министерство пропаганды, во главе которой встал известный «умиротворитель» С. Хор. Он стал проводить ежедневные встречи с владельцами и редакторами главных печатных изданий, а те в свою очередь усилили контроль над тем, что можно и что нельзя печатать. К примеру, когда один из корреспондентов газеты «Ньюс Кроникл» прибыл из Праги с добытым им документом, уличающим Генлейна в подготовке немецкого вторжения в Чехословакию, ее шеф, У. Лейтон, запретил его публикацию, а когда один из редакторов позволил себе опубликовать передовицу с критикой Чемберлена, то был немедленно уволен. Это притом, что «Ньюс Кроникл» считалась чуть ли не «левой» газетой. Руководители радиостанции Би-Би-Си «подчинились цензуре» со стороны ближайшего доверенного лица Чемберлена Х. Вильсона, «хотя они это впоследствии отрицали» [4].

Наконец, еще один вопрос, по которому расходятся исследователи. Речь идет об оценке версии, согласно которой накануне Мюнхена имел место заговор ведущих военачальников рейха, которые готовили военный переворот в случае принятия Гитлером решения о военной акции против Чехословакии и планы которых были сорваны мюнхенским соглашением. Большинство историков, как отечественных, так и зарубежных, принимают эту версию. Однако в последнее время она подвергается существенной ревизии: фиксируется наличие «внутренней оппозиции в правящих

кругах Третьего рейха», которая не ограничивалась только военными, но и включала в себя дипломатов; однако обращается внимание на ее неоднородность и различие мотиваций у разных ее представителей: если одни (среди них — начальник штаба вермахта Л. Бек и статс-секретарь МИД Э. Вайцзекер) стремились убедить Гитлера в опасности военной авантюры, то другие (сотрудники абвера Х.П. Остер и Х.Б. Гизевиус, генерал Э. фон Вицлебен) планировали отстранение Гитлера от власти либо его физическое устранение. Характерен вывод, который делает один из таких «ревизионистов»: «Реальные действия оппозиционеров по подготовке устранения Гитлера вызывают немало сомнений. Утверждения (в том числе и некоторых историков), что Чемберлен в последнюю минуту «спас Гитлера», не имеют основания» [27: 112]. На наш взгляд, это слишком категорическое суждение.

Разнообразие суждений и оценок, относящихся к истории Мюнхена, действительно ставит задачу создания фундаментального труда, который подвел бы итог 80-летнему процессу исследования этой острой и актуальной проблемы. Нельзя признать нормальным, что до настоящего времени на русском языке имеется лишь одна монография, специально ей посвященная, — это перевод книги английского коммуниста Э. Ротштейна, произведенный почти 60 лет назад [28]. Нельзя отрицать ее ценности: автор принадлежал к международному журналистскому пулу, который освещал европейскую политическую сцену 1930-х гг., широко использовал работы современных ему авторов (в частности, неоднократно упоминавшегося Дж. Уилер-Беннета), появившиеся к тому времени первые документальные свидетельства. Однако с тех пор историческая наука ушла далеко вперед, и ее достижения и проблемы требуют свежего и непредвзятого анализа и обобщения.

Источники и литература

1. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939. Т. 1. Ноябрь 1937 — декабрь 1938 г. М., 1981.
2. Политика «невмешательства» демократических правительств Европы (1935–1937 гг.); Консолидация блока фашистских агрессоров и ослабление позиций демократических держав (1936–1937 гг.); Захват Австрии и расчленение Чехословакии фашистской Германией // История дипломатии. Том 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны. М., 1945.
3. *Wheeler-Bennet, J.* Munich: Prologue to Tragedy. London, 1963 (first ed. — 1948).
4. *Faber, D.* Munich. The 1938 Appeasement Crisis. London, 2009.
5. Новые документы по истории Мюнхена. М.: Политиздат, 1958.
6. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. М., 1978.
7. Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1938. М., 1979.

8. *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. М.: Индрик, 2013.
9. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы // История дипломатии. Том 3. М.: Политиздат, 1965. С. 736–737.
10. *Прасолов С.И.* Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен — преддверие войны: исторические очерки / Отв. ред. В.К. Волков. М., 1988.
11. *Шубин А.В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне, 1929–1941 годы. М.: Вече: Наука, 2004.
12. *Христофоров В.С.* Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСР России) // Новая и новейшая история. 2009. № 1.
13. *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М.: Наука, 1997.
14. *Мельтюхов М.И.* Красная Армия в условиях нарастания международного кризиса 1938–1939 гг. // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность: Материалы международной конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2009.
15. *Pfaff, I.* Soviet Treachery of 1938. Prag 1993. Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938. Versuch der Revision einer Legende. Köln, 1996.
16. *Lukes, I.* Czechoslovakia between Hitler and Stalin. The Diplomacy of Edward Benes in 1930s. New York, 1996.
17. *Hauner, M.* The Quest for the Romanian Corridor: The Soviet Union, Romania and Czechoslovakia during the Sudeten Crisis of 1938 // Mythos München/Le Mythe de Munich/ The Myth of Munich. Hg. von Fritz Taubert. München, 2002.
18. *Карлей М. Дж.* Только СССР имеет... чистые руки. Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии // Новая и новейшая история. 2012. № 1.
19. *Kershaw I.* Hitler. 1936–1945: Nemesis. London, 2000.
20. *Reynolds D.* Summits. Six Meetings that Shaped the Twentieth Century. Ch. 2. Munich, 1938. Chamberlain and Hitler. London, 2008.
21. *Roberts A.* «The Holy Fox». A Biography of Lord Halifax. London, 1991.
22. *Кретинин С.В.* Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945. Воронеж, 2000.
23. *Кретинин С.В.* Единый фронт между красным и черным? К вопросу о контактах между немецкими правоконсервативными силами и судето-немецкими социал-демократами в 1937–1938 гг. // Консерватизм в России и мире. Ч. 3. / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004.
24. *Robbins K.* Konrad Henlein, the Sudeten Question and British Foreign Policy // Historical Journal. 1969. № 4.
25. *Kraemer, A.* Kriegskurs, Appeasement und die «Maikrise» 1938. Entscheidungsstunden im Vorabend von «Münchener Abkommen» und zweiten Weltkrieg. Berlin/Boston, 2014.
26. *Борисов А.Ю.* Мюнхенская трагедия. Размышления о том, чему учит судьба Чехословакии // Международная жизнь. 2017. № 7.
27. *Царуски Ю.* Немецкое сопротивление Гитлеру накануне и после Мюнхенской конференции // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность: Материалы международной конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2009.
28. *Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Деятельность Национального фонда в поддержку демократии в постсоветской Центральной Азии в 1994–2004 гг.¹

Activities of the National Endowment for Democracy in Post-Soviet Central Asia in 1994–2004

В.Т. Юнгблюд, А.В. Збоев

Юнгблюд Валерий Теодорович, президент Вятского государственного университета, профессор, доктор исторических наук;

Збоев Артем Вячеславович, ассистент Вятского государственного университета, кандидат исторических наук.

Аннотация: статья посвящена деятельности одной из крупнейших американских НПО — Национального фонда в поддержку демократии — в пяти бывших советских республиках Центральной Азии; основном направлении и динамике активности фонда, оценке данного региона американцами в контексте либерально-демократического переустройства.

Ключевые слова: неправительственные организации (НПО), Национальный фонд в поддержку демократии (НФПД), Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, демократия, авторитаризм.

Abstract: the article is about about activities of one of the largest American NGOs — National Endowment for Democracy — in five former Soviet republics of Central Asia; about the main directions and dynamics of the fund's activity, about American view on this region in the context of liberal-democratic reorganization.

Key words: non-governmental organizations (NGO), National Endowment for Democracy (NED), Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, democracy, authoritarianism.

Распад СССР вызвал коренные изменения в Центральной Азии: здесь образовалось пять новых независимых республик, обострились межна-

¹ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

циональные противоречия, наблюдалась политическая дестабилизация и усиление авторитарных тенденций. Все это дало повод известному западному политологу Збигневу Бжезинскому отнести этот регион к обширному поясу нестабильности — «Евразийским Балканам» [2: 151–152]. Достаточно проблемный, но в то же время и перспективный регион привлек особое внимание американских политиков и общественных организаций, ратовавших за «торжество демократии» во всех уголках мира. Это видно на примере деятельности в странах Центральной Азии Национального фонда в поддержку демократии (НФПД, National Endowment for Democracy) — крупнейшей американской неправительственной (или, как иногда пишут, «квазинеправительственной», так как фонд финансируется преимущественно Конгрессом США) организации.

Данный фонд был основан в 1983 г. с подачи президента Рональда Рейгана и уже вскоре развернул свою деятельность в нескольких десятках стран Южной Америки, Африки и Евразии. НФПД сослужил американскому правительству хорошую службу в финальной стадии холодной войны. Финансовая и техническая поддержка диссидентских и оппозиционных коммунистам групп (самый известный пример — независимый профсоюз «Солидарность» в Польше) в странах Восточной Европы способствовала расшатыванию советского влияния в этом регионе и ускорила падение коммунистических режимов в ходе «бархатных революций» 1989 г.

С 1986 г. гранты НФПД стали выделяться на поддержку демократических групп в СССР, а с 1988 г. в числе направлений финансирования фигурировали и отдельные советские республики — Украина, Эстония, Латвия, Литва, Грузия. С распадом Советского Союза фронт работ для НФПД резко расширился — образовалось 15 независимых республик, которым предстояло пройти сложный путь демократического переустройства.

Распространение деятельности НФПД на территории постсоветского пространства не было единовременным. Центральноазиатских республик оно коснулось в последнюю очередь — только с 1994 г. С этим регионом в самой глубине Евразии американцы были слабо знакомы. По замечанию Дж. Руперта, США открыли здесь для себя «крупнейшего и наименее известного дипломатического партнера со времен экспедиции командора Перри» [12: 175] (т. е. со времени принудительного дипломатического «открытия» американцами Японии в 1850-е гг.).

Продвижение либерально-демократических принципов в пяти центральноазиатских республиках НФПД реализовывал с помощью финансирования широкого комплекса мероприятий. В частности, большое внимание уделялось поддержке независимых СМИ (посредством поставок компьютеров, факсов, подключения к Интернету, организации стажировок журналистов в России, Польше, Чехии); поддерживались профсоюз-

ные, экологические, женские организации; проводились конференции, круглые столы по экономическим и политическим вопросам; организовывались семинары, мастер-классы, тренинги для гражданских активистов, сотрудников образовательных учреждений; разрабатывались вспомогательные учебные материалы с соответствующим уклоном в воспитание гражданского общества; оказывалась юридическая помощь малоимущим категориям населения, а также лицам, ставшим жертвами политического давления со стороны властей; проводились кампании по политическому просвещению граждан, накануне выборов в органы власти — тренинги для наблюдателей; стимулировалось взаимодействие между представителями органов власти и оппозиционными организациями; анализировались законодательные акты и предлагались варианты исправления статей, препятствовавших экономическому и демократическому развитию общества; издавались информационные бюллетени по вопросам деятельности Фонда и т. д.

Получателями грантов НФПД становились местные национальные или смешанные организации. В Казахстане среди них были Алматинский Хельсинкский комитет, Общественный фонд «Ар Рух Хак», Независимое информационно-аналитическое агентство «Политон» (чей лидер Сергей Дуванов в 2002 г. был арестован по недоказанному обвинению), Конфедерация шахтерских профсоюзов, Женская федерация «Статус», «Казахстанское Международное бюро по правам человека и соблюдению законности», программа «Street Law — Казахстан», экологическое общество «Зеленое спасение». В Узбекистане это были Фонд «Евразия», Гендерный центр «Инновации и развитие», газета «Форум» и журнал «Харакат», Общество по правам человека «Эзгулик». Западные представители выступали за возрождение популярных народных движений «Бирлик» и «Ерк». В Туркменистане НФПД выделял средства на поддержку Общественного информационного центра «Фламинго», газеты «Туркмен Или», «Учительской газеты», Экологического клуба «Дашковуз» и Ашхабадского экологического центра. В Таджикистане — Координационному центру международного развития Таджикистана, Информационному и аналитическому центру «Шарк», Независимой школе журналистики «Таджикистан XXI век», газете «Сугд», журналу «Свет дня», телеканалу «Регар», Молодежному экологическому центру.

Киргизия с начала 1990-х гг. часто называлась в числе наиболее перспективных стран для США [4: 63]. По мнению американских специалистов, там в наибольшей степени были распространены прозападные настроения, а коммунисты раньше утратили свои властные позиции [12: 177]. Президент Кыргызстана, доктор физико-математических наук Аскар Акаев, в отличие от своих зарубежных коллег был выходцем не из партийной,

а из научной среды, и считался весьма перспективной фигурой. Тем не менее и Киргизия позднее попала в черный список стран, где нарушались демократические права и свободы человека. В качестве наиболее вопиющего случая таких нарушений в одном из отчетов НФПД было представлено дело Александра Кима — редактора газет «Вечерний Бишкек» и «Моя столица» [10: 69]. Оба издания, в которых публиковались материалы о коррупционной деятельности в высших эшелонах власти, находились под пристальным наблюдением органов власти. В результате давлений одна газета была закрыта в 2001 г., а вторая в 2003 г. вынуждена была объявить себя банкротом после того, как на нее со стороны членов правительства было подано 30 исков за клевету. Финансовая поддержка НФПД неоднократно позволяла Киму выстоять в противостоянии с правительством, после чего он смог возглавить очередное независимое издание — «Новости моей столицы». Помимо этого получателями американской помощи через данный фонд были газета «Рес Публика», НПО «Интерньюс», Киргизский комитет по правам человека, правозащитная организация «Справедливость», Общественное объединение «Шоола-Кол», образовательный комплекс «Илим» и др.

Конкретное распределение средств НФПД (в тыс. долл.) на гранты в странах Центральной Азии в 1994–2004 гг. можно увидеть в табл. 1. Для сравнения в ней также указаны суммы, выделенные на Россию, Украину, Беларусь и страны Закавказья (суммарно по Азербайджану, Армении и Грузии).

Анализ общих затрат НФПД на бывшие республики СССР позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, финансирование центральноазиатских проектов началось со значительным запозданием по сравнению с Прибалтикой, Кавказом, Восточной Европой. Во-вторых, доля расходов на Центральную Азию от средств, выделенных на все постсоветское пространство, была сравнительно невелика — около 5–7%. В 1994–1995 гг. на пять центральноазиатских республик было выделено больше средств, чем на три закавказские, но уже в 1996–2001 гг. это соотношение изменилось в противоположную сторону. Резкое изменение тенденции наблюдается с 2002 г. Напомним, после событий 11 сентября 2001 г. США в октябре того же года начали военную операцию в Афганистане. В этих условиях Центральная Азия превратилась для Вашингтона в крайне важный стратегический плацдарм. Американские войска и военные базы были размещены в Киргизии (аэробаза «Манас»), Таджикистане (аэродром «Айни» использовался для заправки транспортных самолетов), Узбекистане (аэробаза «Карши-Ханабад») [1]. Вместе с этим возрос интерес западных неправительственных организаций к проблемам демократии в этих странах [14: 52].

Таблица 1

**Распределение средств НФПД
на гранты в центральноазиатских странах**

Страна	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	Итого
Казахстан	416,3	406,4	128	100,1	92,8	148	–	97,8	101,3	310,9	221,4	2023
Узбекистан	45	64,4	–	26,1	44,7	34,9	99	61,5	200,8	402,2	257,9	1236,5
Таджикистан	40	50	–	13,2	75,1	–	–	17	271,4	331,9	378,6	1177,2
Киргизия	88,1	15,4	86	106,7	83,9	64,2	106,5	177,1	159,6	190,9	630,6	1709
Туркмения	–	45	45,2	73,4	23	24,8	24,7	26	27,2	153,9	209,5	652,7
Общерегиональ- ные гранты	–	–	–	–	34	76,4	74,4	–	307,9	94,4	–	587,1
Итого по Цен- тральной Азии	589,4	581,2	259,2	319,5	353,5	348,3	304,6	379,4	1068,2	1484,2	1698	7385,5
Россия	2638,6	2166,7	1335,3	1551,3	2002,7	1393	1573,5	1746,5	2042,3	2551,8	2222,1	21223,8
Украина	1703,3	1131,3	604,6	705,7	1092,5	1023,5	650,8	912,1	1836,5	1515,4	2164,9	13340,6
Беларусь	252,4	242,5	449,1	548,5	668	909,1	778,7	2997,7	1246,8	842	1139,3	10074,4
Закавказье	85	435	540,7	382,7	651	632,4	641,2	398,8	874,3	637,9	1042,5	6321,5

После распада СССР американские наблюдатели констатировали, что не везде процессы демократизации шли последовательно и равномерно, а в некоторых странах стали нарастать явно авторитарные тенденции — прежде всего это касалось Белоруссии и всей Центральной Азии. Д. Смит в 1996 г. писал: «Демократия положена на жертвенный алтарь во всех пяти республиках» [13: 150]. Признаками этого назывались различные изменения законодательства в пользу расширения прерогатив президентской власти, роспуск законодательных органов, усиливающееся давление на независимые СМИ, ограничение свободы деятельности неправительственных организаций [10: 55]. Директор Центральноазиатского Союза прав человека Абдуманноб Полат, узбекский политэмигрант в США, в 1995 г. отмечал, что в этих странах люди сильно ограничены в свободе распространения информации, политической и общественной деятельности; правительства крайне нетерпимы к оппозиции и диссидентам [5: 45]. Политическое развитие этих стран свидетельствовало о формировании там правящих режимов во главе с сильными личностями, наделенными исключительными полномочиями. Лидеры всех этих республик оказались политическими долгожителями: А.А. Акаев находился у власти в Киргизии с 1990 г. до «тюльпановой революции» 2005 г., С.А. Ниязов был президентом Туркмении с 1991 по 2006 г., И.А. Каримов в Узбекистане — с 1990 по 2016 г., лидеры Казахстана (Н.А. Назарбаев с 1991 г.) и Таджикистана (Э.Ш. Рахмон с 1994 г.) находятся у власти по сей день. «Белоруссия и Туркменистан — две последние неперестроившиеся диктатуры в Евразии», «Президенты Центральной Азии подтверждают репутацию региона как самого авторитарного в мире», — подобные заключения регулярно фигурировали в годовых отчетах НФПД [6: 40; 7: 41; 8: 41; 9: 43; 10: 55; 11: 59].

Исходя из анализа финансовой отчетности Фонда, сложно однозначно определить приоритеты американских неправительственных организаций в этом регионе и выстроить пять республик в некую иерархию. Наглядно это демонстрирует график на рисунке 1 (на вертикальной оси указаны суммы в долл. США).

Доля расходов на проекты фонда в крупнейшем по территории Казахстане колебалась от 70 в 1994 г. до 9% в 2002 г., а данные за 2000 г. попросту отсутствуют. Не был в списке лидеров и Узбекистан, несмотря на численность его населения (около 20 млн чел.). В Казахстане численность населения составляла около 15–17 млн чел., в Киргизии — 4,5–5 млн чел., в Таджикистане — 5–6 млн чел., в Туркмении — около 3,5–4,5 млн чел. Стабильно высоким интересом со стороны США пользовались демократические организации в Киргизии, а в период с 2003 по 2004 гг. их финансирование резко выросло — практически в три раза. В результате эта страна

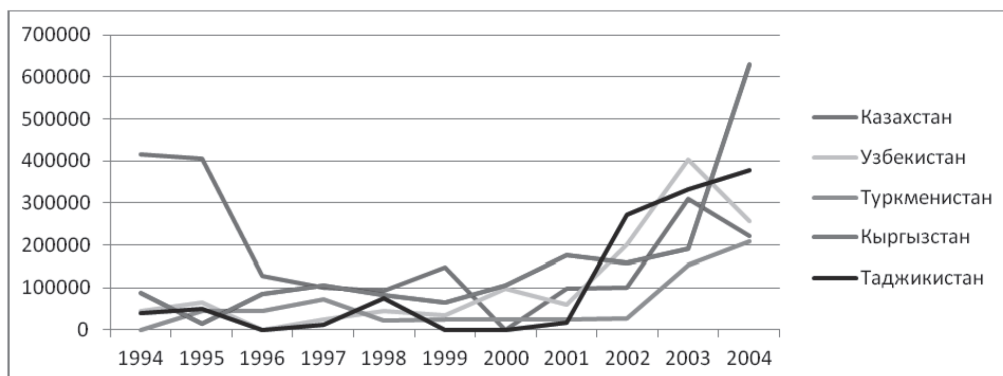

Рис. 1. Финансирование НФПД центральноазиатских проектов в бывших республиках СССР

вышла на четвертое место по расходам Фонда после России, Украины и Белоруссии. Примечательно, что именно эта страна стала следующей после Грузии и Украины, где произошла своя «цветная революция» («тюльпановая революция», март 2005 г.). Также примечателен заметный рост внимания НФПД с начала 2000-х гг. к Таджикистану, который в период гражданской войны 1992–1997 гг., находился на периферии американских интересов.

Низкий уровень финансирования Национальным фондом в поддержку демократии проектов в странах Центральной Азии до 2002 г. можно объяснить разными факторами: географической изолированностью региона, слабыми местными демократическими традициями, малочисленностью и слабостью правозащитных организаций и стремлением властей подавлять их еще в зародыше. Вместе с тем нельзя упускать из вида и политическую подоплеку: политика НФПД, несмотря на его неправительственный статус, следует в русле политики официального Вашингтона. С ростом геополитической значимости стран Центральной Азии актуализировалась проблема демократизации этого «самого авторитарного уголка Земли». Однако здесь американцы столкнулись с традиционной для всего Ближнего Востока проблемой — необходимостью выбирать между светскими диктаторами и радикальными исламистами [3: 689]. Этот фактор до сих пор продолжает оставаться сдерживающим в отношениях между США и республиками Центральной Азии.

Источники и литература

1. Американо-натовские базы в Центральной Азии. — Режим доступа: <http://arj-nn.com/81195-501077.html> — Дата обращения: 20.09.2017.

2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998.
3. *Akbarzadeh Sh.* Keeping Central Asia Stable // *Third World Quarterly*. 2004. Vol. 25. № 4. P. 689–705.
4. *Cranston A.* US Policy Toward Central Asia // *Harvard International Review*. 1993. Vol. 15. № 3. P. 30–31, 63.
5. National Endowment for Democracy. 1995. Annual Report [Далее — NED Annual Report]. Wash., 1995.
6. NED Annual Report. Wash., 1998.
7. NED Annual Report. Wash., 1999.
8. NED Annual Report. Wash., 2000.
9. NED Annual Report. Wash., 2002.
10. NED Annual Report. Wash., 2003.
11. NED Annual Report. Wash., 2004.
12. *Rupert J.* Dateline Tashkent: Post-Soviet Central Asia // *Foreign Policy*. 1992. № 87. P. 175–178, 180–195.
13. *Smith D.L.* Central Asia: A New Great Game? // *Asian Affairs*. 1996. Vol. 23. № 3. P. 147–175.
14. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? О тенденциях развития международных отношений в XXI веке. М.: Восток — Запад, 2009. 96 с.

Теория и практика современной мировой политики

Theory and practice of contemporary world politics

А.Д. Шутов

Шутов Анатолий Дмитриевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор.

Аннотация: статья посвящена критической оценке научного исследования «Современная мировая политика», посвященного мировой политике и международным отношениям. Анализируются подходы, выводы и рекомендации, изложенные авторами опубликованной работы, в которой раскрыты мировые и региональные проблемы, прямо или косвенно затрагивающие интересы России.

Ключевые слова: мировая политика, Россия, международные отношения, ЕС, Арктика, постсоветское пространство, Ближний Восток, Латинская Америка.

Abstract: the article is devoted to the critical evaluation of the scientific research «Contemporary world politics», dedicated to world politics and international relations. The author analyzes the approaches, conclusions and recommendations presented by the authors of the published work, which reveals global and regional problems that directly or indirectly affect the interests of Russia.

Key words: world politics, Russian Federation, international relations, EU, Arctic region, post-Soviet space, middle East, Latin America.

Известный английский писатель, тонкий ценитель литературы Бернард Шоу, отмечая достоинства различных жанров, убежденно изрек: «Учебник — это книга, непригодная для чтения». Однако ироническое заме-

чание писателя неприемлемо к научному изданию «Современная мировая политика», выпущенного в свет под редакцией доктора исторических наук, профессора Е.П. Бажанова.

После знакомства с представленной работой можно уверенно сказать: книга нужная, полезная, написана хорошим языком, и все, кто хочет расширить и углубить свои знания по вопросам внешней и внутренней политики, должны ее прочитать.

Каждый раздел издания, начиная с первой главы «Мир в новой глобальной реальности» (М.А. Неймарк) и заканчивая последней главой — «ОДКБ: формирование новой системы безопасности на евразийском пространстве» (Н.Н. Бордюжа), — написан глубоко, научно, с использованием большого количества источников, с кратким историческим обзором. Это дает читателю огромный заряд новых комплексных политических знаний, который не всегда можно найти в научных изданиях, посвященных проблемам мировой политики. В книге рассмотрен широкий круг политических проблем, объединенных единым понятием — современная мировая политика. Новизна, глубина знаний, изложенных четким научным языком, придают учебнику уникальный характер как в отношении формы, так и содержания, делают его изданием весьма важным не только для профессионалов, но и для тех, кто совершает первые шаги на научном поприще.

Особенностью книги является то, что она не относится к числу публикаций «легкого чтения», каким насыщена современная историко-политическая литература, отличающаяся нередко легковесными суждениями. Издание выделяется проблемным подходом к изложению материала с анализом источников, различных публикаций на заданную тему, с рекомендациями рассматривать современную мировую политику, международные отношения не как совокупность отдельных фактов и событий, а как сложную систему научно-политических проблем.

Хорошо известно, как много противоречивого содержится в современных публикациях о процессах, происходящих на постсоветском пространстве. В связи с этим важное значение для их понимания имеет глава 14 учебника «Постсоветское пространство: тенденции развития», написанная профессором С.С. Жильцовым. Автор справедливо рассматривает происходящие здесь процессы через призму интеграции — важнейшую категорию жизнедеятельности региона. Интеграция — объективная потребность, соответствующая важнейшим координатам мировой динамики и экономической целесообразности развития новых независимых государств, выраженной во взаимозависимости и взаимодополняемости экономик бывших советских республик. Ни одна из них, включая Россию, не была в состоянии самостоятельно обеспечить производство конечной продукции. Например, на Россию ориентировалось около 60%

украинских предприятий, 7 млн украинцев трудились на предприятиях, продукция которых была предназначена для российского рынка. Самостоятельно Украина могла производить лишь 15% от общего объема своей продукции, остальное зависело от импорта и в значительной мере от кооперационных связей с Россией. В начале XXI века тенденция к образованию новых интеграционных группировок еще более усилилась. Произошло изменение их организационных форм: от более простых к более сложным.

В разделе делаются обоснованные замечания относительно интеграционных проблем на постсоветском пространстве, подчеркивается негативная роль технологической отсталости новых независимых государств. Вследствие этого они оказались не только не способны влиять на мировые процессы, но и попали в зависимость от международных финансовых кругов. Вывод очевиден: альтернативы заключаются в развитии и усилении интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также в совершенствовании двусторонних межгосударственных договоров. Так, в октябре 2007 г. был создан Таможенный союз. В ноябре 2011 г. три страны — Россия, Белоруссия и Казахстан — подписали Декларацию о евразийской интеграции, где провозглашалась задача — создать Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который и начал свою деятельность в 2015 г.

Данная проблема подробно и обстоятельно освещена в главе, написанной Е.М. Кузьминой. Автор подчеркивает, что одно из основных направлений внешней политики России — развитие евразийской интеграции. Согласно Концепции внешней политики РФ 2016 г., углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — ключевая задача, направленная на стабильное развитие, всестороннее технологическое обновление, кооперацию, рост конкурентоспособности экономик государств-членов и повышение жизненного уровня их населения. Созданный на основе универсальных интеграционных принципов, ЕАЭС способен сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах.

Учебник как научное издание содержит обоснованные прогнозы будущих международных отношений и геополитических процессов. Обращают на себя главы, написанные И.С. Зонном, О.П. Ивановым, А.Г. Костяным, Т.Н. Мозель, а также профессором С.С. Жильцовым в характеристике процессов на постсоветском пространстве, в оценке политики и политиков ряда независимых государств ближнего зарубежья.

Автор раздела о постсоветском пространстве отмечает, что перспективы развития стран постсоветского пространства и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) будут определяться динамикой отношений

с основными внешнеэкономическими и внешнеполитическими партнерами. Успешное развитие интеграции в рамках ЕАЭС возможно в случае преодоления его участниками внутренних разногласий, усиления внешнеэкономической координации совместных действий, укрепления социально-экономических и международных позиций России.

Большое внимание уделено рассмотрению таких важных для России регионов, как Южный Кавказ и Причерноморье. В отношении Черноморского региона его автор, Т.С. Гузенкова, отмечает, что динамичному развитию торгово-экономического сотрудничества и формированию единого экономического пространства препятствует ряд причин. Среди них — сходная структура товарных групп аграрного сектора, предпочтение сложившейся практики двухсторонних торгово-экономических отношений, последствия общемирового кризиса, а также взаимное недоверие стран региона, которое нередко имеет глубокие исторические корни. Следует согласиться с выводом, что Причерноморье отличают не только противоречивые межгосударственные отношения, но и сложная конфигурация международных структур и коалиций. Помимо упомянутых стран (Украины, России, Абхазии, Грузии, Турции, Болгарии, Румынии, Греции, Армении, Азербайджана и Молдавии), в Черноморский регион через региональную интеграционную Организацию черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) входят также Сербия и Албания. Такое расширение круга региональных государств позволяет выделить два таксономических уровня: собственно Причерноморье и так называемое Большое Причерноморье. В свою очередь Причерноморье наряду с Кавказом и Прикаспием входит в более крупный геополитический регион Евразии — Черноморско-Каспийский. Близость этих субрегионов особенно видна на примере Азербайджана и Казахстана.

Очевидным достоинством издания представляется наличие в нем ряда разделов, которых ранее фактически не было ни в соответствующих учебниках, ни в учебных пособиях. Имеются в виду прежде всего две главы: шестая «Изменения климата и их последствия для России» (А.Г. Костяной) и десятая «Арктический вектор российской политики» (С.С. Жильцов, И.С. Зонн). Разработка этих проблем чрезвычайно актуальна и важна. В частности, климатические угрозы превратились в новые глобальные риски, наносящие все более разрушительный ущерб мировой экономике, экологии, жизни людей и по своему негативному характеру уступают лишь оружию массового уничтожения.

С начала XXI века постоянно увеличивается число аномальных явлений, возросла частота и масштабы стихийных бедствий и, как отмечает А.Г. Костяной, экстремальные явления правомерно связывают с глобальными изменениями климата, которые создают огромные риски для России.

Ценно то, что автор не только констатирует климатические угрозы и экстремальные явления, но и делает выводы, надежно обоснованные прогнозы и рекомендации по адаптации к нарастающим рискам, которые могут найти отражение в соответствующем Национальном плане Российской Федерации.

Автор провел подробный анализ влияния климатических изменений на экономику России, тем самым ставя вопрос о разработке долгосрочной программы учета данного фактора. Вот лишь некоторые из них. Так, в своей главе А.Г. Костяной подчеркивает, что «подъем уровня моря даже на 30–40 см в ближайшие десятилетия может иметь серьезные последствия как для прибрежных железнодорожных линий России, так и для железнодорожных путей в городах, расположенных в устьях рек. В связи с этим возможно возникновение острой необходимости создания защитных стен для железнодорожных путей на побережье. Причем изменение климата может оказать и косвенное влияние на железнодорожный транспорт, привести к дополнительным финансовым затратам, вызванным задержками поездов, изменением или отменой маршрутов. В долгосрочной перспективе может произойти смена коммерческих потоков на железной дороге из-за влияния изменения климата на хозяйственно-логистические связи между районами производства и районами потребления продукции. Кроме этого, изменение климата прямо или косвенно может повлиять на изменение общей стоимости грузовых перевозок, вследствие, например, задержек и перебоев в работе, связанных с экстремальными погодными явлениями».

Справедливо подчеркнуто, что наиболее ярким региональным откликом на развивающиеся процессы глобального потепления является уменьшение ледовитости арктических морей России. Будущие ледовые условия на трассах Северного морского пути значимы для проектирования новых транспортных и ледокольных судов и выбора новых судоходных трасс. Более доступными для плавания станут высокоширотные трассы, на которых появится возможность круглогодичной навигации. При этом сохранение морских льдов и айсбергов в течение части года и вероятность возникновения сложных ледовых условий потребуют сохранения и развития российского ледокольного флота.

К научным достоинствам учебника можно отнести немало новых моментов, имеющих теоретическую актуальную и практическую значимость. Обращает на себя внимание, что данный учебник политологического направления — одно из первых подобных изданий, в котором дана всесторонняя характеристика Арктического региона с его огромными природными богатствами, что вызвало в современных условиях острую конкуренцию за обладание его экономическим и геополитическим потенциалом. Страте-

гические задачи России относительно арктического пространства обозначены в ряде основополагающих документов, в частности в Морской доктрине РФ на период до 2020 г. Авторы делают реальные прогнозы усиления геополитической борьбы, характеризуют опасные вызовы, связанные с милитаризацией Арктики, с возможным возникновением международных конфликтов, отмечают геополитические преимущества России в геополитическом соперничестве в регионе.

Учебник в определенном смысле носит энциклопедический характер. В нем сделан акцент на наиболее актуальные процессы, проходящие фактически на всех континентах планеты: в Латинской Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Европе и на Ближнем Востоке.

В частности, М.Г. Троянский вскрывает фундаментальные причины политических процессов в странах Латинской Америки, одновременно подчеркивая, что многие проблемы, унаследованные от прошлых десятилетий, в экономике большинства латиноамериканских стран остаются нерешенными. Среди наиболее острых — устаревшие производственные мощности, отсутствие внутрирегиональной современной транспортной инфраструктуры, нестабильная финансовая система, слабо диверсифицированный экспорт, нехватка квалифицированной рабочей силы, недостаток финансирования, а также различия экономических моделей государств региона.

Широко и профессионально К.Н. Мозель и Т.Н. Мозель осветили новые опасности, с которыми столкнулся Евросоюз: проблемы в его структуре, осложнение ситуации, вызванной миграционными потоками, разрушительным клубком украинских потрясений, американскими антироссийскими санкциями и другими факторами. Вместе с тем авторами даны рекомендации, имеющие научно-практическое значение.

Ценность книги определяется обобщающими выводами, дефицит которых ощущается достаточно остро. Один из авторов опубликованной работы, М.А. Неймарк, подчеркивает, что разнонаправленность мирополитических процессов, усиливающаяся по нарастающей, минимизирует предсказуемость развития событий, снижает их точность и достоверность прогностических сценариев. Консенсусный вектор внешнеполитических взаимодействий размывается все чаще. На международных площадках разного уровня достижение сбалансированных позиций становится все более трудоемким и затяжным процессом.

Как справедливо отмечает автор, «эпоха циклически-волнового развития мира заканчивается. В дихотомии «статика — динамика» мирополитических процессов инерционный вектор первой практически полностью выпадает из новых геополитических реалий. Стремительное ускорение этих процессов, нередко разнонаправленных, насущная потребность в пе-

реходе к новой модели мироустройства в возрастающей степени определяют особенности международной повестки дня. Происходит реформатирование движущих сил мирополитических изменений, модификаций и трансформаций. Меняется само понятие акторности в мировой политике. Оно приобретает новые очертания, его содержательное наполнение расширяется за счет тех негосударственных акторов, которые прежде в таком качестве сколько-нибудь серьезно не рассматривались. О вторичности этих акторов, ограниченности их роли и ресурсов влияния в мировой политике говорить сегодня уже не приходится. По-новому перераспределяются механизмы взаимодействия государственных и негосударственных акторов мировой политики; статусный потенциал, ролевые функции, их взаимозависимость и взаимодополняемость усиливаются по нарастающей. Негосударственные акторы сегодня в состоянии играть самостоятельную роль в упорядочении международно-политической системы, поскольку их мобилизующий потенциал становится реальной силой. Статусный ареал акторов мировой политики определяется уже не только прежними критериями и параметрами — в силу вступают и многие другие факторы влияния на мировой арене, в частности ресурсный потенциал и эффективность использования «мягкой силы». И далее: «Принципиально важный момент — окончательная завершенность «романтического периода» деидеологизации международных отношений и мировой политики. Острая идеологическая борьба вновь, как и в пиковые периоды холодной войны, стала кризисно-конфронтационной приметой современного мирового развития. Виртуальные псевдореальности нередко навязывают новые или модифицируют прежние идеологизированные интерпретации правил игры, которые способствуют искусственному нагнетанию международной напряженности. Более того, появляется опасность того, что структурирующей матрицей международно-политических отношений может вновь стать, как это уже бывало в XX веке, идеологическое противоборство в его модифицированных и инновационных формах, используемых Западом с учетом растущей роли России в мировом сообществе».

Каждая глава учебника предлагает новые подходы к осмыслению ключевых событий мирового развития, которые глубоко обоснованы как с точки зрения источниковедения и теоретических позиций, так и с учетом всей совокупности происходящих процессов.

Европейская система ECTS: практика, проблемы, перспективы в киргизской высшей школе

The European Credit Transfer System: practice, problems, prospects in Kyrgyz higher education

Ч.У. Адамкулова

Адамкулова Чинара Усенбековна, ректор Дипломатической академии МИД КР им. К. Дикамбаева, кандидат экономических наук.

Аннотация: в статье представлены основные направления реформирования высшего образования в Кыргызстане в современных условиях. Проведен анализ применения системы ECTS в высших учебных заведениях Кыргызской Республики. Выявлены основные принципы применения европейской системы перевода и накопления кредитов как краеугольного камня Болонского процесса. Приведена практика реализации системы ECTS в Кыргызской Республике. Определены основные проблемы реализации ECTS в Кыргызской Республике. Выделены перспективы дальнейшего развития системы ECTS в Кыргызской Республике.

Ключевые слова: ECTS, высшая школа, Кыргызская Республика, система высшего образования, практика, проблемы, перспективы, внедрение, эксперимент.

Abstract: the article highlights the priorities and vectors of development of higher education in Kyrgyzstan in modern conditions. The urgency of the analysis of practice of application of the European system of evaluation of students in universities of the Kyrgyz Republic. Reveals the essential features of the European system of transfer and accumulation credits as a component of the Bologna process. Given the practice of implementation of ECTS system in the Kyrgyz Republic. Identified key problems of the implementation of ECTS in the Kyrgyz Republic. Highlighted the prospects for further development of the ECTS system in the Kyrgyz Republic.

Keywords: ECTS, graduate school, the Kyrgyz Republic, the higher education system, practice, problems, prospects, implementation, experiment.

Среди приоритетов социально-экономического развития Кыргызской Республики (КР), которые отражены в ключевых документах государства, указывается реформирование системы высшего образования [3]. Со-

гласно Прогнозу социально-экономического развития Кыргызской Республики на 2017–2018 гг., Правительство КР намерено увеличить расходы на организацию функционирования системы высшего образования [2].

Среди важнейших задач обеспечения поступательного социально-экономического развития страны в современных условиях выделяется задача модернизации высшего образования в соответствии с внутренними проблемами страны и международными стандартами по предоставлению образовательных услуг в высшей школе. В числе конкретных задач, стоящих перед системой высшего образования КР на современном этапе следует выделить: обеспечение соответствия между перечнем подготавливаемых вузами страны специалистов и потребностями рынка труда; повышение качества подготовки в вузах и, как результат, общей квалификации специалистов; оптимизация численности вузов в стране как условие повышения качества образования, противодействия тенденции массовизации и снижения качества получаемого высшего образования; развитие условий — правовых, институциональных, экономических, социальных, инфраструктурных, организационно-методических — для обеспечения соответствия основных аспектов функционирования системы высшего образования международным требованиям (в частности, стандартам и принципам Болонского процесса) [3].

Изменение социально-экономической системы, переход к новым форматам общественного развития, новому научно-технологическому укладу сопровождаются естественными изменениями в сфере образования [8]. Обеспечение эффективности функционирования системы образования требует реформирования его содержательных аспектов (образовательные программы, направления обучения и профессиональные навыки), а также форм реализации основных функций образовательных учреждений [12]. В связи с этим во многих странах, в том числе в КР, происходит постепенная трансформация и реформирование системы образования для решения тех или иных задач долгосрочного развития государства. Основным ориентиром и направлениями модернизации системы высшего образования в КР стали положения Болонского процесса.

Цель Болонского процесса — формирование общеевропейского пространства высшего образования, которое бы обеспечивало рост мобильности граждан на рынке труда, повышение качества оказываемых услуг, увеличение возможностей студентов и ряд других преимуществ, предоставляемых странам — участницам Соглашения [6].

В одной из ключевых задач, сформулированных в Стратегии развития образования в Кыргызской Республике на 2012–2020 гг. — основном концептуальном документе, определяющем механизмы развития системы образования в КР, — говорится, что переход на кредитную систему

обучения обеспечивает гибкость и мобильность студентов, позволяет совмещать работу и учебу в высшем учебном заведении (в соответствии с положениями Болонского и Лиссабонского соглашений) [15]. Отметим, что в последние годы наблюдается повышение внимания специалистов к вопросам практического внедрения принципов Болонского соглашения, а в целом — и европейской системы перевода кредитов ECTS в систему высшего образования Кыргызской Республики [10].

В соответствии с положениями Болонской декларации европейская система перевода кредитов становится одним из основных механизмов, позволяющих обеспечить интеграцию национальных систем образования в единое европейское общеобразовательное пространство [14].

На современном этапе в различных странах мира используется множество подходов к оценке знаний студентов (табл. 1).

Таблица 1

Примеры шкал оценивания обучающихся в различных странах мира [7]

Качественная интерпретация	СССР	Франция	Германия	Голландия	Италия	США
Отлично (excellent)	5	≥ 17	0,5	≥ 90	30 Lode	A+ (4)
			1			A (4)
			-1			A- (3,67)
Очень хорошо (very good)	4	15–16,9	2+	80–89	30	B+ (3,33)
		14–14,9	2		29	B (3)
		13–13,9	2-		28	B- (2,67)
Хорошо (good)	3	12–12,9	3+	70–79	27	C+ (2,33)
		11–11,9	3		23–26	C- (1,67)
			3-			D+ (1,33)
Удовлетворительно (satisfactory)	3	11–11,9	4+	60–69	23–26	D (1)
Зачтено (pass)	2	10–10,9	4-	55–59	18–23	D- (0,67)
Неудовлетворительно (fail)	2	8–9,9	5	55	<18	E (0)

Из табл. 1 следует, что используемые в мире градации и подходы к оцениванию студентов значительно различаются, что потенциально ведет к проблемам при интеграции различных национальных систем образования в единое образовательное пространство.

В основе системы ECTS заложена идея о том, что обучающиеся в различных странах имеют схожие интеллектуальные особенности и в каждой национальной образовательной системе есть примерно одинаковый процент особо одаренных, умных, средних и слабых студентов. Какая бы шкала оценивания не использовалась, всегда может быть построено статистическое распределение оценок в такой шкале, сопоставимое с эталонным распределением, принятым в ECTS [9]. Содержащиеся в шкале ECTS критерии (табл. 2) служат скорее для общей ориентации в национальных образовательных системах, а не для практического применения, которое осуществляется в соответствии с национальной спецификой конкретных стран.

Таблица 2

Общие стандарты оценивания студентов по системе ECTS

Оценка ECTS	Процент оценок	Качественная интерпретация
A	10	Выдающиеся знания с незначительными погрешностями (excellent)
B	25	Знания выше среднего уровня с некоторыми ошибками (very good)
C	30	Правильно выполненная работа с несколькими ошибками (good)
D	25	Удовлетворительные знания с заметными недостатками (satisfactory)
E	10	Знания, удовлетворяющие минимальным критериям (sufficient)
FX	–	Неудовлетворительные знания, требующие проведения дополнительной работы до зачета дисциплины (fail)
F	–	Неудовлетворительные знания, требующие существенной дополнительной работы (fail)

Общие стандарты оценки по европейской системе ECTS предполагают использование семиступенчатой шкалы, обозначаемой буквами. В отношении пяти положительных ступеней А–Е устанавливается эталонное симметричное распределение частот, в рамках которого по 10 % отведено соответственно крайним А и Е, 25 % — промежуточным В и D, а оставшееся распределение 30 % — средней оценке С. В шкале также имеются две неудовлетворительные оценки FX и F: первая означает, что знания студента требуют проведения дополнительных работ, и он получает пра-

во повторной сдачи экзаменов без прохождения дополнительного полного курса; соответственно вторая оценка такого права не предоставляет. Система ECTS заложила методическую основу, которая позволяет применять ее в любой национальной системе образования [13].

Со времени начала перехода Кыргызстана к использованию принципов Болонского процесса и, в частности, внедрения механизмов ECTS, в стране был накоплен опыт успешных практик внедрения европейской системы кредитов. Каждый вуз в Кыргызской Республике имеет определенные нюансы в установлении кредитов по системам зарубежных вузов [4]. Так, в Американском университете Центральной Азии используется схема кредит-часа, основанная на американском подходе. В Кыргызско-Турецком университете «Манас» и других киргизско-турецких учебных заведениях внедрена адаптированная турецко-американская система кредит-часов. В Кыргызском национальном университете, Международном университете Кыргызстана, Бишкекской финансовой экономической академии используются европейские системы партнерских вузов (Франции, Голландии, Италии, Австрии).

При том, что существует множество подходов к оценке студентов в практике внедрения системы ECTS в Кыргызстане, возникает проблема унификации для обеспечения единых национальных стандартов.

Для решения данной проблемы министерство образования и науки КР (МОН КР) разработало и провело эксперимент по внедрению европейской системы кредитования. В рамках пилотного проекта была разработана учебная программа подготовки бакалавров по направлению «Экономика» в соответствии с требованиями европейской системы перевода и накопления кредитов. К пилотному проекту участвовало семь вузов страны. В числе основных результатов эксперимента и практического внедрения европейской системы оценивания обучающихся высшей школы можно выделить:

- комплексное изучение основных подходов к разработке современных европейских образовательных программ с учетом требований ECTS;
- разработку учебно-методических материалов, адаптированных к специфике состояния высшего образования в КР и регламентирующих организацию учебного процесса в соответствии с требованиями ECTS.

В дальнейшем было принято решение о продолжении реализации эксперимента по внедрению системы ECTS в вузах КР, в том числе по новым направлениям и специализациям. В перечень вузов, на базе которых продолжался эксперимент, были отнесены: Кыргызский технический университет им. Разакова; Кыргызский аграрный университет им. Скрябина; Кыргызский государственный университет им. Арабаева; Бишкекский гуманитарный университет им. Карасаева.

В ходе реализации проекта в КР были приняты организационные решения, направленные на обеспечение эффективной координации реализации эксперимента. Так, МОН КР было создано Координационное бюро координаторов ECTS вузов, а также продолжена разработка нормативно-правовых и регламентирующих документов, направленных на регулирование отношений по реализуемым проектам. Был разработан проект «Темпус Создание Национального Бюро Европейской Системы Перевода Кредитов (ECTS)», одобренный и финансируемый с 2006 г. Европейской комиссией. В рамках данного проекта было учреждено Национальное бюро координаторов ECTS при МОН КР. К задачам указанной структуры были отнесены:

- обеспечение нормативными и учебно-методическими документами деятельности вузов по организации образовательного процесса на основе системы ECTS и выдачи выпускникам приложения к диплому в соответствии с требованиями ECTS/DS;
- планирование и проведение мониторинга и оценки процесса внедрения кредитной системы обучения и Приложения к диплому, основанной на ECTS, в вузах страны;
- разработка методических материалов для организации академической мобильности студентов и ППС вузов;
- совершенствование образовательного процесса вуза путем реализации пилотных проектов, экспериментов по внедрению инновационных технологии и подходов в обучении [5].

Также были разработаны рамочные условия реализации европейской системы кредитов в вузах Кыргызстана. Специфика применения системы ECTS в киргизской высшей школе состоит прежде всего в ее содержательном наполнении: в Кыргызстане общая годовая нагрузка по системе ECTS равна 60 кредитам, на один семестр — приходится 30 кредитов, на триместр — 20 кредитов; по программе бакалавриата за 4 года необходимо набрать 240 кредитов, по программе магистратуры за 2 года необходимо набрать 120 кредитов. При этом статус студента определяется не числом лет, проведенных в вузе, а числом накопленных кредитов, которые присваиваются только в том случае, если студент успешно сдал итоговый контроль. Трудозатраты на освоение конкретных дисциплин включают в себя лекции, практические занятия, семинары, самостоятельную работу (в лаборатории, библиотеке или дома), а также экзамены или другие формы контроля результатов обучения. Академический год обучения по системе ECTS в Кыргызстане составляет 1800 ч, продолжительность учебного часа при использовании кредитной технологии — 50–60 мин, 1 кредит — 30 астрономических часов. Длительность семестра составляет 15–20 недель, которые соответственно распределяются на учебные занятия, практику, сессии, зимние каникулы, государственную аттестацию.

По результатам практики внедрения системы европейских кредитов ECTS в киргизской высшей школе были сделаны следующие выводы: в современных условиях перспективы развития европейской системы оценивания студентов в КР находятся в плоскости решения таких задач, как:

— актуализация сборника нормативных документов по применению ECTS. Данный сборник был разработан на основе руководства ECTS, изданного Европейской комиссией в 2005 г., в феврале 2009 г. было издано новое руководство по применению ECTS с дополнениями и изменениями. В связи с этим требуется переиздание сборника нормативных документов с изменениями и дополнениями 2009 г.;

— привлечение других вузов КР к участию в эксперименте по внедрению европейской системы кредитов;

— обновление законодательной базы, регулирующей отношения в сфере образования;

— совершенствование организации функционирования системы школьного образования в КР, которая пока не в полной мере соответствует европейским стандартам, что также влияет на особенности оценивания студентов.

Источники и литература

1. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики. — Режим доступа: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/ — Дата обращения: 20.03.2016.
2. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 12.06.2015 № 354 «О прогнозе социально-экономического развития Кыргызской Республики на 2016 год и 2017–2018 годы» // «Эркин Тоо» от 21.07.2015 г. № 66.
3. *Абакирова Г.Б.* Интеграционные процессы в вузах Кыргызстана // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 132–137.
4. *Адамкулова Ч.У.* Внедрение европейской системы перевода и накопления кредитов (ECTS) в управлении учебным процессом университетов Кыргызстана: состояние и перспективы // Наука, новые технологии и инновации. 2015. № 4. С. 157–159.
5. *Ажыбаев Д.М., Бекежанов М.М., Байтугелова Ж.А.* О методологическом подходе разработки образовательных программ // Известия вузов Кыргызстана. 2014. № 4–1. С. 8–12.
6. Болонский процесс: Концептуально-методологические проблемы качества высшего образования: Книга-приложение 3 / Под науч. ред. В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 304 с.
7. *Гладких Б.А.* Выбор шкалы оценивания знаний в вузе в контексте болонского процесса // Проблемы управления в социальных системах. 2011. Т. 3. № 5. С. 98–118.

8. *Кожевникова Н.Ю.* Влияние болонского процесса на преобразование учебных бизнес-процессов и распределение ресурсов вуза // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2010. Т. 9. № 11 (71). С. 98–102.
9. *Кулунова А., Уметов Т.Э.* Адаптация студентов к кредитной технологии обучения // Актуальные проблемы развития личности в онтогенезе: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов. Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. Киров: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2014. С. 213–215.
10. *Наркозиев А.К.* Опыт дидактического обоснования кредитной технологии обучения в международном университете Кыргызстана // Alma mater: Вестник высшей школы. 2009. № 9. С. 40–46.
11. Образование и наука в Кыргызской Республике, 2006–2010 гг. Статистический сборник. Бишкек, 2012.
12. Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские измерения / Под науч. ред. В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 352 с.
13. *Пьянова О.А.* Сущность болонского процесса в европейском образовательном пространстве и причины присоединения России к этому процессу // Инновационное образование и экономика. 2009. Т. 1. № 4. С. 22–24.
14. *Разумкова Г.М.* Болонский процесс — процесс, сближения и гармонизации систем образования стран Европы // Образование: традиции и инновации: Материалы V международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.В. Уварина. 2014. С. 381–383.
15. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 23.03.2012 № 201 «О стратегических направлениях развития системы образования в Кыргызской Республике» // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/92984> — Дата обращения: 29.03.2016.

Российско-германские отношения в свете современных политологических исследований

Russian-German relations in the light of modern political studies

Д.А. Писарев

Писарев Дмитрий Алексеевич, аспирант Дипломатической академии МИД России.

Аннотация: в статье проводится анализ российских и немецких исследований по вопросам современных отношений России и Германии. Сопоставляются точки зрения экспертов двух стран по отдельным аспектам двусторонних отношений. На основе проведенного анализа делается вывод о разнице подходов российского и немецкого экспертных сообществ к оценкам двустороннего сотрудничества. Российские авторы традиционно рассматривают Германию в качестве ключевого партнера России в Европе и даже, несмотря на очевидное ухудшение двусторонних отношений после 2014 г., оставляют открытым «окно возможностей» для политического диалога двух стран. Их немецкие коллеги традиционно склонны придерживаться весьма критического взгляда как на внутреннюю, так и на внешнюю политику России. В условиях нарастания политических противоречий двух стран с 2014 г. немецкие эксперты склонны к достаточно категоричным оценкам политических действий России, тем самым существенно сужая возможность налаживания отношений России и Германии.

Ключевые слова: российско-германские отношения, научные исследования, политика, демократия, европейская безопасность.

Abstract: the Russian and German studies on the relations between modern Russia and Germany are analyzed in the article. Compares the point of views of experts from the both countries on certain aspects of bilateral relations. On the basis of the analysis it was came to the conclusion about the difference approaches of the Russian and German expert community assessments of the bilateral cooperation. Russian authors traditionally see Germany as a key partner of Russia in Europe and even in spite of the obvious deterioration of bilateral relations after 2014, leaving an open «window of opportunity» for political dialog between the two countries. Their German colleagues are traditionally inclined to take a very critical view on both domestic and foreign

policy of Russia. In the conditions of growing political differences between two countries from 2014, the German experts tend to quite categorical assessments of political actions of Russia, thereby significantly narrowing the possibility of establishing relations of Russia and Germany.

Key words: Russian-German relations, studies, politics, democracy, European security.

Отношения России и Германии традиционно привлекают большое внимание исследователей в обеих странах. Наиболее исследованным периодом в современных отношениях России и Германии являются 1990-е — начало 2000-х гг. Именно на рубеже XX и XXI вв. в России сложилась достаточно развитая научная школа изучения как политики ФРГ в целом, так и отдельных аспектов российско-германских отношений. Лидирующие позиции в исследовании данной тематики в России занимают институты Российской академии наук: Институт Европы (ИЕ РАН), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН), Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). Также исследования по отдельным вопросам политики современной Германии и российско-германских отношений проводятся в рамках российских аналитических центров: Российский совет по международным делам (РСМД), Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), клуб «Валдай».

По итогам проводимых исследований в России издается большое количество книг (сборники статей и монографические исследования с преобладанием первых), научных статей (основные журналы, индексируемые по российской системе РИНЦ и зарубежным системам Web of Science, Scopus: «Современная Европа», «Мировая экономика и международные отношения», «Актуальные проблемы Европы», «Россия в глобальной политике»).

Отдельные аспекты как политики Германии после 1990 гг., так и российско-германских отношений в 1990-е — начале 2000-х гг., тесно увязанные с широким кругом общеевропейской тематики, нашли отражение в работах таких авторов, как А.Г. Арбатов, Н.К. Арбатова, Ю.А. Борко, О.В. Буторина, Ал.А. Громыко, Д.А. Данилов, В.В. Журкин, А.В. Загорский, А.И. Никитин, Т.Г. Пархалина, Д.В. Шереметьев, Л.Н. Шишелина, Н.П. Шмелев, М.Л. Энтин [2, 3, 6–10, 16, 18–23, 33, 34, 44].

Анализ работ вышеприведенных российских исследователей позволяет выделить ряд общих моментов в подходах. Во-первых, отдельные аспекты внешней политики Германии и российско-германских отношений обуславливается изучением многомерных процессов в сфере общеевропейской внешней политики, политики безопасности и обороны как важной части интеграции Европейского союза. Во-вторых, как правило, исследование проблематики внешней политики Германии тесно увязывает-

ся с интересами России в сфере европейской безопасности. Последнее вполне оправданно, ведь речь идет о собственно *российских* исследованиях. В-третьих, рассмотрение проблематики внешней политики Германии и российско-германских отношений сквозь призму российских интересов оказывает существенное влияние на подходы исследователей. Речь идет о влиянии общеполитического контекста и его официальной интерпретации на экспертные оценки текущего состояния и перспектив развития отношений двух стран.

Собственно проблематика российско-германских отношений в 1990-е — начале 2000-х г., обусловленная геополитическими последствиями объединения Германии и распадом Советского Союза, а также анализ изменения места и роли Российской Федерации и ФРГ в системе международных отношений и перспектив стратегического партнерства двух стран находится в фокусе исследований таких известных российских германистов, как А.А. Ахтамзян, В.Б. Белов, К.С. Вяткин, В.И. Дашичев, Л.Г. Истягин, Ю.А. Квицинский, И.Ф. Максимычев, Н.К. Меден, Б.С. Орлов, Н.В. Павлов, А.И. Патрушев, В.П. Терехов, А.М. Филитов [5, 17, 26, 27–32, 40, 43].

Среди работ вышеперечисленных исследователей следует выделить исследования Н.В. Павлова [30–32]. В своих работах этот автор значительное внимание уделяет трансформации «восточной политики» ФРГ после 1990 г. Н.В. Павлов справедливо отмечает, что к концу 1990-х гг. отношения ФРГ с государствами постсоветского пространства были выделены в отдельное направление германской внешней политики, в рамках которого ФРГ заметно активизировала свою роль на пространстве СНГ. Германия стала проявлять заметный интерес к развитию сотрудничества с Украиной и Белоруссией. В связи с этим Н.В. Павлов делает обоснованный вывод о возможности столкновения интересов Германии и России в восточноевропейской части СНГ, хотя в конце 1990-х гг. обе страны на официальном уровне придерживались углубленного сотрудничества в формате стратегического партнерства [30]. Анализируя эволюцию стратегического партнерства двух стран, Н.В. Павлов особое внимание уделяет его институциональным характеристикам, отмечая своеобразие сформировавшейся «переговорной архитектуры» [32]. По мнению исследователя, важнейший сегмент этой «переговорной архитектуры» — взаимодействие лидеров ФРГ и Российской Федерации. Вторым сегментом назван механизм политического диалога представителей государственных структур обеих стран. Наконец, третий сегмент представлен широкой сетью германских и российских общественных организаций. При этом особое внимание Н.В. Павлов уделяет взаимодействию бизнес структур двух стран [32].

Рассматривая эволюцию российско-германских отношений в качестве предмета изучения российских исследователей, необходимо выделить

работы А.В. Загорского. Ученый проводит критический, но вместе с тем взвешенный анализ факторов, обуславливающих развитие российско-германских отношений на рубеже 1990-х — 2000-х гг. Среди этих факторов А.В. Загорский концентрирует внимание на субъективном влиянии лидеров двух государств на общий климат двусторонних отношений, разнице между официальной политикой и общественным мнением двух стран, приоритетном значении поддержки интересов крупного бизнеса (прежде всего, немецкого) [24, 25]. По мнению исследователя, приход к власти в 2005 г. коалиционного правительства в составе ХДС/ХСС, СДПГ и «Союза-90 — Зеленых» привел к корректировкам внешнеполитического курса Германии в сторону нарастания противоречий с Россией. Однако, как полагает эксперт, преемственности в российско-германских отношениях все же больше, нежели противоречий [25]. Подобный взгляд на перспективы развития российско-германских отношений после 2005 г. характерен и для работ С.Л. Романова [38: 75–80].

В начале 2000-х гг. российские исследователи все чаще обращали внимание на возможность нарастания противоречий России и Германии прежде всего в отношении новых независимых государств постсоветского пространства. В связи с этим необходимо выделить работы бывшего заместителя министра иностранных дел и посла СССР в ФРГ Ю.А. Квицинского. По его мнению, в процессе расширения ЕС и НАТО на восток Германия фактически встроила свою «восточную политику» в русло данных процессов, что способствовало усилению экономических и политических германских позиций в традиционно значимых для ее интересов регионах. Вот почему Ю.А. Квицинский в качестве наиболее приоритетных для германских геополитических интересов стран выделяет Украину, страны Прибалтики и Закавказья, делая при этом исторический экскурс во времена экспансионистской политики Германского рейха. Эксперт особо подчеркивает синергетический эффект экспансионистских устремлений НАТО, ЕС и Германии, ставший очевидным в начале XXI века [26]. Данную точку зрения разделяет и бывший советник — посланник посольства СССР в Берлине И.Ф. Максимычев (ИЕ РАН). Говоря о перспективах развития российско-германских отношений, автор особо подчеркивает неравноправный статус двух стран, отмечая, что политическая слабость российского руководства в 1990-е гг. обусловила нарастание германских амбиций в «восточной политике», что неминуемо чревато столкновением интересов России и Германии в будущем [28: 36–47]. На нарастание экспансионизма в рамках германской «восточной политики» обращает внимание Л.М. Воробьева (РИСИ). Говоря о работах данного автора, стоит отметить, что в фокусе ее исследований находится как германская политика в отношении постсоветского региона в целом, так и особенности отно-

шений ФРГ с отдельными государствами (Украиной, Белоруссией, Узбекистаном) [13: 199–232, 14: 95–112, 15: 261–296].

В целом, для российских исследователей характерен детальный и всесторонний анализ отношений России и Германии в 1990-е — начале 2000-х гг., в рамках которого они делали реалистичные прогнозы дальнейшей динамики отношений двух стран. К началу второго десятилетия 2000-х гг. стало появляться все больше работ, в которых особое внимание уделяется трансформации «восточной политики» Германии в сторону усиления экспансионизма и, как следствие, неминуемому столкновению с интересами России. Среди монографических исследований, посвященных проблематике современных российско-германских отношений как части внешней политики ФРГ, необходимо выделить коллективный труд ученых Института Европы РАН «Германия. Вызовы XXI века», увидевший свет в 2009 г. В монографии особый акцент сделан на ключевой роли Германии в выстраивании системы европейской безопасности и сопутствующей ей архитектуры. При этом подчеркивается, что «восточная политика» Германии не только встроена в «восточную политику» ЕС, но в будущем будет определять направление последней. В связи с этим вопрос о будущем стратегическом партнерстве России и Германии остается открытым в силу возможного нарастания противоречий двух стран в отношении государств постсоветского пространства [17]. Данную точку зрения разделяет В.В. Афанасьев (МГУ), который в своей публикации проводит анализ роли Германии в восточном расширении НАТО и ЕС. Говоря о совпадении интересов «восточной политики» Германии с геополитическими интересами Европы и США, автор обращает внимание на нарастающую неспособность Берлина найти баланс интересов между Западом и Россией. Последнее, по мнению В.В. Афанасьева, ставит под вопрос будущее российско-германского стратегического партнерства [4: 48–63]. Нарастанию противоречий между Россией и Германией посвящен аналитический обзор В.И. Васильева (ИМЭМО РАН). Проводя взвешенный анализ трансформации «восточной политики» Германии в период канцлерства А. Меркель, В.И. Васильев обращает внимание на то, что, несмотря на внушительный позитивный опыт сотрудничества России и Германии, накопленный с середины 1950-х гг., в годы «большой коалиции» (2005–2009 гг.) Берлин начал постепенный пересмотр отношений с Москвой, результатом которого явилось столкновение подходов двух стран по широкому спектру вопросов европейской безопасности. В.И. Васильев отмечает, что данная ситуация во многом обуславливалась стремлением Германии найти баланс интересов между Россией и новыми членами Европейского союза, прежде всего с Польшей (Берлин старался максимально избежать обвинения «в сговоре с русскими за спиной поляков

и прибалтов») [12]. Автор обращает внимание на то, что на современном этапе «восточная политика» Германии проходит сложную адаптацию к новым политическим реалиям (кризис на Украине, события в Крыму). Прогнозируя будущее российско-германских отношений («Россия и Германия — друзья, партнеры, соперники?»), В.И. Васильев особое значение придает позитивному влиянию общей исторической памяти русских и немцев на контекст двусторонних отношений [12].

Для немецких авторов характерно рассмотрение проблематики германо-российских отношений как одного из направлений внешней политики Германии. В силу встроенности современной Германии в евроатлантические структуры безопасности, немецкое экспертное сообщество приоритетное значение уделяет исследованию отношений Германии с ЕС, НАТО и США. При этом в первую очередь комплекс германо-российских отношений рассматривается через призму проблематики общей европейской внешней политики, политики безопасности и обороны. Германо-российские отношения как часть широкой проблематики внешней политики современной Германии находятся в фокусе внимания таких исследователей, как Т. Бергер, Ю. Менцель, В. Риттбергер, К. Хаке, Г. Хельманн, Г. Хольден, Э. Чемпель, П. Шолль-Латур, Г. Щельген [45, 47, 51, 52, 55, 59, 60, 63–65].

Собственно германо-российским отношениям, равно как и осмыслению подходов внешней политики Германии на ее российском треке, посвящено сравнительно небольшое количество исследований немецких авторов. Отличительной особенностью большинства таких работ является достаточно критическое отношение к внутренней и внешней политике Российской Федерации 1990-х — начала 2000-х гг. Так, У. Крюгер в своей книге «Раздраженная сверхдержава», увидевшей свет в 2009 г., рассматривает Российскую Федерацию как потенциальную носительницу угроз для европейской безопасности. В связи с этим немецкий автор акцентирует внимание на таких факторах, как: конфликты на постсоветском пространстве; угроза распространения оружия с территорий России, Украины и Грузии; судьба российского химического и ядерного потенциалов, оставшихся в наследство от распавшегося СССР [59]. Данную точку зрения разделяет и Л. Кольшен. В своей работе, посвященной исследованию политики Германии на постсоветском пространстве, ученый фокусирует внимание на потенциальных угрозах для безопасности Германии и объединенной Европы, исходящих с территории новых независимых государств: распространению оружия массового уничтожения, организованной преступности, экологических проблемах, торговле людьми и наркотрафике. Примечательно, что Л. Кольшен рассматривает отношения с Россией как приоритетную часть «восточной политики» Германии. При этом ключевыми задачами, стоящими перед российским

направлением «восточной политики» ФРГ, автор видит необходимость демократизации и либерализации Российской Федерации, так как именно демократические преобразования, по его мнению, будут способствовать созданию стабильной и безопасной для Европы и Германии России [46].

В начале 2000-х гг. демократизаторская и оценочная риторика характерна для немецких исследований российской проблематики. В связи с этим необходимо отметить отдельный номер авторитетного немецкого журнала *Internationale Politik*, вышедший в октябре 2002 г. и целиком посвященный России (*Internationale Politik. 2002. № 10*). Авторы, среди которых в равной пропорции представлены российские и немецкие эксперты, сфокусировали свое внимание на критике не только внутренних реформ в Российской Федерации, но и на трансформации внешней политики России с началом президентства В.В. Путина. При этом вне поля зрения экспертного сообщества остался спектр угроз, который встал перед политикой безопасности РФ после первой волны расширения НАТО на восток, и возникающий в ходе предстоящего расширения ЕС. Так, немецкий автор Х. Тиммерман, давая субъективную оценку грядущего расширения ЕС для Калининградской области РФ, не упомянул о факторах, объективно противоречащих интересам России, сфокусировав свое внимание исключительно на интересах немецкого бизнеса и безопасности Европы [68: 25–31].

Существенное усиление наступательной демократизаторской риторики в отношении России, равно как и критическое отношение к внешней политике В. Путина со стороны экспертного сообщества Германии, особенно характерно для последних лет пребывания у власти коалиционного правительства СДПГ и «Союза-90 — Зеленых» во главе с Г. Шрёдером. В связи с этим весьма примечательно выглядит статья авторитетного немецкого автора Б. Фогеля, опубликованная в сентябре 2005 г. Анализируя текущее состояние германо-российских отношений, Б. Фогель по традиции обрушился с критикой на внешнюю и внутреннюю политику Российской Федерации. Концептуальной новеллой данной работы стала критика политики Германии в отношении России: всю вину за «весьма заметную стагнацию процесса демократизации» России автор возложил на правительство Г. Шрёдера и его западных коллег, которые в рамках G-8 верили «декларативным обещаниям и символическим жестам России» [71: 64–70]. Данную точку зрения разделили многие немецкие эксперты, среди которых можно выделить Х. Адомайта и Г. Эрлера [1, 48].

Среди достаточно большого круга немецких авторов следует выделить А. Рара, который в своих исследованиях старается придерживаться взвешенного подхода, старательно избегая как традиционной критики российской внутренней и внешней политики, так и традиционных для Запада политических стереотипов в отношении России [35, 36, 37]. Давая

оценку российско-германским отношениям на рубеже 1990-х — 2000-х гг., Рар отмечает, что Россия никогда не рассматривала Германию в качестве соперника на постсоветском пространстве, а стремление Москвы к налаживанию двусторонних отношений диктовалось необходимостью продвигать политический диалог с Европейским союзом. По мнению ученого, российская внешняя политика отводила Германии роль посредника в своих взаимоотношениях с ЕС, чему в немалой степени способствовал доверительный характер российско-германских отношений. Рассматривая период президентства В.В. Путина во внешней политике России, А. Рар характеризует Президента РФ как «германофила», с сожалением констатируя, что германская политическая элита упустила шанс наладить подлинно конструктивные отношения с Россией [36: 266–268, 277–278]. В вышедшей в 2016 г. книге «Россия — Запад. Кто кого?» А. Рар обращает внимание на начавшуюся при А. Меркель трансформацию «восточной политики» Германии, что обусловлено сменой поколений в немецком политическом истеблишменте (уходят политики поколения Г. Коля, благодарные России за германское объединение), и желанием молодых политиков «увидеть в России ту же либеральную политическую модель, что и в Польше или Чехии» [37: 276]. Современное непонимание между Россией и Германией А. Рар склонен расценивать не как геополитический конфликт двух государств, а как цивилизационный конфликт, в основании которого лежат разные подходы к демократии и демократическим ценностям [37: 279].

Подобный подход разделяет еще один современный немецкий автор Г. Вагнер [11]. В своем исследовании, посвященном современным отношениям России и Германии, Г. Вагнер обращает внимание на такой константный фактор, играющий на укрепление двусторонних связей, как общность исторических судеб русских и немцев. Автор придерживается весьма оптимистичного взгляда на будущее отношений двух стран, акцентируя внимание на отсутствии существенных геополитических противоречий между Россией и Германией и их обоюдной заинтересованностью в укреплении стабильности в Европе: «Россия и Германия нуждаются в мирном европейском порядке без разделяющих их границ, без вражды, без гонки вооружений и ракет, без господства и диктата, без сфер влияния, в Европе с высоким благосостоянием всех ее граждан» [11: 194]. При этом существующие противоречия в отношениях России и Германии Г. Вагнер склонен обуславливать негативным влиянием политики США на европейскую безопасность: «России и Германии нужна самостоятельная Европа. Европа ради своей безопасности и своего политического будущего должна перестать играть роль слуги или младшего партнера США» [11: 194].

Большинство российских и немецких исследователей обращают внимание на то, что динамика эволюции отношений России и Германии во

многим обусловлена влиянием США на европейскую политику. В связи с этим стоит отметить, что в западной политологии наблюдается устойчивый интерес к изучению влияния американского фактора как на политику крупнейших государств Европы, так и на европейскую безопасность в целом [49, 50, 53, 54, 56, 57, 58, 61, 62, 66, 70]. Говоря о рассмотрении в данном исследовательском контексте сложного комплекса отношений между Германией, Россией и ЕС; Германией, Россией и США, западные эксперты обращают внимание на возросшую самостоятельность германской политики в Европе и в мире. Последнее самым непосредственным образом влияет на трансформацию «восточной политики» Германии в сторону нарастания противоречий с Россией. Так, министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер в статье, опубликованной летом 2016 г. в американском журнале *Foreign Affairs*, обращает внимание на стремление своей страны преобразовать существенный экономический потенциал в столь же существенное политическое влияние Германии на международной арене [67: 106–118]. Активная роль Германии в политическом урегулировании кризиса на Украине, по мнению Ф.-В. Штайнмайера, отражает дрейф европейской системы безопасности в сторону германоцентричности. В обозримой перспективе Германия как неоспоримый лидер объединенной Европы будет стремиться к распространению демократических ценностей в сопредельные регионы, что неминуемо вызовет столкновение с интересами России, стремящейся упрочить свое влияние в ряде стран постсоветского региона (Украине, Белоруссии, Грузии) [67: 111].

Обобщая большой круг как российских, так и немецких исследований по анализу современных отношений России и Германии, стоит отметить разницу в подходах. Российские авторы традиционно рассматривают Германию в качестве ключевого партнера России в Европе и даже, несмотря на очевидное ухудшение двусторонних отношений после 2014 г., оставляют открытым «окно возможностей» для политического диалога двух стран. Их немецкие коллеги традиционно склонны придерживаться весьма критического взгляда как на внутреннюю, так и на внешнюю политику России. При этом наибольшей критике со стороны экспертного сообщества Германии подвергается период президентства В.В. Путина. В условиях нарастания политических противоречий двух стран с 2014 г. немецкие эксперты склонны к достаточно категоричным оценкам политических действий России, тем самым существенно сужая возможность налаживания отношений России и Германии.

Источники и литература

1. *Адомайт Х.* Политика Германии в отношении России: конец «медового месяца» // ИФРИ. *Russie. Cei. Visions.* № 6 (b). Стюз, hm 2005. 22 с. — Режим доступа: <http://www.ifri.org/downloads/adomeitrusse.pdf> — Дата обращения: 22.12.2017.

2. *Арбатов А.Г.* Безопасность: российский выбор. М.: Эпицентр, 1999. 524 с.
3. *Арбатов А.Г.* Россия в контексте современных проблем безопасности // Внешняя политика России 2000–2020. Т. 1. М., 2012. 446 с.
4. *Афанасьев В.В.* Роль Германии в расширении НАТО // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации. М.: КАНОН+: РООИ «Реабилитация», 2009. С. 48–63.
5. *Ахтамзян А.А.* Германия и Россия в конце XX столетия: очерки. М.: МГИМО, 2000. 163 с.
6. Безопасность будущей Европы / Под ред. Ю.А. Борко, В.М. Кудрова, Б.М. Пичугина. М., 1993. 563 с.
7. Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. ИЕ РАН. М., 2011. 667 с.
8. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН, 2014. 720 с.
9. *Борко Ю.А.* Отношения России с Европейским союзом и их перспективы // Докл. ИЕ РАН № 73. М., 2001. 167 с.
10. *Борко Ю.А.* Свет и тени европейской интеграции // Россия в глобальной политике. 2007. № 1. С. 46–59.
11. *Вагнер Г.* Россия и Германия // Сборник научных статей. М., 2011. 224 с.
12. *Васильев В.И.* «Восточная политика» Германии: противоречивая эволюция // Международная жизнь. 2014. № 11. 15 с. — Режим доступа: <http://www.interaffairs.ru/jauthor/material/1194> — Дата обращения. 21.10.2017.
13. *Воробьева Л.М.* Германско-белорусские отношения // Белоруссия: путь к новым горизонтам / Под ред. Е.М. Кожокина. М.: РИСИ, 1996. С.199–232.
14. *Воробьева Л.М.* Германско-украинские отношения // Украина: вектор перемен / Под ред. Е.М. Кожокина. М.: РИСИ, 1997. С. 95–112.
15. *Воробьева Л.М.* Отношения Германии и Узбекистана: интересы, проблемы, потенциал развития / Под ред. Е.М. Кожокина. М.: РИСИ, 1998. С. 261–296.
16. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л.Н. Шишлиной. М.: ИЕ РАН, 2010. 568 с.
17. Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН, 2009. 792 с.
18. *Громыко Ал.А.* Россия и Евросоюз: динамика отношений // Внешняя политика России 2000–2020. Т. 1. М., 2012. 220 с.
19. *Громыко Ал.А.* Европа 2020. Что ждет интеграцию? // Внешняя политика России 2000–2020. Т. 2. М., 2012. 253 с.
20. *Данилов Д.А., Де Спигелейре С.* От размежевания к сближению: новые отношения России и Западной Европы в сфере безопасности? Париж: Ин-т по изучению проблем безопасности ЗЕС, 1998. 748 с.
21. *Данилов Д.А.* Формирование системы европейской безопасности // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М.: ИЕ РАН, 2011. С. 11–70.
22. *Данилов Д.А.* Россия и НАТО: между партнерством и сдерживанием // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. М.: ИЕ РАН, 2014. С. 497–521.
23. Европейская интеграция / Под ред. О.В. Буториной. М.: МГИМО (У), 2011. 720 с.
24. *Загорский А.В.* Россия и СНГ // Внешняя политика Российской Федерации / Под ред. А.В. Торкунова, А.Ю. Мельвиля. М.: МГИМО, 2000. С. 96–12.
25. *Загорский А.В.* Россия и Германия: преемственность и перемены // ИФРИ. Russie. Cei. Visions. № 6. 2005. 18 с. — Режим доступа: <http://www.ifri.org/downloads/zagorskirusse.pdf> — Дата обращения: 21.10.2017.

26. *Квицинский Ю.А.* Россия — Германия. Воспоминания о будущем. М.: Детектив-Пресс, 2008. 192 с.
27. *Максимычев И.Ф.* Падение Берлинской стены. Из записок советника — посланника посольства СССР в Берлине. М.: Вече, 2011. 352 с.
28. *Максимычев И.Ф.* Германский фактор европейской безопасности // *Международная жизнь.* 1996. № 11–12. С. 36–47.
29. *Патрушев А.И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: МГУ, 2007. 704 с.
30. *Павлов Н.В.* Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М.: Наука, 2005. 410 с.
31. *Павлов Н.В.* Германия. Между Бонном и Берлином // *Международная жизнь.* 2004. № 3. С. 87–98.
32. *Павлов Н.В.* 20 лет германского единства // *Международная жизнь.* 2010. № 11. С. 66–78.
33. *Пархалина Т.Г.* Россия в системе европейской безопасности // *Европа перемен: концепции и стратегии интеграционных процессов.* М.: ИНИОН РАН, 2006.
34. *Пархалина Т.Г.* Перспективы договора о европейской безопасности // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы.* 2009. Выпуск 16 (32). 30 с.
35. *Рар А.* Владимир Путин: «Немец» в Кремле. М.: ОЛМА, 2001. 318 с.
36. *Рар А.* Россия жмет на газ. Возвращение мировой державы. М.: ОЛМА, 2008. 384 с.
37. *Рар А.* Россия и Запад. Кто кого? М.: Изд-во «Э», 2016. 352 с.
38. *Романов С.Л.* Восточногерманские земли по-прежнему тяготеют к России // *Международная жизнь.* 1998. № 7. С. 75–80.
39. *Романов С.Л.* Германия в Балтийском регионе // *Международная жизнь.* 1999. № 1. С. 74–80.
40. *Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности* / Под ред. В.И. Дашичева, Н.К. Меден. М.: ИЭ РАН, 2009. 186 с.
41. *Россия и Германия в Европе: Сборник статей* / Под ред. Б.С. Орлова, Х. Тиммермана. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 288 с.
42. *Терехов В.П.* Германия — пятьдесят лет спустя // *Международная жизнь.* 1999. № 10. С. 62–94.
43. *Терехов В.П.* Как «закрывался» германский вопрос // *Международная жизнь.* 1998. № 8. С. 62–94.
44. *Шереметьев Д.В.* Эволюция европейской политики безопасности и обороны в условиях глобализации. М.: ИЕ РАН, 2017. 278 с.
45. *Berger T.* Back to the Future // *Welt Trends.* Nr. 45 (Winter). 2004. P. 15–34.
46. *Colschen L.* Deutsche Aussenpolitik. Paderborn: Wilhelm Fink, 2010. 461 s.
47. *Czempiel E.-O.* Internationale Beziehungen: Begriff, Gegenstand und Forschungsabsicht // *Knapp M., Krell (Hrsg.) Einfuhrung in die Internationale Politik.* Munchen, 2004. S. 109–127.
48. *Erlor G.* Russland kommt. Putins Staat — der Kampf um Macht und Modernisierung. — Freiburg, Basel, Wien: Herder, 2005. 190 s.
49. *Giegerich, Bastian.* European Security and Strategic Culture: National Responses to the Eus Security and Defence Policy. Baden Baden: Nomos, 2006.
50. *Gordon, Philip H. and Jeremi Shapiro.* Allies at War: America, Europe and the Crises over Iraq. New York: Mcgraw-Hill, 2004. 244 p.
51. *Hacke Ch.* Zuviel Theorie? Zumenig Geschichte? Eine Kritische Zwischenbilanz der Disziplin Internationale Beziehungen in Deutschland. Hamburg, 2003. 352 s.

52. *Hellmann G.* Fur eine problemorientierte Grundlagenforschung: Kritik und Perspektiven der Disziplin «Internationale Beziehungen» in Deutschland // Zeitschrift fur Internationale Beziehungen, 1994. № 1. S. 54–68.
53. *Henke, Marina E.* «A Liberal-Intergovernmental Theori of European Security Cooperation». Manuscript, princeton University. 2010. 192 s.
54. *Hoffmann, Sanley.* «Towards a Common European Foreign and Security Policy?» Jornal of Common Market Studies 38. 2000. № 2 (june). P. 189–198.
55. *Holden G.* Wie deutsch sind die deutschen Internationale Beziehungen? — Режим доступа: http://www.soz.uni-frankfurt.de/hellmann/mat/Rezension_Holden.pdf — Дата обращения: 15.08.2017.
56. *Howorth, Jolyon.* «Britan, France, and the European Defence Initiative». Survival 42, № 2 (January): 33–55. Howorth, Jolyon. 2009. «Implementing a «Grand Strategy». In Alvaro deVasconcelos,ed., What Ambitions for European Defence in 2020? Paris: European Union Institute for Security Studies, 2000.
57. *Howorth, Jolyon.* «The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain». Jornal of Common Market Studies 48, № 3 (June). 2010. P. 455–474.
58. *Keukeleire, Stephan, and Jennifer MacNaughtan.* The Foreign Policy of the European Union. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2008. 374 p.
59. *Krüger U.* Die gereizte Grossmacht. Russlands Anspruch auf Weltgeltung. Bonn: Bouvier, 2009. 288 s.
60. *Menzel U.* Idealismus, Realismus, Institutionalismus und Strukturalismus // Menzel U., Varga K. (Hrsg.) Theorie und Geschichte der Lehre von den Internationalen Beziehungen. Hamburg, 1999. 463 s.
61. *Merand Frederic, Martial Foucault, and Bastien Irondelle.* European Security sinse the fall of the Berlin Wall. Toronto: University of Toronto Press, 2008. 336 p.
62. *Moravcsik, Andrew.* «Europe, the Second Superpower». Current History (March), 2010. P. 91–98.
63. *Rittberger V.* Research on International Regimes in Germany. The Adaptive Internalization of an American Social Science Concept. Oxford, 1995. P. 3–22.
64. Scholl — Latour P. Zwischen den Fronten. Erlebte Weltgeschichte. Berlin, Ullstein, 2008. 362 s.
65. *Schöllgen G.* Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutchland: Von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 2001. 249 s.
66. *Smith, Karen E.* European Union Foreign Policy in a Changing World, 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2008. 320 p.
67. *Steinmeier Frank-Walter.* Germany's New Global Role. Berlin Steps Up. // Foreign Affairs. July/August, 2016. P. 106–118.
68. *Timmermann H.* Die Bedeutung der EU-Erweiterung für Kaliningrad // Internationale Politik. 2002. № 10. P. 25–31.
69. The German — Russian Relations: Trading Democracy for Security and Stability? / M. Overhaus (ed.)// German Foreign Policy in Dialogue. A Quarterly E — Newsletter on German Foreign Policy. 2004. № 12. Vol. 5. 43 p. — Режим доступа: <http://www.deutsche-aussenpolitik.de/newsletter/issue12.pdf> — Дата обращения: 03.07.2017.
70. *Vennesson, Pascal.* «Competing Visions for the European Union Grand Strategy». European Foreign Affairs Review 15. 2010. № 1. P. 57–75.
71. *Vogel H.* Von der Völker — zur Männerfreundschaft ? // Internationale Politik. 2005. № 9. P. 64–70.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее — «Вестник») рассматривает присланные в редакцию материалы по тематике журнала для возможной публикации.

Редакция информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О., место работы и должность, наличие ученой степени, имя и название статьи на английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Для каждой статьи **обязательна рецензия**, подписанная специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Для статей **аспирантов и соискателей** необходима рецензия научного руководителя.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания — 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. Объем статьи должен быть не менее 20 тыс. знаков и не превышать одного авт. листа (40 тыс. знаков с пробелами) без учета аннотации. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы — в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей.

В конце каждая статья сопровождается нумерованным перечнем использованных источников («Источники и литература»), оформленным в соответствии с ГОСТ 7.1-2003:

— для книжных изданий: Автор. Название: Пер. с англ. (нем., фр. и т.д.) Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. С.

— для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С.

— для интернет-источников:

1) Автор. Название // Название сайта. Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). — Режим доступа: (http, не URL). — Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год.

Или

2) Название сайта. — Режим доступа: (http, не URL). — Дата обращения: число, месяц (словами, сокращенно), год. (Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.)

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Источники и литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**: 12] или [**8**: 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки — примечания — должны иметь сквозную нумерацию по статье.

Материалы следует присылать по электронной почте:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- название статьи;
- фамилия, имя, отчество автора;
- сведения об авторе;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- источники и литература;
- название статьи и полное имя автора на английском языке.

Главный редактор — *Т. А. Смирнова*
Художник — *Т. И. Такташов*
Верстка — *Н. А. Кирьянова*
Корректор — *О. Л. Грозовская*

Ответственный за выпуск — *О. Л. Грозовская*

Научный периодический журнал

Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир

2018. № 1(15)

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Подписано в печать 05.03.2018. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 14,67.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732
Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 183-93-23
E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;
office@dashkov.ru — офис; <http://www.dashkov.ru>

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30